

Антонина Евстратова

ПРОЩАТЬ ЛЮБИМЫМ

Роман, основанный на реальных
событиях

Антонина Евстратова

**Прощать любимым. Роман,
основанный на реальных событиях**

«Издательские решения»

Евстратова А.

Прощать любимым. Роман, основанный на реальных событиях /
А. Евстратова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858340-7

Накануне войны молодая девушка рождает ребенка и пытается от него
избавиться. Спустя много лет она снова появляется в жизни своей дочери
и переворачивает весь её мир.

ISBN 978-5-44-858340-7

© Евстратова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Исповедь перед другом	6
Глава 2. Что ждёт тебя, девочка	14
Глава 3. Борьба с голодом	16
Глава 4. Воспоминания о первой любви	19
Глава 5. Боюсь разоблачения	25
Глава 6. Всё будет хорошо	27
Глава 7. Спасение на пасеке	30
Глава 8. Повитуха и роженица	33
Глава 9. Позор дочери	37
Глава 10. Страх перед родителями	39
Глава 11. Верните мне мою дочь	43
Глава 12. Простите меня	47
Глава 13. Уродливый насильник	50
Глава 14. началась Великая Отечественная	54
Глава 15. Неожиданный гость	56
Глава 16. Любовь с первого взгляда	59
Глава 17. Серьёзная характеристика	61
Глава 18. Вор – неудачник	64
Глава 19. Мой ответ нет	71
Глава 20. Ни от кого не зависит	72
Глава 21. Наказать соперницу	74
Глава 22. На всё ради детей	76
Глава 23. Поплатилась здоровьем	78
Глава 24. Зашел на минутку	81
Глава 25. Жена мужу нужна здоровая	83
Глава 26. Долги нужно отдавать	84
Глава 27. Решила попутать	87
Глава 28. Родилась во второй раз	89
Глава 29. Как защитить тебя	91
Глава 30. Отомстить за унижение	93
Глава 31. Ожидание свидания	94
Глава 32. Вердикт	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Прощать любимым

Роман, основанный на реальных событиях

Антонина Евстратова

Посвящается моим любимым

© Антонина Евстратова, 2018

ISBN 978-5-4485-8340-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Исповедь перед другом

Игнат обернулся на друга, и усмехнулся, – что с тобой, Илья? Ты уставился на баб, как конь на жеребицу, того гляди, заржешь! Поторапливайся, коси, не то мужики обойдут нас!

– Не обойдут! Ты только посмотри, Игнат, в сторону женщин!

– Да, что на них смотреть? Бабы, они и есть бабы! Что я их не видал? Если бы ты знал, скольких девок руки мои перещупали!.. Да все они, одним миром мазаны!

– Эх! Не скажи! Такую красавицу ты не видал!

– Сейчас гляну, из-за кого ты не можешь, сдвинуться с места! – опираясь на косу, он устремил свой взор на косильщиц.

– Ну, и что? Все бабы на одно лицо!

– Все, да не все! Ты протри глаза, с тебя в три ручья пот течет!

– Игнат смахнул рукой с глаз соленый пот. – Ну, смотрю и, что дальше?

– Ничего, просто смотри!

Игнат, прищуриваясь от солнечных лучей, приложил ладонь к широким бархатистым, черным бровям, долго всматривался черными глазами в женщин.

– Постой, постой, Илья, вижу на ней зеленый платок, она идет впереди всех! И кто эта баба?

– Не баба, а женщина! – с нежностью произнес Илья.

– Ну, хорошо, женщина, какая тебе разница?

– Для меня большая разница! – он смотрел на нее, как на картинку и любовался ею.

– Да ты прав, ее невозможно не заметить, она выделялась бы даже из сотни красавиц! – согласился Игнат.

– А – я что говорил?! – воскликнул Илья, расчесывая рукой, черные усы, будто готовился к свиданию.

– И кто она?

– А зачем тебе? – он криво улыбнулся и ревностно посмотрел на друга.

– Необычная, редкой красоты женщина! – с восторгом сказал Игнат.

– И – я о том же, а ты не верил!

– Как это я раньше не заметил ее? Расскажи, Илья, откуда такая красавица?

Или ты сам не знаешь?

– Знаю, да лучше бы не знал... и жил спокойно... душу не терзал.

Он обратил свой взор на бесконечно огромное поле, нескошенную пшеницу выше его роста, и тяжело вздохнул.

Игната еще больше разобрано любопытство, он встал перед другом.

– Ну, давай, не томи, рассказывай! Замахнулся, так бей!

– Тебе зачем? – ледяным голосом спросил он.

– Уж больно хороша женщина! – не скрывая восторга, ответил Игнат, – сам Бог послал ее сегодня, чтобы я с ней встретился!

Илья хмуро посмотрел на друга. – Да пошел бы ты, бабник! Ничего я тебе рассказывать не буду!

– Ты что ревнуешь?

Илья сдвинул широкие черные брови, повернул козырек фуражки назад и зыркнул на Игната светло-зелеными глазами. Ему хотелось сказать другу нечто такое, чтобы тот понял, – на чужой каравай, рот не разевай, – но, открыв тонкие губы, изо рта не прозвучало ни звука.

– Илья, неужели ты и, правда, подумал, что я?.. Я на такое не способен, просто, ради любопытства!

– Смотри, Игнат, за нее и голову могу свернуть!

– Плохо ты думаешь о друге! – обиженно буркнул Игнат.

– Да, что рассказывать?.. Снова душу теревить! Знаешь, как здесь скребет, – он приложил руку к широкой груди и посмотрел в сторону женщин. Тяжело вздохнул, изо рта прозвучал тихий стон.

– Эх! – покачал он головой, – недостижимая ты моя!

– Ну, ладно, так и быть, – он повернулся к Игнату,

– Матреной её зовут, овдовела лет пять назад. Мужа её, я не видал, но слышал, о нем говорят, был великаном! Из всей округи сильнее его не было, мог одним ударом кулака убить быка!

– Фигня все это, Илья, какой кулак надо иметь, чтобы одним ударом убить быка? Кувалдой и то надо ударить несколько раз, а это кулаком! Нет, я не верю!

– Не знаю, Игнат, об этом я слышал от нескольких мужиков, говорят, они сами видели, как он убил быка-убийцу!

Игнат расширил глаза и приподнял бровь, – вот это, да!.. – и помотал головой. – И, что дальше с Матреной?

– Да, что? После к ней много мужиков сваталось, и она могла бы выбрать любого для себя. А нет, для всех от ворот поворот. Для нее нашего брата не существует, да она в нас и не нуждается, всю мужскую работу делает сама!

– Работа работой, Илья, а мужика ей надо! Смотри, в ней кровь с молоком играет, сочная, аппетитная! От одного взгляда на нее, кровь в жилах закипает! – с азартом произнес Игнат.

– Остынь, а то гляди, вся кровь выкипит! – с усмешкой сказал Илья.

– Что неужели заревновал? – заглядывая в светло-зеленые глаза другу, спросил Игнат.

– Бесполезно ревновать, она и на тебя не посмотрит.

– Почему ты знаешь? На тебя не смотрит, а за мной может, побежит!

– Не парся, Игнат, к ней сватались такие мужики не чета нам с тобой!

– Может, на этот счет, Илья, у нее есть свои причины? Не может, быть, чтобы здоровая женщина мужской ласки не хотела!

– Я согласен с тобой, Игнат, тяжело ей без мужской ласки! Здесь, думаю, дело в ее дочери, она родила в шестнадцать лет ну, как говорят, в подоле принесла! Для Матрены, это было большим позором. У нее самой, тогда был свой грудной малыш. А здесь дочь оставила ей своего ребенка!

– Что она бросила его? – он удивленно приподнял дугообразные черные брови.

– Нет, не бросила, она безмолочной была! Ну, Матрена забрала себе, отняла своего от груди и стала кормить внучку.

– Да, «повезло» женщине! – сказал Игнат, поглаживая черные густые волосы на своей голове.

– Я бы сказал, повезло внучке! – поправил его Илья.

– Я в другом смысле!

– А ну, да!

Внучка, как только разговаривать начала, стала называть Матрену мамой, а мать свою по имени. А пока поднимала внучку, сын средний повзрослел, сразу предупредил мать:

– Уйду, говорит из дому, если ты выйдешь замуж!

Его, она очень стеснялась и боялась потерять.

– Мда, думаю, Илья, дети её эгоисты!
– Может, быть, только она так не думает!
– А о себе она не подумала, что ждет её впереди? – Игнат нервно дернул рукой.
– Ясно, Игнат, что её ждёт!.. – Он вздохнул, – такой женщиной не просто овладеть. А люблю её больше своей жизни! Я согласен идти за ней хоть на край света!
– Не понимаю я тебя, Илья, неужели так сложно уговорить бабу?
– Не бабу, Игнат! На бабу, я бы не посмотрел! Такая у меня уже есть! – он криво ухмыльнулся.

– Не поверю я, Илья, чтобы перед тобой можно было, устоять! Ты посмотри на себя, какой ты бравый! Высокий, сильный, как Спартак! И нос греческий и волосы чернее смолы!

Илья громко расхохотался, показывая при этом ровные белые зубы.

– Что, Игнат, на тебя нашло? Будто перед будущей тещей нахваливаешь меня!

– Так и есть! Ты не замечаешь, за тобой молодые девчата табуном ходят!

– Ходят, да не те! Эх ты, Игнат, Игнат, знал бы ты её, не говорил бы так!

Игнат приподнял бровь, – ты заинтриговал меня, Илья, попробую познакомиться с ней поближе, так ли она хороша, что ты при виде ее, дышать перестаешь!

Илья гордо поднял голову и холодно посмотрел на друга.

Пока друзья вели разговор, Матрена поравнялась с ними. Повернула голову в их сторону и, как бы осуждающе посмотрела на них.

– О чем можно говорить? Время к обеду, ряд докосить надо, а им хоть бы хны!

Отчего она еще быстрее стала махать косой, только слышно было как стебли, срезанные литовкой, произносили звуки, джиг-джиг, ложась мягко и ровно один к одному.

– Смотри, Илья, как мастерски она управляет косой, а, какой красивый ряд!

– Да, Игнат, она на все руки мастер, мужику ни за что не уступит, давай и мы поднажмем, не то она обсмеет нас!

Спина Матрены была перевязана скрученным, мягким, зеленым жгутом через плечо, что облегчало ей держать литовку, и красиво подчеркивал её стройную фигуру.

Илья и Игнат остановили на ней свой взгляд.

Её прядь темно-каштановых волос выбилась из-под зеленого платка и свисала над черной дугобразной бровью, она изредка сдвигала ее вверх, при этом густые черные ресницы произвольно закрывали широкий полуовальный разрез изумрудных глаз.

Она почувствовала на себе взгляды мужиков и залилась смущенным румянцем, отчего стала еще красивее.

– Илья, ты давно ее знаешь?

– Как с фронта пришел.

– Она была уже вдовой?

– Тогда я не видел и не знал ее. Потому что сам только что приехал сюда. Мне нужно было где-то жить, я нашел себе жилье и стал сожительствовать с хозяйкой. У нее муж с фронта не вернулся, вот она и приняла меня. Сам знаешь, каково здоровой бабе без мужика! Да и наш брат фронтовой после войны на женщин, как пчелы на мед слетались! Ну, я обрадовался бабьему телу и завалился к ней под бок! А после встретил Матрену, влюбился и решил, попытаю свое счастье, пришел к ней домой. В избу к ней не заходил, она тогда строила себе баню.

«Увидев меня, смутилась, одернула край голубой длинной юбки, заправленной за пояс, которая обнажала выше колена ее стройную ногу». Точеная головка была

накрыта светло-зеленым платком, один конец платка свисал на ее хрупкое плечо, отчего изумрудные глаза казались ещё зеленее. Никогда мне не приходилось видеть так близко женщину неопишуемой красоты. Я настолько был поражен, что не мог сразу вступить с ней в диалог. Не меньше меня удивило, когда увидел ее мастерство, ни за что бы не подумал, что можно смастерить такое чудо из соломы, глины и прутьев чащи!

– Ты ко мне? – спросила она звучным голосом.

– Да, к Вам, – робко ответил я, – пришел помочь вам по строительству, вам же нужны помощники?

Она измерила меня своим пронзительным взглядом, отчего по моей спине пробежали мурашки.

– Тебе что-то надо?

– спросила она, присев на скамью у стены, предложила мне присесть рядом и очень внимательно посмотрела в мои глаза. Наши взгляды встретились. В ее глазах я полностью растворился и понял, что люблю ее страстной любовью и не проживу и дня без нее! Я задался целью, добиться ее взаимности, что бы мне ни стоило.

Она смотрела на меня, от ее взгляда я растерялся, и не знаю, зачем спросил:

– Вы строитель?

– Она ничего не ответила, легкая улыбка скользнула по ее румянному лицу.

Через мгновение спросила:

– Ну, так что, помощник, зачем пришел, или так и будешь молчать?

– Она, конечно, догадалась, что я влюблен в нее и вела себя со мной, как кошка с мышкой! А я все думал о своем, как бы мне завидовали все мужики, если бы вдруг она вышла за меня! Пока я представлял себе, она, улыбаясь, повторила свой вопрос.

– Ты, что хотел, помочь мне, или еще чего? – ее голос был глубоким, а тон властным.

Веришь, Игнат, я перед фашистами так не робел, когда шел в атаку! А перед ней терялся, не мог собраться с мыслями, шарпал по земле своими сапогами, как мальчишка и молчал. Смотрел на нее и мой язык, будто распух и не шевелился!

Видя мою растерянность, она встала, взяла меня за локоть и вывела на улицу.

– Здесь тебе будет лучше! – тихо сказала она.

– Я вдохнул свежего воздуха и действительно почувствовал облегчение, меня покинуло напряжение, и вернулась уверенность. Я взял ее руку в свою ладонь.

– Простите меня, – прерывающим голосом проговорил я.

– Конечно, прощаю, – улыбаясь, ответила она, – но за что?

– Она смотрела на меня мило, как ласковый ребенок!

– За то, что я такой, – с волнением произнес я. – Понимаете, когда вас встретил, с тех пор думаю только о вас!

– Значит, как я поняла, ты признаешься мне в любви? – прищурив свои очаровательные глаза, спросила она и улыбнулась краешком прелестных губ.

– Да! – выпалил я, – поймите я не мальчик, за плечами долгая прожитая жизнь, имел семью, пока на фронте был, потерял!

– Как потерял?

– Мне не хотелось говорить ей о моей семье, но она своим взглядом настаивала на рассказе и ждала. Я не мог ей отказать и начал свой рассказ:

– Когда началась война с Германией, мы жили в Брянске, в наш город прорывались немцы. Тогда было принято решение эвакуировать всех детей, женщин и стариков в глубь Сибири, там был тыл. Свою жену и сына я тоже отправил, а сам ушел

на фронт. После войны искал их, объездил всех родных, но нигде они не появлялись, думаю, попали под бомбежку, много таких случаев было.

Она тяжело вздохнула и тихо сказала: – Моего мужа не взяли на фронт, у него были больные легкие и все из-за курева! Знал, что нельзя не то, что курить, а даже нюхать табак! И как курильщики этого не понимают? Он еще бы пожил, если бы серьезно относился к своему здоровью, теперь приходится жить за себя и за него... – она сделала не большую паузу. – Что поделаешь, значит так Богу угодно, ничего, выживем! – голос ее срывался.

Я понимал ее, как ей трудно нести вдовью долю и удивлялся, как смогла она одна, поднять четверых детей и выжила сама в годы войны? Тогда в деревне, почти в каждой семье умерли от голода старики и маленькие дети. Да, в Сибири не было войны, но была борьба с голодом.

– У меня, – продолжала она, – не вернулись с фронта два брата и два зятя – мужья моих сестер, дети остались сиротами. Проклятая война!.. – помолчав с минуту, с горечью продолжила:

– Мужики из нашей деревни все почти погибли, из них больше половины молодые совсем ребята. Считай, деревня стала обезглавленная, а приезжие неизвестно кто они, откуда и почему здесь? Не поверю, чтобы у них до войны не было родных или близких, вот ты, как сюда попал?

– Видно Бог направил в ваше село, чтобы найти свою половинку, – спокойно ответил я.

– Ну и, как нашел?

Наши взгляды снова встретились.

– Не нашел, а встретил! Я имел в виду её, и как школьник, не выучивший урок, терялся перед строгим взглядом учителя, но с усилием перевел дыхание, сказал:

– Встретил вас!

Она так же умиленно улыбнулась. Мне показалось, ей понравился мой ответ.

Она с минуту помолчала, а мне показалось вечностью.

– Я правильно понимаю, ты меня зовешь замуж?

– Наконец-то! – подумал я, – разговор подходит к тому, зачем пришел.

– Глядя в ее завораживающие глаза, я в них тонул и с нежностью сказал:

– Да, зову и прошу вашей руки, Матрена Васильевна, выходите за меня замуж!

– Звать то тебя, как, жених? – она еле сдержала смех, – а то неудобно как-то, давать согласие выйти замуж за человека без имени!

– Она глянула на меня, и я увидел, в ее глазах зажглась искорка, затем она подняла свои пушистые ресницы и посмотрела в небо, будто у кого-то хотела спросить совета.

– Простите, – робко начал я, – увидел вас, и все вылетело из головы, зовут меня Илья, зачем приехал сюда я уже говорил, а квартиру у Фени.

Она неожиданно отвернула от меня голову в сторону речки, которая была в метрах десяти от постройки. И, как бы, прислушиваясь к ее журчанию, молчала, затем тихо переспросила:

– У Фени?

– Да, у нее, – смущенно ответил я.

– А слышала, слышала, она очень довольна своим квартирантом! Говорит, он души в ней не чаёт! Так значит это ты? – холодно спросила она.

Она повернулась ко мне и с улыбкой спросила:

– Что же ты, Илья, обижаешь Феню? С ней спишь, а меня пришел, звать замуж!

– С этим вопросом она застала меня врасплох. И я будто жевал слова, еле выговорил:

– С Феней у меня ничего серьезного нет, я просто ее уважаю!

– Вот-вот, и она так говорит! Хорошо, Илья, за предложение замуж спасибо! Я подумаю, а сейчас у меня много дел, извини! – Она резко развернулась и зашла во внутрь постройки, даже не посмотрев в мою сторону.

Я стоял с надеждой на то, что она выйдет, зная, что я еще не ушел, но она так и не вышла. И только тогда я понял, она не стала продолжать со мной диалог из-за Фени.

– Вот так, Игнат, сходил я, попытал свое счастье!.. Простить себе не могу свою глупость! После несколько раз приходилось нам пересекаться, и я намекал о своем предложении. Она мило улыбалась и молча проходила мимо меня. Верить, Игнат, в моем сердце только она, не знаю, что делать?

Игнат хотел, дать совет другу, но он и сам не знал, что сказать.

– Тут дело такое, в своей жизни не разберешься, а советы давать, как можно? – подумал он, но решил пожурить друга.

– Ну, ты и шустрик! Любовь женщины, нужно добиваться годами! А ты хотел, за один час получить от нее согласие, стать женой, так не бывает!

За разговором друзья не заметили, как Матрена обогнала их, и как сами дошли до конца ряда.

– Игнат, все делаем передышку, ждем мужиков, пока они закончат ряд, тогда и пообедаем все вместе, – прерывисто сказал Илья.

Матрена докосила свой ряд и спокойно лежала на траве под ветвистым кустом, закрыв пушистые ресницы, она держала соломинку во рту и изредка покусывала ее.

– Смотри, Илья, Матрена уже отдыхает!

– Ну, я же тебе говорил, поднажать надо, а ты все Расскажи да Расскажи! Вот дорассказывались, она уже отдыхает, а мы только приплелись!

– Ну, что теперь утопиться? – буркнул Игнат. – Давай подойдем к ней!

Матрена услышала разговор, приподнялась на локте, приложив руку выше тонких дугобразных бровей от палящего солнца, – а это вы? Как жарко сегодня, мужики! Устали от жары, идите под куст, места всем хватит!

Игнат подошел первым. Илья не решался подойти, стоял под солнцепёком, опершись на литовку, тяжело дышал и вытирал мягким полотенцем пот с лица и шеи.

Матрена обратила внимание на Игната, у него резко очерченный профиль лица с застывшим на нем серьезным задумчивым выражением. Раскрасневшееся его лицо говорило о нервном возбуждении.

– Он стесняется меня, – подумала она и улыбнулась. Она лежала с закрытыми глазами. Ее грудь хотя и была скрыта от мужских взоров, но ее невозможно было не заметить, было отчетливо видно, как при вдохе поднималась ее тугая высокая грудь. Крутые бедра и стройные ноги сразу бросились Игнату в глаза.

Плечи его сразу расправились, он стал как будто выше ростом, а в черных глазах загорелись искорки.

– Какая красавица! – подумал он, – а какой запах исходит от нее, такой сладкий и манящий, с ума можно сойти! – Ему стало стыдно за свои чувства, прихлынувшие к нему так неожиданно, он отошел в сторону, чтобы скрыть свою возбужденность, закурил папиросу, затянулся дымом крепкого табака, глубоко вдыхая и снова выпуская его кольцами изо рта тонких губ, украдкой поглядывал на неё.

– Вот черт! Ничего подобного со мной не происходило! Не зря, Илья говорил, что в атаку было легче идти, чем подойти к ней! За такую женщину, можно и побороться, но как? Илья, как бы друг мне, неудобно! А, что с того, что друг? Даже брат у брата уводит любимую женщину, или сын у отца и наоборот! Может, эта женщина моя судьба, мало ли, как жизнь повернет! Ничего, проживем, увидим! – размышлял он.

Рядом с Матреной лежала сумка с обедом, она приподнялась, посмотрела по сторонам, женщины из ее бригады подходили к концу ряда, и время подошло к обеду.

– Мужики, присаживайтесь рядом, пообедаем, что Бог послал!

Она достала из сумки булку домашнего круглого хлеба с подрумяненной корочкой, яйца, соль, молоко, огурцы и зеленый лук-пырей. Такая еда была у каждого, кто работал в поле.

– Как знала, что сегодня буду обедать не одна, взяла больше еды, да вы присаживайтесь, не стесняйтесь!

Игнат докурил свою папиросу, погасил слюной, отбросил от сухой травы, и с силой потер по ней огромным размером сапога.

Матрена незаметно наблюдала за ним. Его лицо с грубоватыми чертами и сияющими глазами говорили о его характере, что он еще тот шельмец!

– Илья! – крикнул Игнат. – Что ты ухватился за литовку, как за девку? Иди, перекусим! – на его губах заиграла пленительная полуулыбка, она была только для Матрены.

Она томно опустила глаза.

Илья положил свою косу и неуклюже подсел с боку к Матрене, как бы нехотя коснулся предплечьем ее спины, внутри его тела мгновенно вспыхнул прилив жара.

Она незаметно отодвинулась в сторону.

Обедали молча.

Илья с Игнатом перемаргивались, переглядывались.

Матрена ловила на себе их взгляды, что привело в неловкость, и без того её румяные щеки приобрели более красный цвет. Она поправила платок на голове, полотенцем обтерла руки, затем бросила на них разгневанный взгляд, резко поднялась и пошла к своим женщинам, оставив друзей одних.

– Во как, даже слова не сказала, вскочила и ушла! – буркнул Игнат.

– Я бы тоже ушел! Ты думаешь, она не заметила, что мы с тобой ненормальные? Эта женщина мудрая, видит насквозь нашего брата! Тем более, после моего предложения выйти за меня!

– Да как не понять?.. Ну, Илья, соглашусь с тобой, правду ты рассказал о ней! Ты видел, какого цвета у нее глаза? Настоящий изумруд! Носик как нарисованный, а прелестные пухлые губы, как магнитом притягивают к себе! Вот все при ней, и рост, и фигура, ну прям, как для меня! – Он почесал свой крутой подбородок, взглянул на друга, – теперь вот думаю, не попробовать ли мне к ней подкатиться? – сказал он, не то всерьез, не то разыгрывал друга.

– Да ты, что охренел? – загремел своим басом Илья, выпучив зеленые глаза.

– А что, почему бы мне не испытать свое счастье? Я ни с кем не сплю в отличие от некоторых! – укорил он Илью. – Она все равно тебе откажет из-за Фени! А теперь, как я увидел её, и вдохнул исходящий от нее запах! – он прикрыл свои черные глаза, – вот, где она у меня запала! – он ладонью стукнул себя в грудь, – завтра же пойду к ней домой, познакомлюсь с ее детьми, а там будет видно!

Илья удивленно посмотрел на него, – и когда же ты принял это решение? – спросил он надтреснутым голосом.

– Как только увидел, – он вздернул подбородок. – Только не пытайся отговаривать меня, я уже все решил! – сказал он, поднимая на лоб свои бархатные брови.

Все это, мягко говоря, было довольно неожиданно для Ильи, он с шумом втянул в себя воздух и положил руки на колени, пальцы его чуть заметно подрагивали.

– Ну-ну давай! – не выдержав гнева, но, сдерживая крик, промолвил с насмешкой:

– Не забудь пригласить на свадьбу, жених! Вставай, пора косить, мечтатель! – он взял литовку, с рвением обтер ее острие сухой травой, и широким шагом пошел на новый ряд не скошенной пшеницы.

Игнат следом поплелся за ним, всматриваясь в сторону косильщиц, взглядом искал Матрену.

Глава 2. Что ждёт тебя, девочка

Матрена закончила косить ряд раньше других косильщиц и торопилась домой. Думала о прошедшем дне, и почему-то, образ Игната предстал перед ее глазами, как он курил и как поглядывал на нее.

– Мужик он, конечно видный, сильный и работающий! – она пыталась найти в его внешности то, чтобы ей не понравилось, но не находила и подумала: – Если бы, он предложил мне замуж, чтобы я ему ответила? – она улыбнулась, – а ответ свой знаю, как всегда нет! Может, он добрый и надежный, а вдруг какой-нибудь деспот! Тут никак не угадаешь! – размышляла она. – Да, замуж не напасть! – сказала она себе, и облегченно вздохнула.

Подходя к своей избе, ей на встречу бежала Тоня – ее внучка.

– Мама-мамочка! – она обхватила Матрену худенькими ручками, и прыгала на тонких ножках.

– Я Розку пригнала домой, – похвасталась она.

Матрена погладила кучерявую, кипельно-белую головку, – молодец, Танина, ты так быстро выросла, уже помогаешь мне по хозяйству, а совсем недавно, была маленькая, как кукла, а теперь вон какая, уже за коровой ходишь!

Тоня от ее похвалы была самая счастливая, громко смеялась и прижималась к матери.

Матрена с нежностью посмотрела на нее, – что ждет тебя в жизни? – подумала она, – если с самого первого дня появления на свет Божий, была неожиданной и нежеланной! – Она тяжело вздохнула, грудь ее сдавило, в горле появился комок горести, и невольно полились слезы. Она приподняла девочку на руки и крепко прижала к своей груди, – я никому тебя не отдам, никому, никому, я люблю тебя больше своей жизни! – дрожащим голосом еле слышно сказала она.

Тоня смотрела на плачущую мать, и не понимала, почему она плачет и говорит, что никому ее не отдаст! – Мам, не плачь, – она обняла ее за шею, – почему ты плачешь, мам?

– Я не плачу, – она обратила свой взор за горизонт, – нам пора Розку доить, пойдем, помощница, хозяйничать будем! Видишь, Васька ждет молоко?

Тоня рассмеялась, глядя на своего любимого кота, побежала к нему. У них была взаимная любовь, кот с удовольствием, терся своей толстой мордочкой об худые ноги своей подружки. Она вместе с котом каждую вечернюю дойку ходила с матерью, брала алюминиевую пол-литровую кружку, садилась на корточки рядышком с Матреной и подставляла ее под соски огромной коровы. Молоко через минуту наполняло кружку до краев, а сверху поднималась пушистая пена, затем не отходя от матери, она пила его маленькими глоточками, с удовольствием смакуя, сопела в кружку, а в горле было слышно, как она его глотала. Напившись, она облизывала губы, а что оставалось на доньшке, отдавала коту, который терпеливо ждал свою порцию.

Спать ложились засветло, потому, что местность была не электрифицирована, а керосин для лампы экономили.

Больше всего, Тоня любила спать с матерью на мягкой перине и слушать ее голос. Иногда она рассказывала о дедушке, своем муже и, каждый раз ругала его, что не слушался ее, поэтому закапали его в ямку.

Она представляла себе, как это было, и очень боялась, что и ее закапают, старалась слушаться всех и никогда не забывала об этом. Ее радовало хорошее настро-

ение матери, но это было очень редко. Одно смешило мать, она часто вспоминала соседку Феклу, как та испугалась радио. После ВОВ в деревне во всех избах проводили радио и всем выдали безвозмездно редуторы, это были большие, круглые, черные тарелки, которые вешались на гвоздь, вбитый в стену. Все жители ждали включения, так как никогда не видели и не слышали, чтобы тарелка говорила. Кому еще не успели выдать тарелки, пришли к Фекле, чтобы посмотреть на это чудо.

В её однокомнатной просторной избе почти не было мебели. Кроме русской печи, стоял широкий топчан. На нем можно было поместиться всем домочадцам из трех ее взрослых дочерей вместе с самой Феклой. Посередине комнаты стоял самодельный деревянный стол, а под ним две длинные скамьи. В углу у печи стоял жестяной небольшой бак, наполненный водой закрытый деревянной крышкой, а на ней стояла алюминиевая солдатская кружка.

Любопытных набралось полная изба. Те, кто моложе, сидели даже на печи, спустив босые ноги, а кому не хватило места стояли в сенцах и на улице.

Никто не верил, что тарелка заговорит, со всех сторон комнаты доносились разговоры, перекрикивали друг друга, переспрашивали. Было очень шумно и похоже на жужжание роя пчел.

– Все это брехня! – говорили одни.

– А может не брехня! «Обождет, осталось ждать недолго», – говорили другие, размахивая руками.

Фекла, маленького роста, тощая, но очень проворливая, всегда была впереди всех, и к тому же очень любопытна. Она, как хозяйка избы, могла позволить себе всё, подтянув скамью ближе к стене, где висела тарелка, поставила на нее старую табуретку, взобравшись на нее, она оказалась выше всех собравшихся. Приложила ухо к тарелке, ее худое лицо было серьезным, а черные глаза, запавшие в орбиты, застыли в ожидании, что заставило всех собравшихся затихнуть и насторожиться.

В избе, как по команде воцарилась мертвая тишина, казалось, все кто в ней находился, перестали дышать.

В это время, из тарелки прорвался властный, могучий твердый баритон диктора Левитана. – «От советского информбюро».

От неожиданности Фекла свалилась на рядом стоявших людей и заорала благим голосом: – Дьявол, бабы! – поднявшись с пола и расталкивая собравшихся гостей, размахивала руками, – пропустите меня, пропуститее!

Ее успокоили ее, но после, спустя даже несколько лет, она всегда вздрагивала и матерно, смачно ругалась, когда внезапно включалось радио: – Чё орешь?.. Чай не у себя дома!

Каждый раз, когда Матрена вспоминала про этот случай с Феклой, смеялась до слез. – Ну, и Фекла, черт бы тебя побрал, рассмешила всю деревню!

Глава 3. Борьба с голодом

Прошло два года, как закончилась Великая Отечественная Война, а в деревне продолжалась война с голодом, он уносил человеческие жизни каждый день.

– Видимо, Господь Бог отвернулся от нас, – с горечью говорила Матрена, – за то, что Землю-Матушку залили кровью, изранили взрывами снарядов, усыпали трупами людей, да и не только человеческими! От того может, и урожая нет, да и с чего ему быть? – В огородах сеяли только тыкву и огурцы, вместо клубней картофеля ложили от него очистки, недаром говорят: «Что посеешь, то и пожнешь»!

С весны и почти до первого снега, люди, как животные паслись по холмам, полям и пашням, в надежде набрать хлебных колосков или мерзлой картошки. И если кому-то посчастливилось набрать узелок колосков, прятали под самые интимные места от посторонних глаз. После шелушили, жарили и ели по зернышку, утоляя голод. До сих пор ощущается вкус жареной пшеницы и ржи и, кажется, нет ничего вкуснее!

Трудно сейчас поверить в то, что за колоски лишали свободы. Доносчиков было много и все друг друга боялись.

Ели все, что летало, бегало, ползало и ходило. Кошек, собак и даже крыс, в деревне не осталось.

В небольшой речушке без названия, глубина местами по грудь подростка, ловили мелкую рыбу подолами своих платьев, рубашами и платками. После, жарили без масла на воде и ели целиком с потрохами. Голод неумолимо уносил жизни людей.

Матрена выбивалась из сил, но собак, кошек и тем более крыс, на столе у себя не могла представить.

– Лучше умрем, но такого не допущу! – говорила она.

Еще при жизни ее мужа, задолго до войны зарезали молодого бычка, а шкуру от него оставили для выделки на сапоги. Муж был мастером на все руки, но болезнь его скрутила, а шкура так и осталась нетронутой, высохла в сухарь, и про нее давно забыли.

Тоня с Юрой младшим сыном Матрены хотя и были маленькими, но вели себя по-взрослому, помогали матери перекапывать огород, в надежде что-нибудь найти из овощей и когда это случалось, они с нетерпением ждали, когда мать сготовит и скажет: – Дети, идите есть!

В этот день, играя в прятки, Тоня спряталась за дверь, где весела шкура, от прикосновения к ней она испугалась и закричала: – Мама здесь «Бирюк»!

Матрена поспешила к ней и увидела за дверь у самой стены, что-то накрыто тряпкой, которая по сроку давности истлела. Она вспомнила, как муж оставил эту шкуру для выделки на сапоги.

Как же она была рада, что не выкинула ее раньше.

Сейчас же она отрезала от шкуры кусок, опалила шерсть, два дня вымачивала в воде, а после сварила холодец.

– Тоня, Юра, идите есть! – позвала она детей.

Дети с удовольствием кушали, а она благодарила Бога, что дети будут сыты, пока шкура не закончится.

– Почему, мам, ты не ешь? – спросила Тоня, – вкусно, попробуй, – и протянула ей ложку с холодцом.

– Я уже поела, а вы ешьте, ешьте! – ласково сказала она.

Она была очень брезгливой и не могла себя пересилить, хотя бы попробовать, от одного виду этой еды, ее выворачивало наизнанку. От голода, силы покидали её, очаровательные глаза запали, нос заострился.

– Ноги вытяну из-за своей брезгливости! – ругала она себя.

А в это время в совхозе держали овец, кормов для них, как и людям не было. Несчастливым скормили даже солому, которой была накрыта крыша кошары. Животные погибали не только от голода, но и от морозов. Каждый день, рабочие вывозили трупы особей далеко в поле, сбрасывали в яму и закапывали. Об этом дошли слухи до жителей деревни, они умоляли управляющего совхозом, отдавать им замерзших овец, чтобы как-то поддержать семьи, но тот наотрез отказал, и даже пригрозил: – Узнаю, кто возьмет, пойдет под суд!

У Марии – дочери Матрены, подружка работала на кошаре, еще с вечера, она предупредила Марию: – Завтра ночью будут вывозить овец, если хочешь, пойдем со мной, я зайду за тобой. Попробуем раскопать яму и, хотя бы одну овцу на двоих принесем домой!

– Конечно, Нюр, пойдем, только ты не забудь зайти!

– Как можно, подруга? Обязательно зайду, ты жди меня и возьми веревку, она нам пригодится.

На следующий день, как нарочно к ночи разыгралась непогода, поднялся штормовой ветер со снегом, света белого не видно. Это было безумием, чтобы решиться идти в лапы смерти, но метель не остановила девушек, они надели на себя фуфайки, отцовы штаны, теплые старенькие платки, изношенные до дыр валенки, и брезентовые верхонки.

Привязались веревкой друг за друга, чтобы не потеряться и шли шаг вперед, два назад.

– Ничего, Мария, пурга нам на руку, – утешала ее Нюра, – никто не увидит нас, и «горбун» будет сидеть дома, черти бы его с квасом съели!

– Не говори, Нюра, носит же его земля!..

Сколько нам еще идти, Нюр? – часто спрашивала Мария.

– Может, мы сбились с дороги?

Нюрка начинала злиться на бесконечные её вопросы, – откуда я знаю, мне тоже так кажется, что сбились, но, как сейчас разберешь, ничего не видно! Ну, не возвращаться же назад, по моей памяти, яма должна быть где-то рядом!

Внезапно, они наткнулись на высокий бугор, Нюра поняла, они на месте.

– Ну, вот, Мария, здесь наш неприкосновенный запас, склад с мясом! – прикрывая рот рукой от шквального ветра, крикнула она под ухо Марии.

– Ну, что, Нюр, отдыхать некогда, полезем за мясом!

Нюра обтерла верхонкой обледевшие ресницы, – начнем, подруга!

– Ну, с Богом, пусть он поможет нам, – сказала Мария, глотая ветер.

Не менее часа ушло на расчистку ямы от снега. А после долбили штыковыми лопатами замерзшую землю. Веревка, которой, они были привязаны друг к другу, мешала им размахнуться, но без неё нельзя, ветер унесет каждую как соломинку.

Прошло несколько часов, пока они наткнулись на замерзшие тела животных.

– Кому было охота закапывать этих тварей так глубоко? – сказала Нюрка.

– Фу, Нюр, откуда несет зловонью? Ажно голова кружится!

– Это овцы разложились, которых закопали месяц назад.

Марию стошнило.

Нюрка рассмеялась, – ничего, подруга, от этого не умрешь! А вот с голоду... точно ноги вытянешь, так что давай, вытащим свеженьких барашков, а завтра накроем праздничный стол!

Только под утро девушки пришли домой.

– Ну, слава Богу! – сказала Мария, соскребая замерзший снег с пушистых ресниц. – Ой, мам, еле дотащила две овцы, такой сильный буран, ничего не видно! Снегу навалило, выбились из сил, думали не дойдем, замерзнем! Я хотела уж бросить одну, но жалко было, столько протащила, а после подумала, другого случая, может и не быть!.. Хорошо, что взяли с собой веревки, туши привязали к себе, а иначе не знаю, смогли бы мы, что принести или нет! Ну, слава Богу, помог Он нам, теперь детей немного поддержим!

Матрена с болью в сердце смотрела на дочь, прелестные губы ее задрожали, но она, никогда не позволяла себе плакать при детях. У нее и так не просыхали глаза с той минуты, когда дочь скрылась за занавесой бури, она стояла на коленях перед образом Богородицы и просила вслух: – Пресвятая, Дева Мария, помоги моей дочери, дай ей силы и укажи дорогу, пусть она видит твоими глазами, да пусть ослепнут глаза доносчика, Аминь.

– Полезай, дочь, на печку, погрейся и поспи немного, а то на работу скоро!

Мария, как кошка запрыгнула на горячую печку, почувствовав приятное тепло, с восхищением сказала: – Какое чудо печка, как на ней уютно!.. Я вот думаю, мам, настанет ли, когда-нибудь конец нашим мучениям?

– Это, дочь, одному Богу известно! Что поделаешь, такая жизнь у нас, никому мы не нужны! И за что наши мужики воевали и отдали свои жизни?

Они там, на верху от жира бесятся, а народ крыс ест, чтоб их там разорвало! Прости меня, Господи! – она перекрестилась. – Да враги у нас в правительстве сидят! Видела я одного, в газете была его фотография, Берия Лаврентий, по его физиономии видно враг он, хоть и пишут о нем хорошо, но я увидела в нем предателя, и сказала своим учителям, что думаю о нем, так они зашикали! – «Тише, никому больше не говорите, а то и вас и нас повяжут!» – Ничего, время покажет, кто был прав! А сколько там их таких?

– Ничего, мам, на некоторое время у нас есть что поесть!

– Да, дочь, но с каким трудом это досталось и, что это за еда? Им бы туда на столы нашу еду! – Наконец, успокоившись, она разделала овец, порубила на куски и вынесла на мороз. Часть мяса отварила и прожарила.

Дети ели с аппетитом, облизывали пальчики.

– Вкусно! Ешь, мам! И ты, Мань, ешь, смотри, какие кусочки зелененькие! – нахваливала Тоня.

Матери смотрели на детей и радовались, что они сыты и мясо можно растянуть на пару месяцев.

– Мам, ты помнишь, как мы жили хорошо до войны? – спросила Мария.

– Конечно, дочь, помню, богачами мы не были, но у нас все было, благодаря отцу!

– Да, мам, тятя у нас был мастером на все руки! А, каким был душевным, добрым и жалостливым отцом! Он всегда меня защищал, когда ты меня ругала!

Матрена тяжело вздохнула, – если бы, он тебя меньше защищал, может, у тебя была бы совсем другая судьба!

Глава 4. Воспоминания о первой любви

Перед глазами Марии сразу же всплыло довоенное время, как она в шестнадцать лет, уехала погостить к своей тете в город Славгород, встретила там молодого, красивого офицера. У них была большая настоящая любовь, завязались близкие отношения, и через некоторое время она забеременела. О своем положении, она рассказала своему любимому.

Он был рад и пообещал жениться на ней. С предложением не затягивал, как и обещал, на следующий день пришел к тете, где жила Мария.

Она обрадовалась приходу любимого, прильнула к нему.

Он заглянул в ее счастливые глаза и нежно поцеловал.

– Я рада, что ты пришел, Ванечка, проходи! – Услышав приближающиеся шаги тетки, она обернулась к ней: – Тетя Лена, это Ваня, мой знакомый!

Тетка резко отодвинула ее от себя, как грязного котенка и обратила свой любопытный взор на Ивана, измерив его с ног до головы.

Молодой офицер высокого роста, спортивного телосложения с очень приятной смуглой кожей полуовального лица, темно-серыми глазами, над ними выделялись черные дуги бровей.

Сняв с головы военную фуражку, он пригладил ладонью аккуратно подстриженные черные волосы, – Здравствуйте! – он, чуть приоткрыл тонкие, строго очерченные губы, при этом, показав ряд белых ровных зубов, и по всей форме представился: – Я, Васильев Иван Константинович, прохожу воинскую службу здесь в Славгороде!

Тетя Лена крупного телосложения, очень своенравная, вредная особа, была одета в байковый длинный халат. Жидкие рыжие волосы, закрученные паровой завивкой, выглядели смешно и забавно. Она недоверчиво посмотрела на него и ехидно промычала: – Мне это, ни о чем не говорит! – она встала перед ним, загорая возможность пройти ему в комнату. – С чем пожаловал, капитан?

– Я люблю вашу Марию, – смело сказал он и, глядя в ее холодные серые глаза, продолжил: – Прошу вашего согласия на наш брак!

Тетя подперла руками свои пышные бока, – согласие на брак просишь? А ты знаешь, Иван Константинович, она несовершеннолетняя, мала для замужества, придется подождать!

– Подождать? Нет, ждать нам нельзя! – возразил он.

– Почему же нельзя, позволь спросить?

– Понимаете, – с уважением заговорил он и взял тетю под локоть. – Меня переводят в другой город, а еще! – он ласково посмотрел на Марию. В ее серо-зеленых глазах, он увидел испуг, она боялась, что он скажет о ее беременности. На ее лице появился яркий румянец, машинально она взяла прядь своих пышных волос, и прикрыла лицо.

Он притянул ее к себе, – не бойся, любимая, все будет хорошо, – и взял ее за руку. – У нас с Марией будет ребенок!

– Ах, вот как? – вскрикнула тетя. – Вы уже и ребенка успели сделать? – она небрежно отодвинулась от него.

Мария подошла к тете. Обняла ее за плечи. – Тетя Лена, так вышло, что теперь делать?

– А, что ты собиралась делать, когда ложились под него? А ты, о чем думал, капитан?

– Я люблю Марию! – он понимал, то, что сейчас происходит с любимой это его вина. Она несовершеннолетняя, но у него и в мыслях не было обмануть ее. Ему казалось, что его и ее любовь так чиста, и ничто не помешает, им быть вместе.

– Тетя Леночка, – умоляла ее Мария, – пожалуйста, разреши нам пожениться, и влажными глазами заглянула в её ледяные глаза.

– Милочка! – тетя презренно посмотрела на неё. – Как ты посмела приехать к нам? Ты уличная, девка! Что я скажу твоей матери? Она обвинит во всем меня! Ты не знаешь, какого она нрава, честности и чистоты! Не то, что ты, не успело молоко на губах обсохнуть, а ты, уже ножки раздвинула, ты распутная девка!

– Никогда еще Мария не чувствовала себя такой ничтожной и униженной, да ещё перед любимым человеком, ей казалось, лучше бы провалиться сквозь землю, на её глазах появились слезы.

– Иван с пониманием посмотрел на нее и привлек к себе, – не расстраивайся, милая! А вас, тетя, – прошу не оскорблять Марию, не унижайте её!

– А ты, пакостливый кот, помолчи, по тебе тюрьма плачет! Будешь еще учить меня, как мне с этой дворняжкой обращаться! Пошел вон с глаз моих!

У Ивана вспыхнуло самолюбие, он подошел к ней вплотную и, глядя на нее с высоты своих ног, интеллигентно проговорил: – Прошу, подбирайте выражения, тетя!..

А ты, Мария, собирайся, ко мне в часть поедем, обойдемся без благословения!

Отпор Ивана разозлил тетю, оттолкнув его в сторону, лицо ее побагровело, а изо рта со слюной вылетели фразы: – Ты, капитан, иди к себе в часть, а эта... – она бросила злобный взгляд на Марию, поедет к своей матери и пусть родители решают, что с нею делать, а я не хочу брать на себя такую ответственность! – она ударом своей ноги открыла дверь, – прошу, капитан, на выход, и советую больше не беспокоить меня, для твоего же блага!

Иван посмотрел на неё оценивающим взглядом, усмехнулся краешком губ и повернулся к Марии, – идем ко мне в часть! – и взял её за руку.

– Нет! – выкрикнула тетя, резко оттолкнув от него Марию, – я за неё в ответе, а ты пошел вон!

Иван знал, дальнейшие его действия только усугубят жизнь любимой, – Мария, я заберу тебя отсюда!

– Пошел вон, заберет он!

– Я люблю её! – бросил он через свое плечо.

– Люби, капитан, тебе никто не запрещает! – и закрыла за ним дверь на ключ.

– Мария! – кричал он за дверью, – никуда не уезжай, я завтра за тобой вернусь! Решу вопрос в части и заберу тебя! Ты меня слышишь, Мария?

– Слышу, я подожду тебя, – прижавшись щекой к двери, крикнула Мария и, рыдая, сползла по ней на пол. Её светло-русые волосы рассыпались по всей спине. Она сидела на коленях, и плечи ее часто вздрагивали.

– Уйди от двери и замолкни! – тетя схватила ее за волосы, оттащила в сторону, – устроила здесь «дом терпимости»! – бесцветные большие глаза тетки стали еще больше, багровое лицо приобрело бордовый цвет. Ноздри носа значительно расширились, тонкие губы, как у рыбы то открывались, то закрывались.

Мария не обращала внимания на оскорбления и унижения тетки, обняла её. – Тетя Лена, миленькая, не сердитесь на меня, разрешите нам пожениться, я люблю его!

– Забудь об этом! – оттолкнув её от себя, добавила: – Завтра же поедешь к матери, в свою деревню!

– Ночью Мария пыталась открыть дверной замок и убежать от тетки, но «Заботливая» тетка не спала всю ночь, чтобы не упустить племянницу.

Всю ночь Мария проплакала, боялась разлуки с любимым. У нее было предчувствие, что никогда больше не встретится с ним. Так и случилось. На следующий же день, рано утром, тетка отправила Марию домой. А часом позже, Иван пришел за Марией. Но не успел он, закрыть за собой дверь, как услышал змеиное шипение тетки.

– А, женишок, явился! Опоздал ты, уехала твоя невеста!

– Как уехала? – растерянно спросил он.

– Как и все уезжают! – ехидно ответила она.

– Вы шутите? Не может она уехать! – криво улыбаясь, произнес он.

– Смогла! Хотя и не хотела, – ледяным тоном сказала она.

– У нее будет ребенок, тетя!

– Какая я тебе тетя?.. Об этом нужно было раньше думать, молодой человек!

– Я вас прошу, дайте мне адрес, куда она уехала, я поеду за ней!

– А вот этого, я сделать не могу!

– Ну, почему? Вы представляете, что ее ожидает?

– Представляю, конечно, но ничем помочь не могу! Ищи, если любишь, найдешь! – равнодушно сказала она.

– Я вас умоляю! Пожалуйста, не ради нас с Марией, а ради нашего ребенка! Скажите, куда она уехала?

– Все, капитан, ты свободен, не смею больше задерживать! – сказала она командным тоном.

– Да, что вы за человек?.. За что вы так с нами?

– За то, что ты забыл о своей чести, капитан! Соблазнил девчонку и...

– Что и? – взорвался Иван. – Я люблю ее и хочу жениться на ней! А вы из всех сил стараетесь нас разлучить!.. С вашей стороны вы должны быть заинтересованы в ее замужестве и счастье!

– Я никому ничего не должна и не обязана! – голос ее перешел на крик. – Не учи меня уму разуму, и научись сдерживать себя, Иван, как там тебя?

– Константинович! – произнес он.

– Вот-вот, Константинович, а теперь прошу, – она показала рукой к выходу.

Иван подошел к двери, повернулся к ней, подняв свой крутой подбородок и вместо слова до свидания, сказал: – Я найду ее, как бы вы этого не хотели! Вам же после будет стыдно!

Совершенно случайно на сундуке у двери, он заметил белую шелковую блузку Марии, он легким движением руки сгреб ее, прижав к своей груди, и ударом ноги с силой открыл дверь.

Тетка вздрогнула и выпустила ему вслед ряд проклятий, – ищи, – прошипела она, – для этого не хватит тебе всей жизни!

Выйдя за забор дома, Иван присел на скамью, из его темно-серых глаз скатывались слезинки, он уткнул свое лицо в блузку любимой девушки и долго вдыхал в себя нежный запах тела возлюбленной.

Через пару дней, Мария вернулась в свою деревню к родителям. Настроение у нее было подавленным. Разлуку с любимым, она переносила очень болезненно, из ее головы ни на минуту не выходил образ Ивана. Она, как бы перечитывала страницы любимой книги и думала о том, что с ней произошло, и что теперь ей делать, один на один со своим горем.

Отец не мог не заметить, как Мария каждый день часто смахивает с глаз вдруг появившиеся слезы. Еще больше, он был обеспокоен её болезненным видом.

Однажды, он посадил ее к себе на колени, обнял как в детстве и, глядя в ее влажные глаза, с тревогой спросил: – Мань, признайся мне честно, тебя мать обидела? Так ты не бойся, скажи, я сумею защитить тебя!

– Нет, нет, тятя! – она уткнулась лицом в мощную грудь отца и так разрыдалась, что никакие уговоры ей не помогли. Наконец, слезы же ее и успокоили.

– Дочка, ты только скажи, кто тебя обидел, ты же знаешь, я за тебя всех раздавлю!

После, она уже пожалела, что не рассказала ему, как тетка обошлась с ней и отцом ее ребенка. Может, все было бы по-другому, может, он бы сам поехал к тетке и все устроил. Но страх перед своей матерью, остановил её поделиться девичьим горем.

– Да нет, тятя, все хорошо, только скучно без работы дома сидеть, может, я работать пойду дояркой?

Отец обвел зорким взглядом дочь и подумал: – Может, и действительно, для нее так будет лучше. А, что, дочка, все равно в нашем совхозе для девушек другой работы нет, если хочешь, иди, поработай! Там много молодежи, будет веселее.

Время шло, Мария заметно стала округляться.

Ее подруга, Нюрка была постарше и опытнее, она все присматривалась к ней и думала: – что с девушкой происходит? – Не выдержав любопытства, спросила: – Мария, ты часом не беременна?

Этот вопрос, будто громом прогремел над головой Марии, её тело обдало жаром. Она засмузилась, серо-зеленые глаза наполнились слезами, прислонившись к кирпичной стене коровника, медленно сползла на солому.

– Нюр, я тебе все расскажу, только ты никому! – глотая слезы, проговорила она, и как на исповеди все рассказала подруге.

Нюрка с сочувствием выслушала ее. – Ничего, Мария, ты не плачь, расстраиваться тебе нельзя... – Мгновение помолчав, спросила: – А родители знают?

– Да что ты, Нюра? Если бы они узнали, я бы уже в могиле была! Отец, еще, куда ни шло, добрый, а вот мама! – она закрыла руками лицо и тихо заплакала.

– Ну, что мне делать с тобой? – она обняла подругу, поглаживая по спине, – чтобы никто не заметил твоего живота, ты утягивайся, а я никому не скажу!

На работе Мария находилась допоздна, утренняя дойка в четыре утра и длилась до восьми часов, затем в четырнадцать и в двадцать часов последняя дойка. Практически, она днями находилась на ферме, домой возвращалась, когда родители уже спали, и утром уходила, они ещё спали, поэтому, ни мать, ни отец, не замечали за ней никаких перемен.

– Отец, не кажется ли тебе, что наша дочь изводит себя работой? – спросила мужа Матрена, – работает наравне с взрослыми женщинами! Я подумала, надо будет ей зиму переждать, пока пройдут морозы, а весной может, пойти еще поработать, если захочет!

– Да, Мотя, я уже об этом думал, живем мы, слава Богу, жаловаться грех!

Матрена посмотрела в большие серые глаза мужа, – что это твои глаза, отец, на мокром месте?

– Ничего, мать, – он часто заморгал и поторопился встать, – пойду, посмотрю на хозяйство!

Матрена проводила его взглядом, – такой великан, а сердце мягкое, доброе! «За тобой, я как за каменной стеной, и сам не обидишь и в обиду не дашь», – сказала она закрытой двери.

Чтобы переговорить с дочерью, нужно было, приложить максимум усилий.

– Ну, Мотя, наша Мария вся в тебя труженица, будет работать, пока не упадет! Мы не видим ее ни днем, ни ночью!

– Ничего, отец, сегодня мы ее дождемся, через час должна прийти. А мы с тобой, пока чайку с молочком попьем! – Через пару минут, она накрыла стол пирогами и сладостями, – ну, давай, отец, присаживайся, пока то, да сё и дочка придет!

Ждать пришлось меньше, чем они ожидали, за дверью послышался шорох.

– Ну, что я говорила, отец? Вот и работница наша пришла! – с радостью сказала Матрена.

Мария открыла дверь и, при виде родителей, втянула в себя живот настолько, что стало тяжело дышать.

– Почему вы не спите? – растерянно спросила она, – время уже позднее!

– Дочь, мы хотим поговорить с тобой, – сказала мать.

От страха Мария замерла, – всё, мне конец! – Мгновенно все ее тело пронзило иголками, во рту пересохло, а в серо-зеленых глазах появились слезы.

– Мама, тятя, простите меня, я не хотела! – она бросилась к ногам матери и рыдалась.

– Да что ты, дочка? – вскочил со стула отец, приподнял её,

– родная моя, да мы все знаем с мамой, не волнуйся!

– Что вы знаете? – через рыдания спросила она.

– Ну, как, что? Не по силам тебе эта работа, тяжело взрослым дояркам, а ты совсем ребенок и работаешь наравне с ними! Все! Больше ты не пойдешь в коровник! Люди нас обсмеют, живем, считай лучше других, а дочь работает день и ночь! Нет и нет, никаких работ! – повысив голос, сказал отец.

От переполненных страхом чувств, Мария не могла держаться на ногах, она почти повисла на руке отца.

Он усадил ее за стол, – вот так, дочка, посиди!

– Слава Богу, пронесло! – подумала она.

– Успокойся, дочь, – ласково сказала мать, – будь она проклята эта работа, до чего доработалась, на ногах еле держишься, а исхудала то как!

– Да нет, мам, все в порядке, – прерывистым голосом сказала Мария.

– В порядке, оно и видно, какой порядок, с ног валишься! Будешь пирожки с черемухой? – заботливым голосом спросила мать.

– Нет, мама, не буду, я молока напилась! Хочу спать, завтра рано вставать.

– Нет, дочка, – строго сказал отец: – Завтра на работу ты не идешь! Хватит нам с матерью переживать за тебя!

– Не могу я не пойти, тятя, моих коров доить некому! И вообще, мне нисколько нетрудно, а наоборот!

– Ну, что ты будешь с ней делать, мать? Никто так не рвется на работу, как она! Доченька, ты зиму посиди дома, а весной поедешь на выпасы! – уговаривал ее отец.

– Тогда, мне будет еще труднее! Вы же знаете, животные привыкают к своей хозяйке, и я к ним тоже привыкла, они для меня стали как подружки! Узнают меня не только по голосу, но даже в лицо! – она сделала подобие улыбки, – я пойду спать! – втянув в себя живот, она чмокнула отца с матерью в щеки и ушла в свою комнату.

– Ну, что ты с ней сделаешь? Вот характер! – возмущалась Матрена.

– Хм, – отозвался отец, – вся в тебя! – нежно улыбаясь и обнимая ее за плечи, – пойдём, милая, и мы почивать!

Глава 5. Боюсь разоблачения

Нюрка опекала Марию, как могла, не позволяла ей поднимать наполненные фляги с молоком, помогала кормить коров и убирать за ними.

– Ты побереги себя, не ровен час, надорвешься, и начнутся роды у всех на виду!

Мария больше всего боялась разоблачения своей беременности и делала все, как говорила ей подруга.

Нюрке нравилась ее покорность, и она смотрела за ней, как за маленьким ребенком.

После обедней дойки, подруги зарывались в куче соломы и шептались. Нюрка положила руку на живот Марии и тут же подскочила.

– Ты что? – испуганно спросила Мария.

– У тебя ребенок шевелится! – расширив карие узкие глаза, сказала Нюрка. – Никогда не слышала шевеление ребенка у человека! А вот у своей коровы слышала! И ты знаешь, очень, похоже! А сама ты слышишь, как бьется ребенок?

– Первый раз услышала в декабре месяце.

– Мария, это выходит, ты должна скоро родить! Если считать в декабре ты услышала шевеление, значит, в мае должна кого-то родить! И что мы имеем? На все про все, два месяца осталось до родов! – сказала она.

– Ну, наверное, я не знаю, – задумчиво сказала Мария. – Скорее бы в поле, – там никто, ни о чем не догадается!

– Мария, куда ты ребенка денешь, когда родишь?

– Не знаю пока, но к маме с отцом точно не пойду! Все было бы хорошо, если бы не эта тетка! Она всю жизнь мне поломала, чтобы ей так же было, как мне! – она сглотнула и тяжело вздохнув, сказала: – А может, мне поехать в Славгород? Город не большой, вдруг встречу там Ваню и тогда, закончатся мои страдания! – она грустно улыбнулась. – Все было бы так, но Ваня говорил тетке, что его переводят в другой город. Так, что, подруга, все против меня!

– Ничего, подруга, Бог не выдаст, свинья не съест! Сейчас главное, ты береги себя и все будет хо-ро-шо!

По весне все совхозные гурты коров угнали на вольные луга, вместе с ними выезжали все бригады доярок, разбивали лагеря, ставили палатки и жили обычной жизнью.

Мария, после дойки уходила в забок или в глубь лугов, собирала ягоду, рвала слизун и черемшу, угощала всех доярок, положит на стол узел, или поставит ведро с ягодой, скажет: – ешьте, лежебоки!

Женщины очень любили ее за ловкость и трудолюбие.

– Хороша девчонка! – прохрипела бригадир, – красавица и чистоплотна во всем, даже с коровами как с детьми, охото ей с ними возиться, хвосты им помое, начешет и бантики завяжет, кому-то повезет, кто женится на ней! Надо же уродиться такой красавицей? Высокая, ноги от ушей растут, фигура выточенная, ну, прям загляденье. Совершенно правильные черты лица, белая бархатистая кожа, черные, как нарисованные брови в разлет, будто взмах крыльев птицы! А глаза, я за сою жизнь не видела таких глаз! Жалко, что у меня нет сына, а то взяла бы ее в невестки!

– Да, ты права, бригадир, – согласились доярки, ей бы на подиуме красоту показывать, а не коров доить!

– Что, правда, то правда! – в своем заключении сказала бригадир, – а тут, ни кожи, ни рожи! – она взяла небольшое зеркало, смотрит на свое отражение и ком-

ментирует: – Нос на десятерых рос, глаза как у вороны, губы как у лошади, даже смотреть не хочется! – швырнув зеркало на стол, отвернулась лицом к стене.

Глава 6. Всё будет хорошо

В конце мая, на утренней дойке, у Марии потянуло низ живота.

Как и всегда, раньше всех, она закончила дойку и ушла в палатку. Тянувшие боли повторились и снова исчезли. Не раздеваясь, она прилегла на топчан и заснула, но сон ее был недолгим, острая боль вынудила ее громко вскрикнуть.

– Господи! – она ухватила за живот, – почему так больно? Неужели я рожая? – от этих мыслей, она подскочила с топчана, посмотрела по сторонам, – нет никого, надо бежать куда-нибудь подальше отсюда! – захватив с собой большой кашемировый зеленый платок, выбежала из палатки и быстро спустилась в низину крутого луга, где её никто уже не увидит и не услышит.

Схватки то появлялись, то пропадали, но ненадолго, с каждым разом, они были чаще, острее и продолжительнее, но вскоре боль стала нестерпимой. Она кричала так громко и мучительно, что ее крик подхватывало утреннее эхо и разносило по всей округе, а перепуганные птицы покидали свои гнезда.

– Хорошо, что я одна, никто ничего не узнает! – подумала она, – теперь, где бы укрыться? – она обвела взглядом вблизи растущие кустарники, среди них выделялось одно ветвистое деревце. Через боль и слезы она дошла до него, нарвала травы, смастерила ложе и прилегла, накрывшись платком.

Женщины закончили дойку, переоделись и встали у котла, где доваривалась затируха. Это блюдо готовили на одном молоке с мукой, перетирая её в ладонях, получалась мелкая лапшичка.

– Девчата, накладывайте себе сами, ешьте пока горячая! – предложила бригадир.

Девушки не заставили себя долго уговаривать, быстро опорожнили котел и разошлись по палаткам.

– А, где Мария? Затируха ее любимое блюдо, пусть поторопится, не то голодной останется!

– Не знаем! – ответил кто-то из девчат. В палатке ее нет, она закончила дойку, еще темно было, наверное, опять в забок за слизуном ушла.

– И не сидится же ей! Спала бы себе до обеда, ох, и непоседа! – покачала курчавой головой бригадир.

– А кто-нибудь слышал сегодня утреннее эхо? «Похоже, кричала женщина», – сказала Шурка (мосол). Она была очень худая, поэтому жители деревни прозвали её «Мосол».

Нюрка сразу подумала о Марии, смуглое ее лицо приобрело багровый цвет, а сердце поднялось к горлу, того и смотри, выскочит, карие глаза испуганно посмотрели на бригадира. Она забежала в палатку, остановилась, топчан Марии заправлен, а платка цветного на месте не было.

– Где же ты, горе луковое? – с минуту, она размышляла, – что делать, с чего начать? – но уже точно знала, в утреннем эхо был крик Марии. – Она рождает одна и неизвестно где! – прихватив с собой два плотных покрывала, она скатилась кубарем в низ по косовету. Было очень тихо, лишь изредка издавали звук небольшие птички, вышло солнышко, стало приятно тепло, трава от утренней росы начала подсыхать. Она посмотрела на чистое голубое небо, – день должен быть замечательным, а это значит у нас с тобой, Мария, все будет хорошо! Только, где же ты спряталась, подруга моя золотая? – она смотрела по сторонам, но кругом не было ни души, она снова поднялась наверх, остановилась на пригорке, оттуда лучше просматривалась

вся округа. – Так, куда бы я пошла на твоём месте, чтобы остаться незамеченной? – спросила она себя, и сама дала ответ: – Конечно, я пошла бы в укромное место и где сухо, а сухо может, быть только под деревом. – Она пристально осматривала низину, еле сдерживая слезы, ею овладел страх за Марию. – Что если на нее напали бандиты! Сколько их здесь бродит? – она уже открыла рот, чтобы позвать подругу, но совершенно случайно, будто кто-то повернул ее голову в другую сторону. За непроходимыми кустарниками и валежником в километрах двух-трех поднимался вверх дым, – значит, это чей-то дом и в нем живут, – подумала она, – раньше ходили слухи, что где-то недалеко от лагеря стоит пасека, может, это и есть она? – Несколько минут она смотрела по сторонам и вдруг радостно выкрикнула: – А вот и дерево! – Она скатилась вниз, подобно мячу подскочила к нему, и то что она увидела привело её в шок.

На цветном платке лежала Мария, свернувшись калачиком поджав колени к животу.

Нюра наклонилась над ней, – зачем ты ушла из лагеря? Все равно, рано или поздно все узнают, что у тебя родится ребенок!

Мария посмотрела на подругу затуманенными глазами. Измученное и искривленное лицо от боли закрыли разбросанные светло-русые волосы, у нее не было сил даже стонать.

Нюра убрала с ее лица волосы, – хорошая моя, потерпи, все будет, так как ты хочешь! Мы с тобой сейчас уйдем далеко, далеко, и нас никто никогда не найдет! Пусть будет по-твоему.

Мария посмотрела на неё сквозь слезную завесу и криво улыбнулась.

– Пойдем отсюда, Мария, здесь не далеко чей-то дом, раньше говорили, вроде это пасека! Только ты помоги мне, приподнимись чуть, я положу тебя на покрывало и дотяну до того дома.

– Ничего не надо, Нюра, я никуда отсюда не пойду, ты даже не представляешь, как мне больно! – через слезы проговорила она.

– Ничего, подруга, терпи, Бог терпел и нам велел! Не зря так говорят, и какая же ты будешь мать, если не испытаешь боли?

Мария с усилием приподнялась и, не разгибаясь, прилегла на покрывало. – Нюра, ну, как ты меня потащишь? Давай останемся здесь! – И снова схватки и снова крик. Не обращая внимания на крики подруги, Нюрка торопилась к дому, где видела столб серого дыма.

– Какая я молодец, что взяла с собой два покрывала, – похвалила она себя, – так идти быстрее и тащить легче, да и тебе, не так больно!

Путь оказался невыносимо трудным и долгим. Расстояние до того дома, было не два-три км, как предполагала Нюра, а в два раза длиннее. Пробирались через чащу и заросли, казалось, этому не будет конца.

У Марии возобновлялись схватки, она кусала свои прелестные губы, чтобы не кричать, а, когда схватки прекращались, она шла сама, но недолго, снова боль и крик.

– Потерпи, милая, скоро уже придем! Сейчас, еще одну передышку сделаем и пойдем дальше! – От палящего солнца и нагрузки у Нюры пересохло во рту, ее платье насквозь пропиталось потом. Она остановилась и легла подле Марии, раскрыв широко рот, облизывала тонкие пересохшие губы. – Сейчас бы водички, хотя бы один глоток! – тяжело дыша, проговорила она.

Мария виновато посмотрела на подругу, глотая слезы, – прости меня, Нюра.

– Ну, что ты, глупенькая? Все хорошо! Зато, у нас появится еще один человек!

Мария закрыла глаза, и пушистые ресницы затрепетали, – куда я пойду с этим человечком?

– Куда, куда? – не выдержала Нюра, – домой к родителям! Никуда они не денутся, еще, как будут любить дитя! А сейчас помолчи, быстрее дойдем! – приказным тоном сказала она и сморщилась от боли. – Все ноги порезала, надо было хотя бы тапочки надеть, а я переволновалась и забыла обуться!

– Нюра, прости, как же я не заметила твои босые ноги? Возьми мои туфли, у нас с тобой один размер! – она сейчас же разулась и заставила подругу обуться.

Глава 7. Спасение на пасеке

Наконец, послышался звонкий лай собак, а за ним мужской голос позвал:

– А ну, ко мне, дамы!

Навстречу девушкам шел невысокий, коренастый мужчина в поношенной выцветшей от солнца одежде. На его голове широкополая шляпа, на ней прикреплена серая в мелкую ячейку тонкая сетка с длинными концами, завязанными вокруг шеи.

Увидев Нюрку и рядом девушку, лежавшую на покрывале, взмахом руки подал знак собакам сидеть.

Они сели рядом и с любопытством спокойно смотрели на пришедших людей.

Мужчина удивленно рассматривал неожиданных гостей.

Нюрка смогла рассмотреть через сетку его лицо, оно показалось ей припухлым, небритым и синеватым. – Бандит, а не пасечник! – подумала она, – что теперь с нами будет? Я то смогу убежать, а Мария как? – но, пересилив страх, спросила: – Дядь, это ваша пасека?

– Да, раньше она была! – криво улыбаясь, не громко ответил мужчина.

Она не услышала, что он сказал, – точно бандит! Как-то подозрительно улыбается! – ее мысли прервал его же бархатистый, приятный голос.

– Откуда вы девоньки и что с этой? – он мотнул головой на Марию. – Почему ты тащишь ее? – Его голос показался Нюрке добрым, и тогда она ответила: – Это подруга моя Мария, она рождает! Сама не может, идти, а я вот помогаю ей! Мы случайно увидели ваш дом, вот и свернули к вам! – виновато отчеканила она.

Мария поджала под себя колени, держа руки в низу живота, от боли кусала губы, и слезы катились по ее измученному лицу.

– Понятно! – сказал мужчина, глядя с сочувствием на безжизненно бледное лицо Марии. Он снял с головы защитную сетку и подал Нюрке, – отнеси в дом! – затем подошел к Марии, – давай, дочка, я помогу тебе! – он осторожно приподнял ее с покрывала, прижал к себе, как свою дочь и понес к дому, повернувшись к собакам, сказал: – Ну, что вы приуныли? Все будет хорошо, идите на место!

Собаки послушно встали и пошли следом за ним.

Озираясь по сторонам Нюрка запоминала место на всякий случай, мало ли что может, случиться! Увидев впереди улы, страх окончательно покинул ее, – значит и правда пасечник! Ого, сколько ульев! А пчелы летают, того и смотри, ужалят!

– А ты, девонька не махай руками, не то искусают! – предупредил пасечник. Он занес Марию в дом и положил на стоявший в углу топчан. – Здесь, дочка, тебе никто не помешает и не обидит, не волнуйся. А – я, вам медку принесу! Небось, проголодались? – он вышел в сенцы, минуты через три принес чашку с медом, таким янтарным и пахучим, что у Нюрки произвольно потекла слюна. Ломанный большими кусками хлеб, лежал на столе, и эмалированная зеленая кружка с холодной водой, стояла рядом с чашкой меда.

Нюрка хотя и проголодалась, но сразу набросилась на воду, и в одно мгновение опустошила кружку, а затем принялась за мед. – Такое может, быть раз в жизни, чтобы есть его ложками! Мария, ты будешь? Тебе надо поесть, не то сил не будет рожать!

Марии есть не хотелось, но она поднесла ей чашку и насильно стала кормить.

– Не хочу я, Нюр, дай лучше водички, во рту все пересохло!

Нюрка поднесла ей кружку с водой.

Она глотнула, – хороша водичка, родниковая, мягкая, не то, что у нас дома! – охрипшим голосом произнесла Мария.

– Твоя, правда, подруга, с такой водичкой и болезнь не страшна! Кстати, тебе не стало легче?

Мария улыбнулась, показывая ряд белых зубов, – отпустило чуть.

– Ну, слава Богу, а то смотрю на тебя, как ты мучаешься и мне от этого больно! – Она собрала с подушки пряди волос и заколола на её голове, любуясь ею, со светлой завистью сказала: – Как же ты красива, Мария!

Мария прикрыла пушистые ресницы, – что из того? Было бы у меня столько счастья!

– Ничего, дорогая, у каждого человека есть счастье, и оно к тебе обязательно придет!

– Ну, красавицы, поели? – заходя в избу, спросил пасечник.

– Да, дядь, спасибо, мед очень вкусный у вас! Наелась вот так, – показывая рукой выше своей головы, – а, как гляну на него, еще бы ела, да некуда! – она широко улыбнулась, растягивая тонкие бордовые губы.

– А – я... – он сделал короткую паузу, – на мед и глядеть не хочу, каждый день одна еда!

– Ой! – воскликнула Нюра, – вот мне бы так, кроме меда, я ничего бы не ела!

Пасечник улыбнулся доброй улыбкой и по-отечески спросил: – Ну, что, девушки, теперь может, расскажете, откуда вы и чьи?

– Мы, дядь, доярки, – выпалила Нюрка, – гурт наш недалеко от вас!

– А живете вы, где?

– Живем в Камышенском совхозе.

– Камышенка? – он удивленно приподнял свои широкие, черные брови.

– Знаю-знаю! Как же? Там живет одна женщина... Любил я ее, да и теперь люблю, не могу забыть! Большая любовь у меня к ней, первая и последняя! – Он грустно покачал головой, – сколько уже лет прошло, а я все еще люблю ее! Потому до сих пор не женюсь!.. – Сделав небольшую паузу, продолжил: – Конечно, Иван богатырь! А – я, против него так себе, да понимаю я все, что не пара ей, но сердце... ему не прикажешь! Интересно, какая она сейчас?

– Дядь, а кто она? – не скрывая любопытства спросила Нюрка.

Пасечник угрюмо посмотрел на нее, – Матрена! – с нежностью произнес он.

От неожиданности у Марии расширились глаза, как говорят: Не было бы счастья, да несчастье помогло. Могла ли она, когда-нибудь предположить, что встретит человека, который любит ее мать и останется, верен ей до конца дней своих!

Внезапно он замолчал, удрученно вздохнул, опустив голову, смотрел в пол, а после спохватился: – Что это я перед вами, как на исповеди? Впал в ностальгию! Давно душу свою не изливал! Один я здесь, кому говорить? С пчелами и разговариваю, чего я им только не говорил и не рассказывал, а они, твари, вроде как понимают и не жалят меня! – он ухмыльнулся. – Спасибо вам, дочки, напомнили о моей любимой, хотя, я никогда о ней не забывал!

– Дядь, а Мария, дочка Матрены.

Пасечник вдруг резко поднялся со скамьи, но не смог сделать и шага, как вкопанный стоял и часто моргал черными влажными глазами, будто в них попал песок. Наконец, он произнес: – Матерь Божья! Это же надо такому случиться? Дочь Матрены! Кто бы сказал, что у меня в гостях будет дочка моей любимой, никогда бы не поверил! – Он взялся за свою небритую бороду, потер ее пальцами и грустно сказал: – А ведь она могла бы быть и моей дочерью! Надо же так, а ну, надо? – он шагнул

к двери, затем медленно повернулся к девушкам, – меня зовут Василием, – бесцветным голосом сказал он и вышел на улицу.

Воспоминания о Матрене заставили его глубоко задуматься. Отвлёк его неожиданный треск пересохшего валежника, собаки бросились на шум.

Пасечник пошел следом за собаками. Вернулся с мужчиной, высокого и крепкого телосложения. На большой, седой голове мужчины надета кожаная, черная фуражка козырьком назад, поэтому выглядел он добродушным.

– Каким ветром тебя занесло ко мне, Семен? – оживленно спросил пасечник.

Мужчины обнялись, похлопывая друг друга по спине.

– У тебя что, Василий, гости?

– Да гости! А ты зачем ко мне пожаловал? В гости тебя не дозовешься, неужели вспомнил о друге? – с подковыркой спросил он.

– Я к тебе приехал за медком, дашь?

– Медку? Это можно! Сколько надо дам, его сегодня много!

– Василий, ты мне водицы дай лошадку напоить, бедная с утра не пивши!

– Возьми ведро, Семен, там за домом кадушка стоит с водой, сам и набери!

– Добро, Василий, конечно, я сам, спасибо!

– Семен зашел за дом, и Нюрка решила спросить пасечника: – Дядь Вась, может, ваш знакомый увезет нас в Камышенку, там есть повитуха, она всем помогает!

– Хорошо, Нюра, я сейчас же поговорю с ним!

Глава 8. Повитуха и роженица

Повитухой была Бородиниха, мать одной из подруг Марии, ей было за шестьдесят лет, вредная, грубая и строгая женщина. Находиться с ней в одном обществе, было неуютно и неприятно.

Мария с детства боялась ее и не любила, к тому же, она была матерью «горбуна», его прозвали горбуном из-за большого горба на всю спину и грудь, он всюду совал свой нос и доносил начальству, в деревне его все боялись и ненавидели.

– Нюрочка, милая, не хочу ехать к Бородинихе! Там тятя с мамой узнают, убьют меня, или выгонят из дома! Не поеду, лучше умру здесь, но не поеду! – И снова схватки и снова невыносимая боль, и душераздирающие крики.

Видя страдание молодой роженицы, Семен вспомнил свою жену. Он рассказал, как она при родах мучилась и не могла разродиться, повитухи тогда не было, ребенок шел ножками, так вот и похоронил и жену, и не родившегося ребенка.

– Василий, нельзя везти роженицу, это очень опасно! Я сам привезу повитуху сюда, отсюда не далеко, а там спрошу, где она проживает!

– Ах, Семен, сам Бог тебя направил сегодня сюда, только не задерживайся, измучилась девчонка!

– Я быстро! – на ходу крикнул он, запрыгнув в телегу, мотнул хлыстом, лошадь тронулась с места и через пару минут скрылась за зарослями.

Пасечник разжег печку, налил воды в большой котел, и поставил на плиту, – горячая вода нужна будет повитухе! – объяснил он.

Нюра сидела рядом с Марией и поглаживала ее живот.

– Как хорошо ты гладишь, Нюр, так кажется легче!

– Я согласна гладить тебя, подруга, сколько угодно, лишь бы ты не кричала!

– Чтобы я делала без тебя, Нюр? – прелестные губы ее затряслись, а из глаз скатились слезинки.

– Да ладно, подруга, ты лучше расскажи, где сейчас отец твоего ребенка, какой он?

– Нюрочка, если бы ты видела его, он такой! – глаза ее остановились в одной точке, будто она видит его и рассказывает. – Он высокий, стройный, лицо смуглое, нежное. Глаза темно-серые с поволокой, ресницы густые и пушистые, брови черные, строго очерченные губы. Военная форма ему очень идет, а еще ремень через плечо, ну, глаз не оторвать!

– Он, что офицер?

– Да, офицер, в чине капитана! Мы хотели пожениться с ним, когда он узнал, что я беременна, приходил к моей тетке, просил моей руки! Но она... выставила его за двери! А меня... на следующий день отправила к маме, даже попрощаться не дала и, адресами мы не обменялись! Я знаю, он приходил к ней, просил мой адрес, но она, чтобы ей пусто было! Вот так, мы потеряли друг друга.

Ой, Нюрочка, опять началось, если бы ты знала, как больно!

– Потерпи подруга, потерпи, скоро мучения твои закончатся!

– Все равно, – продолжала Мария через боль, – я найду его, приеду к нему с дочкой или сыном, вот уж будет рад мой Ванечка!

– Я представляю, Мария, вашу встречу и рада за вас, только ты не сдавайся, ищи его, и обязательно встретишься с ним!

Внезапно залаяли собаки.

– Тррр. Вот и приехали, – слышался мужской голос.

– Мария, Бородиниху привезли, – сказала Нюрка и вскочила с топчана.

– Не уходи, я боюсь её, сейчас будет, матюгать, ты же знаешь, какая она матерщинница?

– Не уйду, Мария, не бойся! – и крепко сжала её руку.

Еще с крыльца, Бородиниха прогремела басистым, звучным голосом.

– Ну, где тут роженица? – она как приведение, мгновенно оказалась в доме и остановилась у топчана, на котором корчилась от боли Мария. На голове повитухи белый платок, завязанный узлом под тонкой морщинистой бородой, серая кофта обтягивала ее упитанную фигуру, напольная широкая юбка скрывала её обувь.

Изумленно посмотрев на роженицу, она широко раскрыла глаза. Прикусив тонкие губы, она несколько секунд молчала, затем с нескрываемым удивлением спросила: – Мария, ты что ли?

– Я, бабушка, – стыдливо ответила она, закрыв ладонями лицо.

– Не плачь, милая, с кем не бывает? Не бойся меня, все будет хорошо! – она оглянулась на мужчин.

– А вы, мужики, идите на улицу, нечего вам тут глазеть!

Мужчины виновато переглянулись и вышли, закрыв за собой дверь.

– Ну, вот порядок! – удовлетворенно сказала повитуха и повернулась к Марии, – ты не стесняйся меня, я перевидела на своем веку всяких и продольных, и поперечных, так что твоя красавица меня не удивит! Теперь слушай только меня, я буду тебе говорить, а ты исполнять, поняла?

– Да, бабушка, поняла, – смущенно ответила Мария.

– Вот и хорошо! «Подними подол повыше и раздвинь шире ноги, вот так, молодец!» Ну, что мы имеем? – спросила она себя, засовывая свои пальцы в промежность Марии.

– Хорошо, хорошо, – пробасила она.

От прикосновения рук отвратительной старухи, Марию передернуло, но в ее положении выбора не было.

– Кого ждешь дочь, или сына?

– Не знаю, – почти беззвучно ответила она.

– А кого бы ты хотела?

– Никого!

– Как никого? – изумленно выкрикнула повитуха.

– Я тятю с мамой боюсь, они убьют меня!

Бородиниха сжала свои губы, поправила платок на своей седой голове и туже завязала концы.

– Бояться надо было, когда ноги раздвигала перед отцом ребенка, теперь никуда не денешься, ребенок у тебя будет, и не бойся родителей, не ты первая так рождаешь!.. – А таких родителей, как у тебя, редко встретишь, повезло тебе с ними!

– Бабушка, мне на двор хочется, пустите меня! – она резко приподнялась, ее светло-русые волосы рассыпались на подушке.

– Эге нет, Мария, вставать нельзя, это потуги, а не то, что ты думаешь! – сказала она, убрав пряди её волос с подушки, – лежи спокойно!

Она еще заглянула под подол, пощупала. Марию снова передернуло.

– Ничего, Мария, потерпи, ты думаешь, я не знаю, как тебе неприятны мои прикосновения? Ну, что поделаешь? Все роженицы проходят через это! Ну, вот твоя красавица подготовилась к родам, ребенок идет правильно головкой к выходу!

Через несколько минут, Мария ощутила, как из нее потекло что-то горячее.

– Что это? – испуганно выкрикнула она.

– Вот и воды отошли! – пояснила повитуха.

И вдруг Марию резанула пронизывающая боль, она пыталась сдержать крик, но не смогла. На ее крик забежали собаки, сели у порога и стали жалостно скулить.

Повитуха оглянулась на них, – что и вы такое испытали? Не скулите, все уже хорошо! Нюр, носи воду и тряпки, мы рожаем!

А Нюрка давно уже стоит за её спиной и ждет указаний.

– О-о-о-ой! – закричала Мария. – Ой, бабушка, больно!

– А ты кричи, дочка, кричи! Это отвлечет боль.

Лицо Марии покрыли капельки пота, у нее усилились потуги. – У-у, – сдерживая крик, произнесла она.

– Тихо, Мария, не тужься, отдохни! – Через мгновение: – теперь давай еще немного!

И так несколько раз пока из неё не выскользнуло, что-то большое и живот сразу же исчез. От изнурительной боли и напряжения она, наконец, почувствовала облегчение.

– Ну, слава Тебе, Господи! – пробасила повитуха, – все прошло отлично! Поздравляю, Мария, у тебя дочка! Молодец, помощницу себе родила!

От растерянности Мария не знала, что ей сказать и смотрела на неё, как она держит на руках ее девочку, она напоминала живую куклу.

Повитуха, вдруг поддала шлепок по её ягодице, и она пискливо закричала.

Мария впервые услышала крик младенца, сердце у нее сжалось от жалости, – зачем вы ее ударили, бабушка?

Повитуха тут же объяснила: – Это для того, чтобы ребенок закричал, тогда из него выйдет воздух, и он задышит своими легкими, поняла, мамочка?

– Поняла, – робко ответила Мария.

Затем повитуха обработала малышку, запеленала и подложила ее к Марии. – Корми, худенькая она у тебя! Вставать не торопись, отлежись вначале! А – я поеду домой, пора мне! Тебе я больше не нужна!

Мария взяла её за руку, умоляюще посмотрела ей в глаза, – спасибо, бабушка, и, пожалуйста, не говорите в деревне, что я.

– Да нет, не переживай, я все понимаю, за меня не бойся, я никому не скажу!

За труды повитухи, пасечник налил трехлитровую глиняную крынку меда. Бородиниха была довольна щедростью пасечника и шутливо сказала: – Если еще, Василий, надумаешь рожать, зови, всегда помогу!

– Непременно позову! – тоже в шутку сказал он.

После родов Мария уснула.

Нюра не отходила от нее, переживала, куда пойдет она с ребенком, перебрала все варианты, все было не так. – К отцу с матерью не пойдет, на пасеке тоже не останется, кто он ей дядя Вася? Чужой человек, спасибо, что приютил, если бы не он, что было бы с ней, страшно даже представить! Может, на гурты? Там будем, помогать ей, а дальше будет видно!

Проснувшись, Мария обрадовалась Нюрке, что не бросила ее, не ушла.

– Тебе же коров доить, Нюр! Ты иди, а я попрошу дядю Васю, чтобы разрешил мне побыть у него дня два, сейчас я не смогу дойти!

– Куда тебе? Лежи! Я сама попрошу его, чтобы присмотрел за тобой! За коров не переживай, я сама буду доить, и девчата помогут! А за тобой мы придем, жди!

– Ну, пока, подруга, – она обняла Марию, – не вешай нос, все будет хорошо! В обиду тебя не дам!

Мария с благодарностью посмотрела на неё, – спасибо тебе!

– Да, что уж там? Не стоит, отдыхай! Она вышла из дома и быстро скрылась за кустарниками.

Глава 9. Позор дочери

О том, что Мария родила, в деревне знали все. Сплетницы только и говорили об этом.

Позор дочери Матрена тяжело переживала, мало разговаривала с мужем и старалась реже выходить на люди.

Муж всячески старался поддержать её: – Ты, мать, перестань удручаться из-за деревенских сплетниц, кто бы уж говорил? Не мы первые и не мы будем последними! На этом и свет стоит, сплошь и рядом такие случаи, а нам с тобой, надо радоваться, внучка у нас теперь есть, мы еще не старые, воспитаем себе помощницу, а, Моть? – он обнял ее, посмотрел в изумрудные печальные глаза, – ты у меня разумная жена, замечательная мать и должна принять Марию по-матерински ласково! Для нее сейчас главное наше с тобой отношение к ней! А языкатым сплетницам, я сам отвечу, да так отвечу, век будут помнить нашу честность!

Мария побыла на пасеке два дня и засобиравшись уходила к своему гурту.

– Ты куда собралась, дочка? – спросил пасечник.

– Пойду я, дядя Вася, мне работать надо!

– Рано, Мария, тебе на работу, слабая ты еще, побереги себя! Да и с ребенком тяжело в поле, тебе домой надо! Если не хочешь у меня оставаться, давай я отвезу тебя к родителям!

От одного слова к родителям, ее бросило в жар.

– Спасибо, дядя Вася, мне уже хорошо, и я пойду в лагерь, а после, мы с Нюрой поедем к родителям!

Пасечник по-отечески посмотрел на нее задумчивым взглядом, – ты похожа на свою мать, она что задумает, никто ее не переубедит!

– Вы знаете мою маму? – она не хотела признаться ему, что слышала его исповедь перед Нюрой.

Он глубоко вздохнул, – знаю и очень хорошо! Люблю ее всю свою жизнь, поэтому до сих пор хожу в бобылях! Не встретил женщину, как твоя мама!

– А, что же вы не женились на ней?

– Потому что... – он глотнул, сделал короткую паузу. – Твой отец опередил меня! Будь по-другому, ты была бы, моей дочкой! Но видно не судьба... он опустил голову, – теперь вот так и живу, хлеб с медом жую! – он пытался улыбнуться, но только искривил губы, впился взглядом на поленья у печки и долго смотрел на них, будто решал серьезную проблему.

– Ну, что надумала, Мария? – после краткой паузы спросил он.

– Идти мне надо, дядя Вася!

– Тогда, дочка, я провожу тебя до лагеря! Одной в зарослях страшно и небезопасно!

– Спасибо, дядя Вася, вы теперь мой второй отец! – она благодарно улыбнулась ему.

Он взял на руки ребенка, завернутого в зеленый платок и, осторожно прижал к своей груди, при этом почувствовал душевную благодать. Никогда ещё в своей жизни он не держал на руках младенца, – Боже мой, какое счастье, ребенок, это же новая жизнь! Мария, ты просто молодец!

Он обнял ее и поцеловал по-отцовски.

У Марии накатились слезы, – приняли бы меня так дома, как этот дядя.

В лагере все женщины ждали Марию с ребенком, и, когда они были, еще на горизонте Нюрка первой увидела их, и побежала навстречу. Обняла ее и расцеловала, – Мария, ты не представляешь, как тебя ждут женщины, а особенно нашу девочку!

От радости Нюрка забыла поздороваться с пасечником.

А он стоял в стороне, и будто бы не было его рядом. Он переживал за Марию, как за родную дочь, но теперь, он был убежден, она в заботливых руках.

– Ой, дядя Вася, – спохватилась Нюрка, – здравствуй! Как хорошо, что вы проводили нашу Марию! – она обхватила его крепкую шею и бросила короткий поцелуй в щеку.

– Здравствуй, Нюра, – его губы раздвинулись в широкой улыбке, – а как же по-другому, она считай, теперь и моя дочка! – он ласково посмотрел на Марию.

В ответ она также ласково улыбнулась ему и нежно произнесла: – А так и есть, дядя Вася, я теперь, ваша дочь! Если бы не вы, что было бы с нами? Спасибо вам!

– Не стоит благодарностей, Мария, я рад, что, хотя на что-то сгодился, а то живу сорняком, никому пользы не приношу!

– Ну, это вы зря наговариваете на себя, вы замечательный человек и доброе у вас сердце!

– Не надо, Мария, больше похвалы, не то я загоржусь, а вот подруга у тебя надежная, в беде не оставит!

– Что, правда, дядя Вася, то, правда! Преданная, искренняя, заботливая и сама доброта! С подругой мне повезло, а вот в жизни не везет!

– Повезет, ты еще такая юная, счастье твое само тебя найдет!

– Я так же думаю, – тихо сказала Мария, она имела в виду своего капитана, – я все равно его найду!

Пасечник улыбнулся, – кто бы сомневался, так и будет! – Что, дядя Вася, пойдете к нам, передохнете, молочка попьете и с собой возьмете, – предложила Мария.

– Молочка, это можно! Я уж и не помню, когда в последний раз его пил!

Глава 10. Страх перед родителями

Нюрка забрала у него ребенка и гордо пошла к палаткам.

Женщины с визгом встретили Марию, они все сразу накинулись на нее с поцелуями и поздравлениями.

Но прозвучал хриплый голос бригадира, – вороны, что вы набросились на девочку, как на добычу? Оставьте ее в покое, она еще не совсем здорова!

Мария уважала ее за прямоту и справедливость, и теперь стыдливо смотрела на нее.

– Как назвала дочку?

– Пока никак!

– Отец с матерью знают?

Мария опустила глаза, губы задрожали.

– Ну, что ты? Не надо так воспринимать, не знают, так узнают, еще как будут рады! Дитя, это же Божья благодать! – успокаивала ее бригадир.

– А кто же счастливчик, Мария, кто отец дочери?

Двадцать любопытных глаз впились в Марию и, затаив дыхание, ждали ответ.

– Он военный! – смело начала она, – служит в Славгороде. Мы с дочкой поедem к нему чуть позже.

– Мария, а ты принеси его фотографию! – сказала Нюрка.

Пока она была в палатке, Нюрка рассказывала, какой отец у дочки Марии.

Мария достала из чемодана фотографию, поцеловала любимого, погладила по его лицу, вынесла и отдала бригадирше. – Вот смотрите.

Сейчас же все девушки окружили её. На них смотрели, влюбленные глаза молодого красавца в военной форме, ремень через плечо, и в военной фуражке. На груди значки, а на пагонах по четыре звездочки. Рядом с ним Мария.

– Ох, ты! – воскликнула бригадир, – вы только посмотрите, вот это генерал! Какая красивая пара! И дочка будет красивой! – Она с минуту смотрела на фотографию, – вот это красавец! – перевела взгляд на Марию, – очень колоритный мужчина! – и вернула ей фотографию.

– Девушки, а что мы здесь столпились? Марии нужен отдых! Иди, Мария, укладывай свое сокровище! – она хотела заглянуть под уголок платка, но тут же отдернула руку, – так хочется взглянуть на нее, но пока нельзя, можно только через месяц, и кто такое придумал?

С приходом Марии, лагерь оживился, разговоры о ней не прекращались. Некоторые женщины жалели, что такая красавица, из-за ребенка может, никогда не выйти замуж. Некоторые удивлялись ее смелости, а больше бесшабашности, вот так просто, взять и довериться незнакомому мужчине, а после кусать себе локти!

Одна из всех женщин Шурка «Мосол», не удивлялась и не жалела её, наоборот ругала: – Я не нанималась доить лишних коров, никакого отдыха! – бурчала она, – почему я должна обрабатывать ее, пусть уезжает домой, а вместо нее, другая доярка придет!

После окончания утренней дойки бригадир зашла к ней в палатку. – Я слышала, Шура, ты уходишь из лагеря!

– Кто вам сказал? – её длинное, худое лицо вытянулось еще больше, – никуда я не ухожу! Я сказала, что не хочу работать за Марию, только и всего!

– А теперь слушай сюда, не хочешь помогать и не надо! Никто тебя не заставляет, но Марию не трогай, не настраивай женщин против неё, услышу, хотя слово, выгону! Поняла?

– Поняла! – со злостью ответила Шурка.

Мария вошла в свою палатку, положила дочку на топчан, и сама легла рядом, дала ей грудь. Страх перед родителями не покидал ее ни на минуту, она и представить себе не могла, как прийти домой с ребенком! И уже пожалела, что родила, проклинала тетку, что разлучила ее с любимым, сейчас бы, она не страдала, а была бы самая счастливая! А сейчас её глаза не просыхали от слез.

– Мария, ты это брось, у тебя в грудях молоко перегорит, чем тогда будешь кормить ребенка? – тоном матери сказала Нюрка.

– Не знаю, Нюр, что мне делать, как подумаю о родителях, сердце мое сжимается, не примут они нас!

– Не говори так, ты еще не знаешь, что будет, может, наоборот будут рады!

– Нюрочка, ты не знаешь мою мать, она не простит мне мой грех!

– Какой грех? Дитя, это Божий дар!

Но Марию ничто не успокаивало, она плохо спала и почти, ничего не ела, и получилось то, о чем предупреждала Нюрка. Девочка постоянно плакала, доярки догадались, что у Марии нет молока, и решили, прибегнуть к древнему методу. Размочили пряник в коровьем молоке, положили в марлю, закрутили и поднесли ко рту малышки. Почувствовав запах молока, она открыла ротик, искала сосок, еда ей пришлась по душе, насытившись, она заснула. Доярки с облегчением вздохнули и спокойно ушли на дойку.

От страха перед родителями Мария искала выход из того, что с ней произошло, и она его нашла, у неё промелькнула мысль избавиться от ребенка. Выждав, когда лагерь опустеет, завернула малышку в платок, прижав к своей груди, вышла из палатки, озираясь по сторонам, спустилась с пригорка. Она бежала, и сама не знала куда, но четко знала зачем. Ее гложило чувство страха и стыда. – Мой стыд ребенок! – сверлило в ее голове. – А, что ребенок? Никакого ребенка не было! Не было и все! – сказала она себе. Подбежала к дереву, где совсем недавно корчилась от болей. – Вот и травка примята, здесь мне было очень больно, а с тобой, моя девочка, стало еще больнее! – прижала дочку к груди, открыла уголок платка, коснулась губами к розовенькому личику. – Прости, малышка, другого выхода у меня нет! – Осторожно положила ребенка под дерево, постояла над ним с минуту, посмотрела по сторонам, никого поблизости нет, сделала несколько медленных шагов, а потом необорачиваясь побежала к лагерю.

Все это время, Нюра наблюдала за Марией и шла за ней, стараясь быть незамеченной. Как только Мария отбежала от дерева и скрылась в ложбине, она сразу же подбежала к ребенку, взяла на руки, открыла уголок покрывала, девочка спала, сладко посапывая крошечным носиком. Некоторое время Нюрка была в растерянности.

– Что же мне делать с тобой, девочка? В лагерь тебе нельзя, и как ты здесь оказалась никто не должен знать! – Она решила отвезти ребенка к Матрене, и в этом поможет ей пасечник. Не обращая внимания на царапины на ногах от валежника, она пробиралась через кустарники. Больше всего её тревожила малышка, – вдруг расплечется на всю забoku, и неизвестно кто выйдет на плач новорожденного? – Ещё издали, она почувствовала запах дыма. – Ну, слава Богу, теперь мы на месте! – она облегченно вздохнула и свернула к дому пасечника.

Он возился у брички, видимо запрягал лошадь и был безмерно удивлен, когда Нюра с ребенком подошла к нему.

– Здравствуй, дядя Вася, – тихо сказала она.

– Здорово, Нюр! – глаза его расширились, – а ты, что с ребенком?

– Это дочка Марии, а сама она приболела!

– Он выпрямился, лицо его помрачнело, приподняв с широкого лба козырек фуражки, гоготнул, – а, что с ней?

– Да, ничего серьезного!

– Я же ей говорил, рано еще на работу, отлежись, наберись силы!.. Так нет, не послушала и что? – он приподнял руку и резко махнул, – и вот результат непослушания!

– Дядь Вась, мне срочно надо в Камышенку!

– Хм, срочно ей надо! Хорошо, что я задержался со своими собаками, могла бы и не застать меня! Мне, Нюр, тоже нужно в Камышенку, причем срочно!

– Ой, дядя Вася, как повезло мне, не то не знаю, чтобы я делала с ребенком? – мгновение, помолчав, с осторожностью спросила: – А вы возьмете нас с собой? – и умоляюще посмотрела на него.

Пасечник повернул к ней голову, приподнял бровь, – за сорок пять лет жизни, глупее вопроса не слышал! – Я похож на животное, чтобы не взять вас, а? Эх ты, Нюра, Нюра!

– Ну, прости, дядь Вась, кто знает, может, у вас свои дела и вам не до нас!

– Вот если бы ты была без ребенка, может, быть тогда мне было не до тебя! – сказал он шутя. А после с обидой проговорил: – К вам с душой, а вы все по больному месту! Да вы для меня, стали как родные! – он громко шмыгнул носом и отвернулся.

– Дядь, а можно я соску с медом сделаю для неё? – она глазами показала на малышку и вопросительно посмотрела в черные глаза пасечника.

Он окинул ее обидчивым взглядом, но, сдержав гнев, сказал: – Иди в дом, ведро с медом в сенях на лавке стоит, там и крынка, налей в нее меду.

– Зачем наливать в крынку, дядя Вася? Мне надо чуток, только хлеб подсластить!

– Наливай, кому сказано? Отвезешь домой. А я пока набросаю соломы в бричку!

Нюра забежала в дом, положила малышку на топчан, убрала с ее лица покрывало. – Девочка моя, да ты не спишь! Сейчас я накормлю тебя! – она приготовила медовую соску и сунула ей в ротик. Девочка сразу же ухватилась за нее и, причмокивая, сосала.

Сердце Нюрки радостно сжалось, она улыбнулась, – а я, что говорю? Вкусный мед у дяди Васи! – Она налила мед в крынку, отпила от нее со стакан, запила холодной водой из алюминиевого ковша, крякнула от удовольствия, облизала медовые губы. Взяла малышку и крынку с медом подошла к бричке.

– Ну, как все сделала, мамаша?

– Да, все, как вы сказали! – она довольно улыбнулась.

«Пасечник осторожно взял из ее рук ребенка, заглянул под уголок покрывала, задержал свой взгляд на крошечном розовом личике, улыбнулся, – спит, как ангелочек», – шепотом проговорил он. Когда Нюрка удобно расположилась на бричке, подал ей малышку, сам сел впереди, крынку с медом поставил рядом с собой и обложил ее соломой, ослабил вожжи, тихо сказал: – Ну, милая, поехали!

Лошадь не спеша, поднималась в горку, а по ровной дороге, бежала трусцой.

Всё время они ехали молча. Пасечник думал о Матрене, какая она стала, ведь прошло восемнадцать лет с тех пор, когда он уехал из деревни.

До Камышенки доехали быстро.

– Нюр, тебя, где высадить? – тихо спросил пасечник, боясь разбудить ребенка.

– У избы Матрены.

– У Матрены? – удивился пасечник.

– Да тише ты, дядь, приехали уже, останови!

– Тррр, – произнес пасечник и натянул вожжи.

Лошадь остановилась, он помог Нюрке с ребенком слезть с брички.

– Спасибо, дядя Вася, а обратно, когда поедешь?

На минуту он задумался, – думаю, через час!

– Захватишь меня с собой? Мой дом рядом с Матреной, вот он! – она мотнула головой в сторону дома.

– Заберу и отвезу, куда я денусь? Ты мед-то заberi, не то снова увезу! – усмехнулся он.

– Ой, дядя Вася, спасибо! – она взяла кринку, – запах какой, даже на улице слышно!

– Вот уж никогда не думал, что еще раз придется увидеть Матрену! – сказал он не то Нюрке, не то, кому ещё.

Нюрке было любопытно посмотреть на их встречу, и она с нетерпением ждала, когда это произойдет.

Пасечник снял с головы фуражку, бросил её на телегу и старательно пригладил свои отросшие до плеч черные волосы.

Глава 11. Верните мне мою дочь

Вышел из дому Иван Иванович, на вид ему было лет тридцать восемь. Он обращал на себя внимание своей внешностью, высокий рост, крепкое телосложение, темные усы, серые полуквадратные глаза, прямой нос со спокойными слегка расширенными ноздрями и густые темно-русые волосы. Он был одет в белую холщовую рубашку с тремя расстегнутыми верхними пуговицами, что придавало ему больше мужественности. Черные, наглаженные в стрелку брюки, подтверждали его элегантность. Черный кожаный ремень туго затянут на узких бедрах, подчеркивал мужскую фигуру.

Василию бросилась в глаза, его легкая походка и мускулистые, широкие загорелые руки с длинными сильными пальцами.

Увидев Василия, он не смог скрыть своей неприязни к нему, он все еще ревновал к нему свою красавицу жену и укоризненно покачал головой.

– Ты, я вижу, совсем запутался, Василий? – строго спросил он, – зачем пожаловал?

Василий был смущен и расстроен, он не заслужил такого отношения к себе. Подумать только, его честного человека в чем-то обвиняют!

Они посмотрели друг на друга.

Василию было обидно, что о нем так подумали, но он сдержал себя и очень спокойно ответил: – Не я пожаловал, Иванович, а вот Нюра, – он кивнул в ее сторону головой.

Она вдруг внутренне вздрогнула, и уже пожалела о том, что сделала, она смотрела на отца Марии снизу-вверх, и ей казалось перед ней стоит великан. По ее телу пробежали мурашки, вот сейчас, поднимет свою огромную ногу и раздавит ее вместе с ребенком!

Матрена, увидев пасечника, прищурила свои изумрудные глаза, обрамленные густыми пушистыми ресницами, и тихо произнесла: – Здравствуй, Василий Лукич!

– Здравствуй, Матрена Васильевна! – он бросил на нее свой взор, – а ты еще краше стала! – назло Ивану, сказал он.

Она улыбнулась виноватой улыбкой, и видно было, что ей очень не по себе. Не отреагировав на его комплименты, она удивленно посмотрела на Нюру, – откуда у тебя ребенок, Нюр?

– Нюрка крепче прижала к себе малышку, будто хотела защитить её.

– Тетя, этот ребенок вашей Марии, – робко проговорила она.

Матрена в сердцах глянула на нее так, что с ее тела исчезли мурашки, и бросило в жар. Она уже хотела, было бежать назад, и сделала шаг, но Матрена, спокойно спросила: – Где сама Мария?

– Ей немного нездоровится, и молока у нее нет, – с трудом пролепетала Нюрка, – мы кормили ребенка пряниками!

– Понятно, – монотонно сказала Матрена, – ну, дай же мне её, и протянула к ней руки, она очень бережно взяла малышку из ее рук. – А, что Мария, когда приедет?

– Не знаю, как легче станет, – сухо глотнув, ответила Нюрка.

Пасечник влюбленно смотрел на Матрену, в его сердце стало тоскливо и обидно.

– Ну, чем я хуже твоего Ивана? – мысленно спросил он ее, – ничем не хуже, и любил бы тебя, не меньше, чем твой великан! – он дернул вожжи, и с комом в горле, отъехал от дома любимой.

– Дядя Вася, не забудьте заехать за мной! – крикнула ему вслед Нюрка.

– Не забуду, – буркнул он себе под нос.

– Отец, ты посмотри, кого нам дочь передала! – разворачивая ребенка, с восхищением произнесла Матрена.

– У-у, какая кроха! А, что это у нее на губенках все засохло? – нежно проговорил он.

Матрена понюхала, рассмеялась, – мед ела! У её мамочки молоко перегорело, вот и приходится ей, есть хлеб с медом! Ну, ничего, молочко у нас есть! Юрочку переведем на общий стол, он уже большой мужичок, в тятю богатырь! – она ласково посмотрела на мужа, – а тебя, внученька, будем кормить! Смотри, отец, проснулась, открыла ротик и ищет сосок!

Он с нежностью посмотрел на малышку, – проголодалась, ой, а какой малюсенький ротик и сама, как живая кукла!

– Ничего, отец, вырастит, еще какая красавица будет!, – она глотнула и тяжело вздохнула, – ах, доченька, что же ты натворила? Молодость свою загубила!

– Почему загубила? Мы же все равно не планируем, ещё рожать детей? Или ты еще хочешь, а, Моть? – ласково спросил он.

Она улыбнулась краешком губ, – да нет, отец, я не думала об этом! У нас и так, два сына и дочь, а вот теперь, еще одна красавица родилась!

– Ну, вот видишь, как хорошо, что Мария родила! Пока еще силы есть, поможем ей поднять дочку!

– Все так, Ваня, только замуж с ребенком никто из хороших парней её не возьмет! Ребенок всю жизнь будет у нее, как бельмо на глазу!

– Не говори ерунды! Наша Мария особенная, за сто верст такой не найти!

– Дай – то Бог, чтобы так и было!

– И не сомневайся, так и будет! А как же иначе? Только так и будет!

Оставив дочку под деревом, Мария вернулась в лагерь, лицо ее было мертвенно-бледным, в голове до боли стучали молоточки, в ушах невыносимо звонил колокольный звон. Она зашла в палатку, легла на топчан и ее сознание провалилась.

Она ничего не чувствовала и не слышала, как ее будила бригадир, и даже трясла за плечи, громко выкрикивая: – Что с тобой, Мария? Да очнись же ты, наконец! Открывай глаза! Господи, что же это такое? Не пугай меня, Мария!

Но она не издала ни звука.

Наклонившись к ее лицу, она почувствовала слабое теплое дыхание.

– Дышишь, слава Богу! А, где же твоя дочка? – она обратила внимание на топчан Нюрки, он был аккуратно заправлен. – Наверное, она забрала её, чтобы ты отдохнула, – эта мысль успокоила её, – ну, отдохай, мамочка, и я пойду, отдохну перед дойкой.

Через пару часов Нюрка вернулась в лагерь и сразу же зашла к Марии. – Спит мать-преступница! – со злостью подумала она. – Ну, спи, спи! – она вышла из палатки, обратила свой взор на палатку бригадира, – надо же ей сказать, где я была!

Затаив дыхание, бригадир слушала её рассказ, после не большой паузы спросила: – И, как Матрена приняла внучку?

– Вы не поверите, отец с матерью даже не удивились! Наверное, слухи дошли до них, что Мария родила, и теперь беспокоятся за нее. Мать спросила, когда она приедет домой?

– Ну, вот видишь всё хорошо! «Надо подбодрить её», – сказала бригадир, позывая после сна.

– Обязательно подбодрю, когда проснется, за эти дни, ей много пришлось пережить, будто загнанный зверек всего боится!

– Да видела я, Нюр!.. Что осталось от нее, жалко девчонку, она совсем себя извела?

– Ничего, все обойдется, я позабочусь о ней! – с нежностью сказала Нюрка.

– Хороший ты человек, Нюр, повезло Марии с подругой!

– А то! – она улыбнулась и вышла из палатки.

Бригадир предупредила всех доярок, чтобы не будили Марию, пока она сама не проснется.

Нюрка, как любящая мать смотрела за Марией и очень ждала ее пробуждения.

И вот, наконец, она проснулась, увидела подругу, улыбнулась ей и ослабленным голосом спросила: – Как долго я спала?

– Совсем не долго, тебе еще надо бы поспать, сил у тебя не осталось, ты спи!

– Правда, Нюра, у меня такая слабость, даже лежа на подушке, голова кружится, кажется, если встану, не удержусь на ногах.

– Это у тебя от голода, до чего себя довела своим страхом!

Со словом страхом к Марии мгновенно вернулось подсознание, а вместе с ним боль, страх и крик ребенка.

– Ребенок! Моя девочка! – она вскочила с топчана и выбежала из палатки, но тут же ее качнуло в сторону, она не удержалась, рухнула на землю.

Нюрка приподняла ее голову, обняла ослабевшее тело, – куда ты, Мария?

– За дочкой! Помоги мне, Нюра, найти ее, – обессиленным голосом произнесла она. – Нечистые силы вырвали малышку из моих рук и тут же исчезли!

Нюрка поняла, что подруга в не себя.

Мария неудержимо рыдала, ее серо-зеленые глаза казалось, превратились в темные озера. Сидя на земле и поджав под себя босые ноги, она обратила свой взор к затянутому серыми облаками небу, подняла к нему руки и, как горем убитая мать, пронзительным голосом взмолилась: – О, Боги, помогите мне вернуть то, что принадлежит моему сердцу!.. – помолчав с минуту, шепотом продолжила: – Прошу, верните мне мою девочку! – Больше, она не произнесла ни слова, затихла и медленно уткнулась лицом в свои обнаженные колени.

Этот крик всколыхнул даже саму природу, через мгновение загрохотали раскаты грома, засверкали огненные молнии, и грянул проливной дождь.

Нюра подняла Марию с земли, занесла в палатку и уложила на топчане.

Её лицо приобрело бледно-синюшный цвет, пушистые ресницы прикрыли потускневшие глаза.

– Ну, что ты пугаешь меня, Мария? Посмотри на меня! – тормошила она ее, но она не подавала признаков жизни. – Господи, Мария, очнись!.. Ну, что мне с тобой делать?

– Она выбежала из палатки и что было мочи, крикнула: – Мария умирает!..

Через секунды, перепуганные доярки, заполнили палатку, столпились вокруг её тела и, затаив дыхание, тряслись от страха.

– Девчата, выйдите все на улицу, ей нужен воздух, – мрачным тоном сказала бригадир.

Все девушки кроме Нюрки молча вышли из палатки, но уходить никто не соби-
рался, стояли под дождем.

Бригадир поводила перед носом Марии тампоном смоченным в нашатырном спирте от чего она дернула головой, и ресницы её затрепетали.

На лице бригадира промелькнула легкая улыбка. Она погладила её голову и пощупала на руке пульс, не сразу ощутила слабый толчок, – все будет хорошо, моя девочка!

Накапав в ложку несколько капель кордиамина, приподняла ее голову, – выпей это, Мария.

Она слабо приоткрыла рот, бригадир влила ей лекарство, она сглотнула и поморщилась, ещё несколько минут она лежала с закрытыми глазами.

Бригадир не убирала свою руку с пульса, пока не услышала первый слабый стук, затем ещё и ещё. Она слабо улыbnулась, – слаба Богу, кризис миновал, жить будет! Сейчас, Нюр, принеси ей стакан молока, это будет для нее и успокоительное и снотворное, и чтобы, ни одна душа, к ней не заходила, пока она сама не встанет!

– Хорошо, я все сделаю! – воспрянув духом, сказала Нюра.

Как и сказала бригадир, молоко оказалось целительным средством, Мария проспала до позднего вечера, а, проснувшись, попросила еще.

Нюрка заранее принесла трехлитровую банку с молоком и с радостью налила в стакан.

Мария пила его с аппетитом и жадностью, не отрываясь, опустошила его. – Я и не думала, что молоко может, быть таким вкусным! – она посмотрела в глаза Нюрки, – почему ты ничего мне не рассказываешь за дочку, как она?

Нюра не хотела обманывать подругу и призналась, что ребенка, она сама отвезла Матрене. – А родители твои, Мария, даже совсем не звери, приняли внучку с радостью! Ждут тебя домой, и беспокоятся о твоём здоровье, да и малышке у них лучше, за ней уход нужен, а в степи какой уход?

Мария слушала подругу и краешком губ улыбалась, – значит, все хорошо?

– И не только хорошо, я бы сказала отлично! – только сейчас Нюрка убедилась, что Мария окончательно пришла в себя.

– Конечно, подруга, очень даже хо-ро-шо, – она накрыла ее двумя одеялами, – а теперь спи!

– Хорошо, Нюра, я буду спать, только ты вначале расскажи, как ты узнала...

– Я не знала, случайно увидела, ты вела себя странно, подозрительно, как ненормальная, уходила с ребенком озиралась по сторонам, я сразу поняла, что с тобой не все в порядке! Размышлять, у меня не было времени, вот так и получилось, спасибо скажи, что Бог меня послал, а не зверя!

– Спасибо, Нюрочка!.. Она ласково посмотрела на неё, хочу попросить тебя, будь крестной моей дочки!

– Конечно, кому как не мне, быть ее второй мамой? Я с радостью, она для меня такая же дочь, как и тебе! Сколько я с вами помучилась, считай с самого первого месяца твоей беременности!

– Твоя правда, Нюра, чтобы я делала без тебя? Теперь мы обе в ответе за нашу дочь!

Подруги обнялись, и Мария первый раз за последние дни облегченно вздохнула.

Спустя три дня после болезни, она поехала домой. На душе было тревожно, все-таки страх перед родителями ее не покидал.

Глава 12. Простите меня

Матрена подметала двор, когда приблизилась к ней Мария, она теперь уже не казалась такой юной, как прежде, до постигших её испытаний; лицо ее осунулось, глаза немного запали, и это придавало всему ее облику еще большую скромность и нежность. В белом платье с крупным черным горошком, она казалась более свежей и привлекательной.

У Матрены сердце сжалось от жалости к дочери, она бросила веник и пошла к ней навстречу.

– Ну, все, – подумала Мария, – мне, конец! Сейчас мама набросится на меня, начнет таскать за волосы! – она приостановилась, сердце набирало обороты, в ногах ощутилась слабость.

– Не бойся меня, Мань! Иди в дом, не обращай внимания на собравшихся бездельниц, пусть смотрят!

Мария робко подошла к матери, обняла ее и, проглотив ком в горле, с трудом произнесла:

– Прости меня, мама! – она сказала так виновато и трогательно, что Матрена с болью в сердце почувствовала, как ей не просто.

– Ничего, дочь, все обойдется!

После встречи с матерью она вошла на кухню и встретила вопросительный взгляд отца, на его лбу прорезались морщинки – знак глубокого раздумья, но не гнева.

– Тятя, – вымолвила она и остановилась, не в силах продолжать.

Отец поднял голову, его серые глаза пытливо смотрели из-под густых черных ресниц, при виде дочери, сердце в нем дрогнуло. Он еле сдерживал себя, чтобы не броситься к ней и не обнять по-отцовски. Но он должен показать дочери, что обижен на нее.

– Что? – сказал он спокойно.

– Тятя, ты не простишь меня? Она попыталась объяснить ему, но ей не удалось скрыть свои чувства, она опустилась на стул подле кухонного стола, уронила голову на руки и судорожно, беззвучно зарыдала.

– Тише, тише! – сказал отец, обнимая ее, – не надо плакать! Конечно же, мы с мамой прощаем тебя и спасибо за такую прелестную внучку! А то, что соседи языками чешут, пусть чешут! Им кажется, что ты совершила тяжкий грех... конечно от разговоров никуда не уйдешь! Но ты, Мария, умная девушка и хорошо знаешь; жизнь – это борьба! Если хочешь что-нибудь получить, надо за это драться, а значит доказать всем, что ты лучше всех!

Отец был так высок, и чтобы дотянуться до его плеча, ей надо было забраться на стул.

Она прильнула к его бедру. Он поднял ее на руки, как маленькую и поцеловал в прохладный лоб.

– Все наладится, вот увидишь! – затем наклонился и поставил обратно на пол. Мария измерила его своим восторженным взглядом с ног до головы.

– Тятя, а твой отец тоже, как и ты был великаном?

Отец приятно рассмеялся, показывая прокуренные ровные зубы.

– Да разве я великан? Вот дед мой, был настоящим великаном! Представляешь, у него в доме никогда не было молотка, он все забивал кулаком!

– И даже гвозди? – прищурив серо-зеленые глаза, спросила Мария.

– Что там гвозди? Для него гвозди были, что семечки! Он мог вбить гвоздь и тут же его вытащить своими пальцами как плоскогубцами! Вот, дочка, каким великаном был твой прадед! – он сожалеючи покачал головой, – мельчает наш род! Толя хоть и будет высоким, но вширь не пойдет. А вот Юра, в два раза будет крупнее его! Это я определил сразу, как только он родился!.. – Отец сделал короткую паузу. – Ну, всё, слава Богу, дочка, ты вернулась домой, наконец, мое сердце успокоилось! – на его крупных серых глазах, навернулись слезы, он смахнул слезу со щеки и осторожно обнял Марию.

– Как твое здоровье, дочь? А то Нюра сказала, что ты заболела!

– Все уже прошло, тять, можно на работу!

– О работе пока и речи быть не может, окрепни, сил наберись, смотри, какая худущая и бледная стала! – Помолчав с минуту, спросил: – Имя дочери подобрала?

– Нет, тять, давайте вместе подберем!

– А давайте! – оживился отец. – Мать, иди к нам, помоги подобрать имя внучке!

– Имя? Это можно, – отозвалась Матрена и сразу же предложила: – можно назвать Вера или Тоня!

– Нет, Моть, Вера не подойдет для нашей девочки, она у нас такая нежная! – слово «нежная», он произнес с такой любовью, что все согласились назвать малышку Тоней.

Мария все крутилась возле люльки, где спала дочка, ей не терпелось ее обнять и попросить прощения за свою глупость, хотя можно ли было обвинить ее за то, что с ней произошло? Она чувствовала, что полюбит свою девочку и будет ей хорошей матерью, если только жизнь позволит. Но в том-то и вопрос: позволит ли жизнь?

– Мария, Тонечку надо уже записать в сельсовете! – напомнил отец. – Как фамилия отца дочери? Кто он, из наших деревенских парней?

– Нет, тять, он в Славгороде служит, я вам сейчас покажу его фотографию! – Она достала из сумочки фото и подала отцу, – вот мы с ним!

– Так он у нас военный? Чин имеет не плохой, капитан!

– Мать, иди, глянь на отца Тонечки!

Матрена вытерла руки о фартук, осторожно взяла фотографию. – Ох, какой красивый парень и серьезный! Только вот, что, он не женился на тебе?

– Мы хотели пожениться, он пришел к тете Лене просить моей руки, так эта старая ведьма выставила его за двери, даже не дала нам поговорить!.. А на следующее утро она отправила меня домой.

Матрена с неодобрением гоготнула, она всегда делала так, когда на кого-нибудь злилась.

– Да я сама виновата, не спросила у него его номер части, где он служит и адрес, где проживают его родители, общим ничего не спросила!

– Ну, значит так Богу угодно! – спокойно сказал отец.

– Я же и подумать не могла, что все так обернется, у нас все было серьезно, но эта тетя! – Мария уткнулась лицом в руку отца и расплакалась.

– Ничего, дочь, подрастет наша Танина, ты сама к нему съездишь, и все будет хорошо! – подбодрила ее мать.

– Ну, вот! – подумала Мария, – и эта самая большая моя проблема, об отце Тонечки с родителями решена и никакого страха, а я так плохо думала о них!

Через неделю Мария с отцом записали в сельсовете Тоню и получили на нее свидетельство о рождении.

– Тять, посмотри, чья она у нас! – она гордо прочла, – Васильева Антонина Ивановна!

– Вот записан отец – Васильев Иван Константинович, а мать, Фомина Мария Ивановна!

– Ну, вот и новая гражданка России! Теперь на законном основании будет, проживать! – он широко улыбнулся, взял у нее бумагу, прочел и удивленно помотал крупной головой.

– Чудно, дочка! Такая кнопочка, а уже паспорт имеет!

– Он вернул свидетельство дочери и тяжело вздохнул.

– Тять, ты не думай, я обязательно найду отца Тони, и мы распишемся!

– Я, дочь, ничего не думаю, на все воля Божья!

Глава 13. Уродливый насильник

Новость о нагуленном ребенке Марии облетела не только всю деревню, но и близь лежащие села. Говорили от старого до малого, даже и те, кто понятия не имели, что собой представляет Мария.

– Кто бы мог подумать, – сказала одна: – Такая молоденькая девчонка, нагуляла неизвестно от кого, это же надо стыд, какой!

– А на месте моих родителей, меня бы уже похоронили заживо вместе с довеском! – сказала другая девушка.

– А я бы убежала, куда глаза глядят, или лучше в петлю, чем жить с таким позором! – проговорила женщина лет тридцати пяти. Её длинный нос шмыгнул со свистом, словно в нем был свисток.

– Потому ты в деревне одна до сих пор нетронутая! – подколола ее Фекла – соседка Матрены.

Все собравшиеся сплетницы расхохотались.

От колючих слов Феклы, женщина замолчала и, поджав губы, посвистывала.

Глупые вы, девчата, Мария родила от мужчины ни чета нашим деревенским! Он офицер! Я сама видела его фотографию! Так что, придержите свои языки, не то отец Марии узнает о ваших сплетнях, мало вам не покажется! – объявила всем Нюрка.

– Кому теперь, она нужна с ребенком? – вновь вставила женщина со свистящим носом, – даже сын повитухи, горбун не женится на ней, хотя его и человеком не назовешь, а все равно не женится!

– Верно, ты сказала, не женится! Во-первых, у Марии есть отец ее ребенка! А во-вторых, горбуну твоему надо «Конька Горбунка» и влезть в его правое ухо, а вылезти в левое, а дальше ты знаешь что! А вот тебе горбун, как раз впору, вместе вы будете отличной парой!

– Ты, что считаешь, я хуже Марии? – изумленно спросила женщина, прищурив черные глаза.

Нюрка заразительно расхохоталась ей в лицо, – не смейся народ! Ты лучше прислушайся к моему совету, выходи за горбуна, лучше мужа тебе не найти, вы с ним даже чем-то схожи!

– Я-то может, и выйду, а вот тебя никто не возьмет, даже такой, как горбун! И запомни, горбун узнает об этом обязательно!

– Кто бы сомневался? – выкрикнула Нюрка, – потому вы с ним и пара! И не дай нам Бог, даже видеть тебя и его! – она представила перед своими глазами горбуна, он был, как бы из сказочного персонажа, рост чуть больше одного метра. От головы до поясицы сплошной горб, прямой, тонкий и длинный нос напоминал ящерицу, а в ноздрях была постоянная краснота. Бесцветные глаза с узкими, но с длинными разрезами, как у варана, всегда были на страже, казалось, он видел ими, даже когда спал. А если, что-то надо было отыскать, он пускал в ход свой нос, и к счастью, или к чьему-то горю, никогда не ошибался. Покрытыми густым пушком уши, слышали за сотню метров, он без труда приходил к месту, где ему послышался какой-либо звук. Был ищейкой и доносчиком. С раннего утра, все деревенские события были у начальства на столе, поэтому, все жители деревни и в ее окрестностях ненавидели и боялись его.

Больше всего, он был зол на Марию, за то, что она отговаривала свою подругу Клавдию выйти за него замуж. Затаив на неё злобу, он решил надругаться над ней.

Время было за полночь, когда Мария зашла в баню.

Наконец-то! – подумал горбун, – попалась ты мне! Долго же я ждал этого момента! – он незаметно пробрался в предбанник и затаился.

Через несколько минут Мария в костюме Евы вышла из парилки, но не успела она присесть на скамью, как он схватил ее и подмял под себя, но при этом, не издал ни звука.

Вначале, Мария не сразу поняла, кто на нее напал, стала отбиваться и ухватилась за горб.

– Горбун? Сейчас же отпусти меня, иначе пожалеешь!

Он молча лапал своими уродливыми пальцами её горячее от пара тело.

От прикосновения его рук ее передернуло. Она сбросила его с себя, вскочила, крепко ухватившись за его кривую, короткую ногу, выволокла из предбанника и потащила к обрыву по колючей бахче.

Он взревел от боли, но не проронил ни слова.

К великому счастью, а может, к сожалению, для горбуна, бахча осталась позади, но и огород закончился, а за ним сразу внизу был трехметровый скалистый обрыв.

Мария приостановилась, не выпуская из рук его ногу, – ну, горбун, что молчишь? Не спасла тебя твоя конспирация, горб твой все сказал за тебя! Надо же? – она ухмыльнулась, никогда не думала, что в нашей деревне живет насильник! – Урод! – она поставила свою ногу на его короткий живот, – проси прощения, не то сброшу в обрыв!

– Убери су... ногу! – грубо прохрипел он.

Марию будто всколыхнуло, в горле что-то заклокотало, – ты, чудовище! – громко выкрикнула она, – решил изобразить из себя мужчину! Самому то тебе не смешно? Да, как ты посмел, посягнуть на меня? – Она резко наклонилась к нему, захватила за короткие брючины и потянула, отчего пуговицы на брюках расстегнулись, и в одно мгновение, горбун остался без порток.

Он хватался за ее руки, пытаясь укусить, противно, как шут верещал и вырывался.

Но в то время с Марией не совладал бы сам дьявол, она приподняла его за холщовую рубашку и с высоты своих ног, бросила в обрыв.

– Лети, голубок! – она истерично засмеялась, лихорадочно трясясь, – еще раз прилетишь, убью! – крикнула она, и вдогонку бросила его штанишки.

Слышно было, как горбун шмякнулся об камни и громко простонал.

Марии противно было слышать его верещание, она вернулась в горячую баню и долго отмывала с тела прикосновение рук мерзкого уroda.

Впервые, Мария почувствовала, что может, постоять за себя, теперь, ей не надо избегать косых взглядов и молча переживать то, что с ней случилось. Как ни странно, она не испытывала напрасных угрызений совести, бесплодных сожалений. Сердце ее было чисто, на душе легко и спокойно. Правда горе, которое с ней случилось, не забылось, но оно утратило прежнюю остроту – осталась только смутная неуверенность и недоумение, от которого порою глаза ее, наполнялись слезами.

После «любовной» встречи с Марией, горбун более месяца не появлялся ни в деревне, ни даже во дворе своего дома.

Настя, его сестра сказала: – Брат внезапно и серьезно заболел, и мать лечит его разными припарками.

О том, что произошло у него с Марией, он никому не обмолвился, но еще больше озлобился.

Зато Мария никого и ничего не боялась, тем более сплетен, которые окружали ее со всех сторон. Она была уверена, что найдет своего возлюбленного – отца Тони и все станет на круги своя.

Наконец, горбун поправился, и с рвением приступил к своим занятиям. Он заходил в правление совхоза, как к себе домой. Начальство поощряло его за любую информацию, поэтому он вел себя нагло, если кто-то ему не угодил, угрожал расправой. Таким образом, он снова решил жениться на Клавдии.

Отец Клавдии, Никанор Сысоев, работал конюхом, имел неосторожность взять лошадь без разрешения управляющего, и увез в больницу свою больную жену.

Каким образом горбун прознал об этом, неизвестно никому. Не теряя времени, он бессовестно предупредил Никанора: – Никому не скажу, что ты самовольно брал лошадь, если выдашь за меня Клавдию!

Никанор высокого роста, крепкого телосложения, посмотрел сверху в низ своими черными глазами на уродца, он и так-то не считал его за человека, а после услышанного его будто приподняло и вывело из равновесия.

– Да ты, урод! – теряя самообладание, – за тебя мою Клаву? – он замахнулся на него.

Тот пригнулся и стал одним целым горбом.

– Какое чудовище! – он плюнул ему в горб и зашагал тяжелыми шагами в конюшню.

Горбун ничего ему сразу не сказал, а лишь ехидно ощерил зубы и хихикнул. – Сам прибежишь, умолять будешь, только я еще тогда подумаю, брать мне ее в жены или нет! – тихо проговорил он.

Никанор услышал, оглянулся на него, – если сделаю шаг назад, сравняю его с землей, а что будет дальше? А может, тюрьма даже и лучше, чем Клавдию отдать уроду!.. Ничего, проживем, увидим, Бог не выдаст, свинья не съест!

Рано утром следующего дня, к нему пришел высокий, подтянутый красавец со смуглой кожей лица, оно выражало упрямую решительность. – Здорово, дядя Никанор!

Он удивленно приподнял свои дугообразные черные брови, – а участковый, здорово! Что тебе, Николай? Ты же так просто не ходишь! – улыбнулся Никанор, показывая ряд желтых прокуренных зубов.

– Твоя, правда, дядь, по твою душу я! На тебя поступил донос!

– От кого? – удивился Никанор, снимая с головы фуражку, и вытер внутренней стороной вспотевшее лицо, теплый ветер мгновенно разворошил его черные густые волосы.

– От горбуна, дядь!

– Вот сукин сын! И носит же его земля, а? Это же надо, Николай, он снова пытается жениться на Клавдии!

– Да ты, что, дядь? – удивился участковый, расширив карие глаза.

– Да, Николай, я послал его куда подальше, так он решил, насолить мне, ну, не гнида, а!.. И что, он написал?

– Что ты ударил его и свидетелей указал!

– Ну, гнида! Зря я сдержался, надо было затоптать нехристя!

– Это еще не все, он написал, что ты на конюшне занимаешься самоуправством, используешь лошадей в своих целях!

Никанора передернуло, он плюнул на недокуренную самокрутку и бросил ее под свой сапог.

– Пусть докажет! – недовольно буркнул он.

– Да, дядь, – ты не поверишь, у него справка есть из больницы, когда ты свою жену привозил!

– Что в справке написано, что я привез жену на лошади?

– Нет, дядь, не написано, только число указано и все!

– Ну, вот видишь, может, я на себе ее нес!

– Нет, дядь, в такое никто не поверит!

Никанор почесал лоб. – Что мне делать, Коль?

– Не знаю, но горбун настроен подать на тебя в суд за рукоприкладство! А за лошадь, наверное, снимут с работы или штрафом обложат. Ты вот что, дядь, не мешкай, чем быстрее придешь в участок, тем лучше будет для тебя!

Никанор был зол на горбуна и деревенскую власть, что судили людей ни за что. Кто из этих откормленных чиновников может, понять, каково ему с больной женой? Не мог же он тащить ее в больницу на руках за пять верст! Он бросил на землю недокуренную самокрутку и растер ее огромным размером своего сапога с такой досадой и силой, будто затер горбуна в грязи.

Глава 14. началась Великая Отечественная

В семье Марии все было хорошо и спокойно. Деревенские сплетни ее уже не волновали, она ходила с высоко поднятой головой. После родов, она стала женственнее, ее красоте не было равных девушек во всем районе.

Волнистые светло-русые волосы спускались с узких плеч. Ей завидовали все женщины и девушки, мужчины и парни не упускали случая, чтобы не заговорить с ней. Марии, конечно, это нравилось, но она предпочла обходить всех стороной и смотреть на всех свысока. Она помогала матери с отцом по хозяйству и не переставала думать о встрече со своим любимым, мечтала об их счастливой жизни.

Никто не мог предугадать, что будет завтра.

А завтра началась Великая Отечественная Война. Двадцать второго июня, тысяча девятьсот сорок первого года, Германия напала на Россию.

Всех парней и мужчин, кто мог держать в руках оружие, отправили в район для формирования отрядов и обучения военному мастерству. Мужчин постарше сразу отправили на станцию, а оттуда на передовую.

Жутко было смотреть, как матери, жены, сестры и дочери прощались со своими сыновьями, мужьями, отцами и братьями. Никто не сможет, описать того, что происходило в тот час, все понимали и точно знали, что провожают своих дорогих навсегда.

В деревне после ухода молодых парней и мужчин на фронт, оставались только старики, женщины, мальчики подростки и дети. Работа на полях остановилась.

Председатель созвал на сходку всех жителей деревни.

Пришли все, кто мог передвигаться.

Председатель поднялся на трибуну, на вид ему было сорок пять лет. Он снял с головы кепку. Волосы у него были черными и слегка покрыты сединой. А взгляд твердым и пронизательным. Движения у него были быстрые, энергичные. Он обвел взглядом всех собравшихся.

– Дорогие мои земляки! – начал он, – я не виноват, что меня не взяли на фронт, это приказ свыше. У нас свой фронт, от нас с вами многое зависит, мы должны кормить наших защитников! Для этого мы остались здесь, заменим ушедших ребят, работавших у станков! Будем сами делать боеприпасы!

Кто-то выкрикнул: – У нас нет таких умельцев, чтобы эти припасы делать!

– У нас нет? – оживился председатель. – Вы оглянитесь, дорогие мои, какие орлы у нас остались, мальчики наши, они тоже солдаты! Верно, ребята?

Мальчики, от такой неожиданности, что им доверят станки, да еще делать боеприпасы, были в восторге, в один голос все ответили: – Верно!

– Молодцы, ребята! Другого ответа я не ждал!..

С минуту он молчал. – Еще у нас самая главная проблема, ни одного механизатора в деревне не осталось, простаивают трактора, хлебоборобы наши ушли защищать Родину! Своих стальных коней они доверили своим женам, сестрам и невестам-красавицам, которые будут стоять за них у штурвалов, землю пахать, сеять пшеницу, рожь! Сейчас нам очень трудно найти трактористов... Он сделал краткую паузу.

Мария тянула руку, просила, слово.

– Говори, Мария, что у тебя?

– Я смогу работать на тракторе!

Председатель удивленно поднял на лоб свои черные брови.

– Я не ослышался, Мария, ты действительно, сможешь работать на тракторе?

– Да, смогу, меня научил мой дядя Яков, он лучший тракторист в соседнем отделении, но сейчас он тоже на фронте!

– Отлично, Мария! – он радостно улыбнулся. – А других девчат сможешь научить?

– Смогу!

– Вот и хорошо! Тогда не теряя времени, подбирай себе учениц, и чтобы через неделю трактора вышли в поле!

Мария сразу же на сходе выбрала девушек из своих подруг: Нюрку крестную мать своей дочери, она самая лучшая и верная подруга, Мархутку, Настю Бородину дочь повитухи и Шурку по прозвищу «мосол», форма ее лица напоминала лошадиную морду, ребята еще до войны посмеивались над ней, и спрашивали: – У тебя, Шура, отец был конем?

– Сам ты конь! – обижено отвечала она.

Мария оказалась хорошим механизатором, что позволило девушкам быстро научиться водить трактора и выйти в поле раньше, чем наметил председатель. Тракторов было четыре, а девчат Мария подготовила пятерых, одну из девушек на подмену.

Мальчики так же, сразу встали к станкам и осваивали устройство доверенной им техники. Учителем был военный офицер, специально командирован из района. В нем угадывался человек совсем другого склада: плотный, грубоватый, флегматичный, он был стройным и подтянутым, у него здоровый цвет лица, и производил он впечатление человека, готового принять любые трудности на себя. В те дни многие находили его жестоким, а он терпеливо ждал, когда ребята самостоятельно смогут работать на станках и изготавливать на них нужные детали.

Наконец, цель учителя, была достигнута, первый заказ на боеприпасы выполнен, и отправлен на станцию. Восторгу и радости у мальчиков не было конца, они научились тому, о чем и мечтать не могли. Но также и не думали о том, что им предстоит вынести на детских, еще не сформировавшихся плечах, взвалив на себя непосильное бремя, они стояли у станков сутками, спали по пять – шесть часов. От постоянного недосыпания и недоедания, у некоторых мальчиков были обморочные состояния. Родители, кто еще имел, какую-то еду, поддерживали их.

Председатель смог решить вопрос о выделении им ежемесячного военного довольствия, что очень поддержало их.

Глава 15. Неожиданный гость

Бригада Марии работала без передыха.

Во время обеденного перерыва трактористки собрались у трактора Марии, поприветствовав друг друга, они присели на свои мазутные фуфайки, выложив из своих сумок поджаренную рожь.

Мархутка достала кусочек ржаного хлеба, поднесла к носу, – пахнет! Племян угостил... – она сделала не большой надкус и положила кусочек обратно. – И когда же нам выдадут карточки? Племянник мой получил, и мальчишкам из цеха, как солдатам выделили довольствие.

Мария обвела взглядом девочек, – об этом мы спросим нашего председателя, как только он пожалует к нам!

– Не мешало бы, чтобы выдали карточки и на сало! – вставила Шурка «мосол».

– На тебя, Шур, добро переводить, не в коня корм! – пошутила Настя.

Шурка холодным взглядом окинула её и отодвинулась к Мархутке. – Зато ты, красавица! Уж кто бы говорил? Ты хоть видела в зеркале свои губы? – с усмешкой сказала она.

– Ну, видела и, что из того?

– Ничего, я же не говорю, на что похожи твои губы, – хихикнула она.

– Девушки, хватить портить настроение друг другу, давайте лучше споем нашу любимую! – предложила Мария, – и запела звучным, душевным голосом первые строки куплета:

– За околицей солнце клонится, – но сразу же замолчала.

– Ну, что ты, Мария? «Мы только хотели, подхватить дальше», – сказала Мархутка.

– Девушки, песню мы после споем, а сейчас будем встречать гостя!

Все девушки, как по команде повернули головы на приближавшегося к ним всадника.

– Кто бы это мог быть? – прищурив свои широкие карие глаза, – сказала Мархутка.

– Точно не председатель! – сказала Нюра, вытирая платком смуглое лицо, – посмотри на меня, Мария, я не в мазуте?

– Нет не в мазуте, ты из нас самая чистая!

Она широко улыбнулась, на ее щеках появились две глубокие ямочки.

Мария обняла подругу, – ты у меня самая красивая!

Через некоторое время к ним подъехал всадник на коричневой лошади с белой звездочкой на лбу.

Мужчина одет в военную форму, но пагон не было.

Нюрка свистнула, – откуда он взялся?

Мария незаметно отошла за трактор и наблюдала оттуда за незнакомцем.

– Ну, здравствуйте, труженицы! – весело сказал, он и резво спрыгнул с лошади, держась за уздцы.

– Здравствуйте! – дружно ответили девушки, и ждали, что он скажет, перешептываясь, разглядывали его со всех сторон.

Мария сразу определила: его рост выше среднего, на вид тридцать лет, лицо удлиненное, смуглое, аккуратно подстриженные темные волосы взвихрились от быстрой езды. Нос с небольшой горбинкой и слегка расширенными спокойными ноздрями. Над черными глазами, выделялись темные брови. Привлекатель-

ного в нем, она ничего не увидела, но определила по сияющим глазам, еще тот ловелас! Может, и будет, иметь успех у женщин потому что, он один на всю деревню.

В свою очередь, незнакомец обвел взглядом всех девушек в мазутных пиджаках, будто выбирал для себя невесту, но по безразличному выражению глаз ни одна искорка в них не зажглась.

– Как, девчата, ваши успехи? – звучным голосом спросил он, открывая свои тонкие губы.

Мария увидела, как блеснули его ровные крепкие зубы.

– А разве не видно? – спросила Настя, – посмотри! – она показала мазутным пальцем на начало вспаханного поля.

Он повернул голову, – ну и, что я должен увидеть?

– Бестолковый мужик! – подумала она. – Эта наша сегодняшняя работа, а это! – она махнула рукой в другую сторону вспаханной земли, – осталось засеять! Да мы бы уже закончили и перешли на другое поле, если бы нам вовремя привозили солярку!

Незнакомец слушал её, и серьезно, что-то прокручивал в своей голове.

– Настя, что ты претензии предъявляешь, сама не знаешь кому? – Выходя из-за трактора, сказала Мария.

Незнакомец оглянулся на приятный женский голос и от неожиданности остолбенел. Он смотрел на нее, не моргая, и молчал, ее красота поразила его.

– Откуда ты свалилась такая? – подумал он, сверля ее своим взглядом.

– Я, Мария! А вы кто? Почему не представились сразу? И к нам зачем? Почему в форме, а пагон нет? – засыпая его вопросами, она не давала ему ответить ни на один.

– Ах да, простите! – начал незнакомец, – не успел, представиться, девчонки атаковали!

– Правильно! Они у меня молодцы, зря не скажут!

– Меня зовут Михаил Михайлович. После ранения на фронте был в госпитале, ну, а после комиссовали и направили в ваш совхоз работать полеводом. А форма! – он посмотрел на свою гимнастерку, – военная потому, что не успел приобрести другую одежду!

– Ну, прям совсем бедный! – подумала Мария, – только вот не верится, по лощеному лицу не скажешь, три года на фронте, тяжело был ранен и месяц лечился в госпитале, странно всё это!

– Ну, вот и познакомились! А теперь, раз уж вы наш начальник, у меня к вам вопросы с претензиями! – она посмотрела на него в упор.

– Задавайте ваши вопросы, что вас волнует? – сказал он, не отрывая своего взгляда с ее серо-зеленых глаз, и был готов согласиться на все, чтобы она не попросила.

– Во-первых, – начала она, – трактора наши простаивают из-за отсутствия топлива! Во-вторых, мы голодаем и теряем силы! Железо и то требует свой паек! Мы работаем на износ и, уж не требуем, а просим карточки на хлеб! Хотя, мы не должны просить свои заслуженные сто граммов в день, или сколько уж там, мы не знаем! За три месяца работы, мы ни разу не получали карточек! Мы, что должны питаться Святым Духом?

– От перевозбуждения на её щеках появился яркий румянец, и вперемежку с мазутными пятнами она выглядела очень мило и забавно.

– Ну, что вы скажете, Михаил Михайлович, сможете нам помочь? – она пристально посмотрела на него и цинично измерила своим взглядом с ног до головы.

Он еле выдержал ее пронзительный взгляд, и почувствовал себя перед ней виноватым и ничтожным. Он повернул голову к лошади, и стал поглаживать по её щеке, о чем-то думал.

– Ну, так, что, Михаил Михайлович? – деловито переспросила Мария, перебив его мысли.

Девчата молчали, они следили за каждым движением собеседников, и кажется, перестали дышать, чтобы не пропустить ответ полевода. И только Шурка «мосол» вела себя очень странно, появление Михаила её не удивило, и казалось, они давно знакомы.

Мария заметила его равнодушное расположение к себе и решила поиграть с ним, ведь влюбленные мужчины свернут горы, чтобы овладеть девушкой. Она вдруг достала из своего кармана горсточку жареной ржи и протянула ему.

Он раскрыл свою холеную узкую ладонь, и Мария высыпала в неё зерно, касаясь своей рукой его руки.

От прикосновения ее руки, он почувствовал сладкое, нежное ощущение, у него вспыхнуло чувство тяготения к этой красивой стройной и дерзкой девушке. Им овладела страсть, глазами он пожирал её и был готов, схватить ее в свои объятия.

– Угощаю, товарищ полевод, попробуйте, что мы кушаем в обед и ужин, а утром у нас разгрузочные часы!

Он задумчиво поглядел на зерна в своей ладони, его лицо приобрело мрачный вид, он глотнул, и положил зерна себе в карман.

Мария, пристально посмотрела на него, – Михаил Михайлович, каким будет ваш ответ? – мягким тоном спросила она.

– Тебе, Мария, отдал бы свою душу... – подумал он.

После короткой паузы сказал: – Хорошо, девушки, завтра же, на заседании правления поставлю вопрос о выделении вам карточек! Думаю, решение будет положительным, и я сам их привезу!

– Еще, что волнует? – обратился он к Марии.

Она дернула плечами, – девчата, не молчите, задавайте вопросы, пока есть возможность спросить!

– Нам необходима своевременная заправка сеялок зерном, мы больше простаиваем! – с недовольством отозвалась Настя, – можно подумать, какое-то вредительство! Зерно есть, солярки нет! И наоборот!

Полевод прищурил свои черные глаза, – этот вопрос, мы тоже решим!

– Вы уж постарайтесь, Михаил Михайлович, это поможет нам отсеяться раньше других отделений! – сказала Мария.

– Постараюсь, сделать все, что в моих силах! – он многозначительно посмотрел на неё, по-боевому вскочил на лошадь и быстро скрылся за полем.

– Заправщик едет, девушки! – крикнула Нюра, – пойдемте кормить наших коней!

Глава 16. Любовь с первого взгляда

После встречи с Марией у Михаила было одно желание завоевать ее сердце.

– Странно, что это, неужели любовь с первого взгляда? Ни к одной женщине, я не испытывал таких сильных чувств, жажды быть вместе, ощущать и желать ее близости!

Мария, не обычная, недоступная девушка, хотя при разговоре с ним вела себя свободно и просто. Видно поняла, что он смущен и дала ему отдушину, подмигивала и улыбалась, но все это ради того, чтобы, он поторопился помочь ее бригаде.

На следующий день, как обещал полевод не приехал. Девчата ждали его полдня. Во время обеда все ели поджаренную пшеницу, молча глядели друг на друга.

– Хороша пшеничка! – нарушила молчание Нюрка, – облизывая свои тонкие бордовые губы. – Плохо, что нельзя больше съесть!

– А – я не ем, экономлю для председателя, – еле пережевывая, сказала Мархутка.

– Ну-ну, смотрите, девчата, как она экономит! Как хомяк, наелась и за щеки про запас натолкала!

– А ты, Насть, все видишь! – отшучивалась Мархутка, девушка приятной внешности с черной толстой косой и голубыми глазами.

– Я хоть только за щеки, а ты и за губы! – Девчата рассмеялись, глядя на толстые, и красные, как свекла губы Насти.

– Да, девушки, смех смехом, а где же наш полевод с карточками? – тяжело вздыхая, сказала Нюрка.

– Не переживай, Нюр, будут нам карточки, – сказала Мария.

– Неужели, правда, ты ему веришь?

– Знаете, девчата, сама не понимаю, но почему-то, верю! Ну, всё, подруги, поели, запьем водичкой и погоним! Пшеницы осталось часа на два, если не подвезут ещё, не знаю, что делать!

– А, что делать? По мне бы, лучше вздремнуть минут шестьсот! – потягиваясь сладко, сказала Нюрка и лениво пошла к трактору.

Михаил квартировал у Польки – сестры Шурки «мосол». Ей не было еще сорока лет, она была высокого роста и крупного телосложения. Голова треугольной формы, смуглая кожа лица с желтым оттенком, продолговатые серые глаза постоянно были прищурены, будто в них бил луч солнца, над ними выделялись черные тонкие брови. Крупный нос с круглыми ноздрями, всегда был влажным как у здоровой собаки, складывалось впечатление, что у нее хронический насморк. Плотные сжатые тонкие, бледные губы прикрывали мелкие зубы.

Михаил относился к ней с уважением, как к хозяйке.

Полька же имела на него свои виды, ухаживала за ним, как за мужем. Жила она по тем временам, как сыр в масле, родственник у неё был чиновником, имел доступ к НЗ и снабжал ее всеми продуктами.

За ужином Полька кокетничала с Михаилом, наливала ему стаканчик другой самогона.

Он с удовольствием принимал ее угощение, расслаблялся и жил, как у Христа за пазухой.

Таким образом, ей удавалось соблазнять его.

После встречи с Марией он ни о чем не мог думать, перед глазами стоял её образ, дерзкий взгляд и нежная улыбка.

За ужином с хозяйкой, он стал мрачным, молчаливым и возбужденным.

– Миша, у тебя, что на работе неприятности? – прищурив глаза, – спросила Польшка.

Он не взглянул на неё, – всё нормально.

Она налила полный стакан самогона и поставила перед ним, – выпей Миша, все как рукой снимет!

Он равнодушно посмотрел на ее лицо, затем закрыл свои черные глаза и ясно увидел образ Марии, ее очаровательные глаза, прелестные губы, и как на яву ощутил прикосновение ее руки.

– Миша, ты что заснул? Выпей первачка, не пожалеешь!

Он открыл глаза, посмотрел на содержимое в стакане, спокойно отодвинул от себя.

– Спасибо, не хочу! – он встал из-за стола и прошел в свою комнату.

– Ты, что заблудился, Миша? – спросила Польшка, когда он лег на свою кровать, – или тебе не по душе моя мягкая перина?

– Казалось, он не слышал ее, отвернувшись лицом к стене, молчал.

Она сняла с себя одежду и в одной сорочке нырнула к нему под одеяло.

Он не шелохнулся и увернулся от поцелуя.

– Что с тобой, Миша? Я тебе противна?

– Поль, не говори ерунды! Просто у меня завтра будет тяжелый день!

– Он не мог ей сказать, что никогда не испытывал к ней чувств, и что съедет на другую квартиру.

– Миша, это будет завтра, а сегодня еще не завтра!

– Она пыталась добиться от него близости, но он был черствым, резким и раздражительным.

– Миша, ну, ты чего? Тебе не нравится быть со мной? Что случилось с тобой? Какая муха тебя...

Он резко перебил ее, – ничего не говори мне, Поль, уйди! – ему показалось, ее прикосновения холодными и липкими.

– Ладно, черт с тобой, уйду! – выкрикнула она, сбросив с себя одеяло.

– Ну, и ты можешь, уходить на все четыре стороны! – сдерживая крик, сказала она.

– Хорошо, я так и сделаю, а теперь, оставь меня одного! – спокойно сказал он.

– Да ради Бога! – вырвалось из её рта, – только после, не вздумай возвращаться ко мне!

Глава 17. Серьёзная характеристика

Утром Михаил проснулся раньше обычного времени и ушел в правление, чтобы решить вопрос о выделении карточек для бригады Марии.

Председатель был удивлен просьбой Михаила.

– Вы, что не получаете паек?

– Речь не обо мне, а о девушках, они сказали, что голодают, карточки на хлеб не получают, работают сутками!.. Их семьи тоже голодают!

– Никто мне об этом не говорил! И «горбун» сказал, что все получили карточки! Я сам лично ему поручал! – оправдывался председатель.

Полевод достал из кармана зёрна ржи, и в ту же секунду, перед его глазами промелькнула Мария, как она коснулась своей рукой, высыпая в его ладонь эти зёрна.

– Что это у вас в руке, Михаил Михайлович?

Он раскрыл ладонь, – это то, чем питаются трактористки!

Председатель скрестил руки за своей спиной и громко гоготнул, – и чья эта бригада?

– Бригада Марии! – мрачно ответил он.

– Ах, Мария!? – с уважением воскликнул он.

– Прекрасный работник, надёжный товарищ и друг, в беде не оставит, поможет и поддержит в трудную минуту! Смелая, волевая, решительная, сильная духом и физически! Представляешь, Михаил, мужики не могут завести трактор, силы не хватает, а она крутанет рукояткой один, два раза и заведет, и теперь некоторые приходят к ней за помощью! А трактор знает, как свои пять пальцев, не хуже механика разбирается! Молодец девушка! Но характер, лучше не рисковать, за себя постоит! С виду, она ангелочек, но не завидую тому, кто окажется ее недругом!

– Вы так ее охарактеризовали, товарищ председатель, теперь к ней не подступиться! – широко улыбнулся полевод.

– Я лишнего ничего не сказал, Мария гордость нашего совхоза! А карточки получи и сегодня же отправь им! Сколько их работает?

– Трактористок пять и сеяльщиц пять.

– Десять карточек! – он задумался, – ну, да ладно, девчонки работают, должны кушать! А то у нас получается, кто не работает, тот живет в свое удовольствие, гонит самогон, все продукты имеет и карточки на хлеб! Правильно я говорю? – он остановил свой зоркий взгляд на Полькином родственнике. Тот опустил голову.

– Я тоже хорош, гусь! – подумал Михаил, – ел и пил за чужой счет!

Он приехал в бригаду Марии через два дня.

Девчата уже не ждали его, но в глубине души надеялись, должен привезти! Да и Мария вселила в них надежду верить ему. Она заметила всадника, подала знак трактористкам на сходку. Они тоже увидели его, и в надежде услышать хорошую новость, окружили Марию, устремив на него свои взгляды.

– О, никак наш пропавший полевод? Сразу видно хлеб привез! Лошадь еле ноги переставляет, – пошутила Мархутка.

– Ты права, Мархуточка, он приехал не с пустыми руками, отсюда вижу, как горят угольки в его черных глазах! – с улыбкой сказала Мария.

– Здравствуйте, девушки! – весело сказал он, слезая с коня.

– И вам не хворать! – ответила Нюрка, поправляя на своей голове красный платок, вглядываясь в полевода любопытными карими глазами.

– Здравствуй, товарищ полевод!

– Что так официально, Мария? – улыбаясь, спросил он. – Вижу, вы все обижены на меня! Поверьте, я не смог приехать раньше, были неотложные дела!

Она промолчала.

Но он понял по ее задумчивым глазам, что она хотела ему сказать и, улыбаясь, ответил:

– Я к вам, девушки, не с пустыми руками, привез, что обещал!

– Неужели карточки? – выпалила Мархутка, в ее голубых глазах заиграли огоньки.

– Те самые! – гордо ответил он.

– Вот всем вам и трактористкам, и сеяльщицам! – он протянул бумажный пакет Марии, – как обещал, возьми! – Он следил за выражением ее лица.

Она взяла пакет и чуть приоткрыла свои прелестные губы.

Михаилу показалось, что она хочет поцеловать его, чего он ждал с момента их знакомства.

Но, она тихо произнесла: – Я знала, что вы не подведете, спасибо от всех девчат! А, теперь! – она повернулась к девушкам, – зацелуем нашего спасителя, он заслужил!

– Сама отошла в сторону и наблюдала, как он сопротивлялся и отмахивался от набросившихся девчат.

– Девочки, все, все, не надо! – умолял он.

Мария рассмеялась, – товарищ полевод, а товарищ полевод, вы не рады девичьим поцелуям?

– Вы и целуетесь так, как работаете?

– А, как же? – заливаясь смехом, ответила Настя.

Он посмотрел на нее и не мог не заметить ее толстые, влажные губы, они напоминали сырое мясо. Он брезгливо вытер губы тыльной стороной руки и с обидой глянул на Марию.

– А твой поцелуй я не заслужил?

– Ну, почему же не заслужил? Еще и как заслужил! – она не торопясь, приблизилась к нему.

Он напрягся в ожидании.

– Спасибо, товарищ полевод, за карточки, – она приподнялась на пальчики и прикоснулась до его щеки.

Он не успел даже ощутить её губы, как она отодвинулась от него и отошла.

– Девушки, подходите ко мне за карточками! – её сразу же окружили девчата, и она забыла о нем.

– Девушки, а у вас еще будут ко мне вопросы? – прозвучал его голос.

– Да, будут! – отозвалась Мария.

Он только этого и хотел, чтобы пообщаться с ней и был рад, что задал вопрос.

– Спасибо, Михаил Михайлович, вот теперь думаем, чем нам вас отблагодарить?

– Ну, что ты, Мария, вы должны были давно получить карточки, но «горбун», что-то схимичил!

– Что значит, схимичил?

– Да я сам только сегодня узнал, ваши карточки за три месяца, он продал кому-то!

– Вы слышите, девушки? Это же надо? Наши семьи без крошки хлеба сидят, а этот иуда наши карточки присвоил и продал!

– Девчата разошлись не на шутку и собрались немедленно пойти в деревню, чтобы свести с ним счеты.

– Сейчас мы этого паразита заставим, бегать по деревне, в чем мать родила! – возмутилась Мархутка, – ему от нас не спрятаться, уродина!

– Правильно, Мархутка, так и сделаем! Заберем у него наши деньги, сыграем ему «темную», чтобы на всю жизнь запомнил! – кричала Нюрка.

– Девчата, успокойтесь! – Мария сделала жест рукой, – мы с ним сведем счеты, но только после посевной!

– Тогда, Мария, у нас все зло пройдет!

– Не пройдет, Нюрочка, осталось две недели! А сейчас, у нас нет времени на него! Так что, девушки, по коням!

– По коням, так по коням! Пошли, подруги, – недовольно сказала Нюрка.

Все девушки разошлись по своим тракторам.

– Мария, подожди! – окликнул ее полевод.

Она повернулась к нему. – Что, Михаил Михайлович?

– Я люблю тебя, – робко сказал он.

В ее глазах не было удивления, а на лице появилась легкая улыбка, казалось, она думала о чем-то другом.

– Мария, я сказал, что люблю тебя, и не могу, не думать о тебе, но если я противен тебе, скажи сразу!

Мария молчала и любопытным взглядом смотрела ему в глаза. Ей хотелось увидеть в них искренность или хотя бы то, что могло заинтересовать её, она смотрела на него, а видела своего Ванечку, – лучше, чем ты, любимый, нет на всем свете! – думала она.

– Мария, ты слышишь меня?

– Да, слышу.

– Выходи за меня, Мария! Квартира у меня есть, правда еще не обставлена, но не беда, обставим, все у нас будет!

Она многозначительно посмотрела на него, а он ждал ответ.

– Я подумаю, товарищ полевод, а сейчас, мне пора! – она резко повернулась и пошла к своему трактору. Через мгновение остановилась и громко крикнула: – Спасибо за карточки!

Глава 18. Вор – неудачник

У нее не было секретов от подруг, так же, как и у них от нее, и то, что сказал ей полевод, она поделилась с ними.

– Ну, что, девушки, как вы считаете, соглашаться мне выйти за полевода, или нет? Он сделал мне предложение, – обычным тоном сказала она.

– Как это сделал предложение? – вырвалось у Шурки «Мосол», он живет с моей сестрой!

– Живет, еще не значит, женился, она сама к нему на шею вешается!

– А ты, Мархутка, все обо всех знаешь! – возмутилась Шурка.

– Да все в деревне знают, как она бражку ставит и самогон гонит! А мужику, что надо? Полеводу с ней, как у Христа за пазухой! Отъелся за чужой счет, ажно лоснится! Странно, нигде не работает, а продуктов у нее как на складе! А мы с вами сутками пашем и куска хлеба не имеем!

– Ха, зачем ей работать? – отозвалась Настя, – она не дура, знает, кого угощать самогоном!

Шурка «мосол» прищурила глаза и холодно окинула ее взглядом.

– Насть, ты говори да не заговаривайся, за такое и нас вместе с тобой посадят! – сказала Мария.

– Чего мне бояться? Мой брат Иван сам к ней ходит, и дома все о ней рассказывает, кто, как, и зачем к ней приходят. Она никем не брезгует!

– Да ты, что, Настя! Неужели и «горбун» с ней? – удивилась Нюрка.

– А, он и сам не скрывает, что спит с нею и говорит, что Полька им очень довольна!

– Вот вам и «горбун»! – расхохоталась Мархутка, – ты, Настя, не обижайся, что мы его так называем!

– Не обижаюсь я, мне самой, он противен, как Полька с ним?

– Интересно посмотреть на него голого! Говорят, он на своем торсе, удерживает хомут, – вполголоса проговорила Мархутка.

С минуту длилась пауза, каждая из девушек представила горбуна в своем свете, а затем разлился громкий девичий хохот.

– Чего не знаю, Мархутка, того не знаю! – сказала Настя, – я не видела его голым даже в детстве.

Успокоившись от смеха, Нюрка посочувствовала Насте.

– Тебе, Настя, с братом не повезло, мало того, что урод, еще и продажная шкура, потому его в деревне ненавидят! А мой брат... красивый, высокий и скромный, где он теперь, жив ли? Последнее письмо получили от него в сорок третьем году. Описывал, как немцы наших раненых солдат расстреливали, короче добивали! А брат мой догадался, положил сверху себя мертвого солдата, только это его спасло.

– Где же мой Ваня? – думала Мария, – что с ним, помнит ли еще меня?

– Ты что загрустила, Мария? – Нюрка обняла ее, – не грусти!

– Не грущу я, просто вспомнила своего Ваню. Помнишь, я показывала тебе его фотографию?

– Как же не помнить? Как сейчас вижу, красавец!

– Ты, Нюр, рассказала о своем брате, что весточку прислал, дал о себе знать, а я видно, никогда не узнаю! – на ее глаза накатили слезы.

– Кто знает, пути Господние неисповедимы, не грусти! – она посмотрела в ее влажные глаза, – ну это, Мария, лишнее, слезами горю не поможешь! Ты лучше скажи, что делать будем, ждать, когда подвезут пшеницу, или домой отпустишь?

– Сегодня уже нет, может, к утру подвезут.

– Так что, можно домой сбегать? – Нюра умоляюще смотрела на подругу уставшими глазами.

– Нюрочка, я тоже очень хочу увидеть дочку, да и отец болен, маме с ними тяжело, а я ничем помочь не могу!

– Мария, не хочешь ли ты сказать, что мы будем всю ночь ждать зерно?

– Нюр, а трактора на кого оставим? Без сторожа нельзя! Трактористы с других отделений разберут их по частям или вовсе, перегонят на свои поля, докажи тогда, что это наш трактор! Давайте решим, кто останется, – она обвела взглядом мазутные лица девушек.

Девушки отвернулись от неё, смотрели в сторону деревни.

– Понятно, все хотим домой, – спокойно сказала она, – и мне тоже хочется на дочку взглянуть, но без присмотра оставить трактора нельзя!

Девушки промолчали, переглядываясь друг на друга.

– Вижу, ни у кого нет желания остаться!.. Ну, что же, тогда остаюсь я! Нюр, ты, пожалуйста, зайди ко мне домой, узнай, как отец, дочку нашу поцелуй, и отнеси ей гостинчик! – она достала из кармана пиджака не большой узелок, – здесь не много жареной пшеницы, угости её.

– Хорошо, подруга, зайду, все узнаю и родителям расскажу о тебе и гостинец дочке отдам!

Шурка «мосол» подошла к Марии, и как-то странно посмотрела на нее.

– Шур, ты хочешь остаться вместо меня или со мной?

– Нет, я просто хотела спросить, ты правда не пойдешь домой?

– Правда, но я не останусь до утра, как стемнеет, уйду домой.

– И правильно! Оставаться одной в поле нельзя, могут и волки напасть!

– Все может, быть! Но я же сказала, не останусь до утра!

Шурка улыбнулась, и ее большие черные глаза заметно заблестели. Она стянула со своей головы платок и странно завертела косматой черноволосой головой, будто что-то искала.

– Иди уже, Шур, или все-таки, ты хочешь остаться за меня?

– Нет, нет, что ты? Я уже ушла!

Мария проводила ее взглядом. – Что с ней сегодня? – оставшись одна, она поставила все трактора в ряд на расстоянии друг от друга менее чем на метр. Свой трактор поставила посередине, с той позиции все трактора хорошо просматривались. Поднявшись в кабину, она посмотрела по сторонам и только сейчас заметила, со всех сторон поля, редкой зеленой стеной его окружали невысокие деревья.

Свернувшись калачиком на сидении, она накрылась стареньким одеялом и вскоре стала дремать, но ее тревожило неприятное предчувствие. Несколько раз она выходила из трактора, ходила вокруг всех тракторов, прислушивалась, вглядывалась в темноту теплой ночи. Все было тихо. Усталость валила её с ног. Расстелив фуфайку между двумя крайними тракторами, она прилегла и сразу же заснула. Сон был неглубоким и тревожным. Она часто просыпалась и прислушивалась, не крадется ли к ней зверь, но все было тихо, только где-то вдали, был слышен лай собак. Она снова погрузилась в сон, но через короткое время ее разбудил лязг железа с наружной стороны трактора, у которого она лежала. Приподнявшись на локте, прислушалась, – может, показалось! – но лязг повторился и почти рядом. Она

открыла глаза, было невероятно темно, ее охватил страх, стук своего сердца она слышала в своем горле. Машинально нащупала рукоятку, которую приготовила на всякий случай и крепко сжала её в руке.

– Кто бы это мог быть? Ну, лишь бы не волк, – но снова услышала тот же звук.

– Нет, на зверя не похоже, кто-то разбирают трактор. Если не помешать вору, он заберет все болты и гайки и что тогда? А этого допустить нельзя, иначе, зачем я здесь?

Крадучись, как кошка, она обошла трактор.

– Главное не спугнуть, застать врасплох вора, не дать ему опомниться! – думала она.

Вглядываясь в кромешную темноту, она увидела силуэт крупного мужчины.

Он поднял боковую крышку трактора, изредка включал фонарик, затем отвинчивал гайки, болты и складывал в сумку.

Мария бесшумно подошла к нему и встала за его спиной. Сердце ее колотилось, но это ее не остановило, она была готова к обороне и нападению. Дождавшись момента, когда он нагнулся, она тихо спросила: – Кому не спится в ночь глухую?

От неожиданности мужчина вздрогнул и повернул голову в ее сторону. Из-за темной ночи, он не мог различить, кто стоит за его спиной. Но, судя по голосу, понял, это женщина, что его успокоило.

– Я работаю, а ты, что бродишь по ночам? – кокетливо спросил он.

– Да вот увидела, горит фонарик, я и прилетела как мотылек на свет!

– Ты, девонька, шла бы, куда шла, а то мало ли что может, случиться!

– А, что может, случиться? Зверей здесь нет, слава Богу, а вы не обидите! Правда, же?

– Некогда мне с тобой разговоры разговаривать, не видишь, я работаю? – сам продолжает откручивать запчасти.

Мария удивилась, как быстро у него получается, еще несколько минут и от трактора останется скелет!

– Всё, хватит откручивать! – спокойно сказала она, – это мой трактор!

Вор с полминуты стоял, не разгибаясь, продолжал медленно откручивать болт, а сам думал: – Как избавиться от неожиданного свидетеля? – он опустил руку в сумку, нащупал большого размера ключ, резко поднялся и замахнулся на неё.

Она ждала его нападения, и опередила его удар. Размахнулась, и сколько было в ней силы, рукояткой ударила по его голове.

От неожиданности и сильного удара, мужчина вскрикнул и повалился на гусеничное колесо трактора. Марии показалось, он был без сознания. Она быстро связала ему за спиной руки бельевым шнуром, который постоянно лежал в кармане ее пиджака. После пощупала на его руке пульс.

– Ты живой?

Вор дышал, но молчал.

– Ну, отдыхай пока до утра! И мне тоже надо немного вздремнуть! – по-матерински сказала она.

От перенапряжения она не могла успокоиться, и пропал сон. Ее мучила мысль: – Как он мог узнать, что все ушли по домам, и трактора не будут охраняться? На кого думать? Девчата ее верные, не скажут. Ну, кто-то же предупредил вора! Кто бы ни сказал, ничего у них не получилось! – успокоила она себя.

Она залезла в кабину разобранного трактора, внутри ее тела колотила дрожь, она натянула на голову фуфайку, а сверху укрылась одеялом, но чувство холода не покидало ее.

– Ничего, – успокаивала она себя, – сейчас немного вздремну, и все пройдет! – Но мгновенно в ее голове промелькнула мысль: – Если усну, вор оклемается и уйдет! Надо ему связать ноги, под сидением в ящике должен лежать шнур, – она вытащила его, перепрыгнула через несчастного, задев его ногой, он простонал.

– Прости, так темно! – сказала она и крепко связала его ноги.

– Вот так-то лучше! Теперь не убежишь, и мне будет веселее, все-таки какой никакой, а мужик! Не обижайся на меня, сам виноват, не надо было на меня заманиваться!

Убедившись, что вор не сбежит, она снова перелезла через него в кабину, легла на сидение и, свернувшись калачиком, крепко заснула. Очнулась, когда забрезжил ранний рассвет и низкорослые деревья вокруг внезапно стали различимы; сине-черные краски неба переходили в бледно-синие.

Послышался скрип колес старой телеги, она открыла глаза, приподнялась на локте, повернув голову в сторону ночного гостя, ее охватил ужас, его там не было.

– Сбежал, зараза, и унес запчасти! – она вскочила и спрыгнула с трактора. – Что теперь будет? Меня посадят за эти болты! – запаниковала она. – Где теперь искать его? Ой, мамочка, что же я наделала? – она села у колеса трактора и тихо заплакала.

– Как я могла понадеяться, что он не уйдет?.. – затем взяла себя в руки, – что теперь реветь? Ревти не реви ничего уже не изменить! – она вытерла слезы и повернула голову к передней части колеса и не сразу поняла, что рядом с ней за гусеничным колесом стояла сумка. Она подтащила её к себе, раскрыла, все запчасти были на месте.

Запрокинув голову к безоблачному небу, радостно произнесла: – Слаба Богу! А где же этот паразит? Неужели смог развязаться? Тогда почему сумку не забрал? – она прищурила глаза и посмотрела по сторонам. В нескольких метрах от трактора она заметила возвышающуюся фигуру человека. – Ага, вот ты где, паразит! – она подошла к нему, перед ней лежал, мужчина крупного телосложения и почти двухметрового роста. От изумления, её глаза расширились, ничего подобного ей не приходилось видеть.

Его лицо было синим и распухшим, оно казалось без носа и только лишь ноздри выдавали его присутствие. Вместо глаз узкие щели, а под ними расплывчатые багровые пятна.

После краткой паузы она спросила: – Ты кто?

Мужчина приоткрыл затекшие глаза, – никто, – еле слышно ответил он, а после грубо спросил:

– А ты та, стерва, что ударила меня?

– Да, я! А что, по-твоему, я должна была ждать, когда ты ударишь меня? Скажи спасибо, что ударила только один раз и не со всей силы, а иначе могла бы и убить!

Мужчина посмотрел на нее налитыми кровью глазами, – развяжи меня, затекло все! – с болью в голосе произнес он.

– Не могу, начальство едет, встречать, пойду! – серьезно сказала она и отошла от него несколько шагов.

– Сука, ты еще попадешь мне! – выкрикнул он.

Она приостановилась, подошла к нему, прищурив глаза, громко сказала: – Попадусь, может, только не советую искать встречи со мной, в другой раз не пожалую!

Поправив на своей голове берет, она поспешила навстречу к извозчику, а следом за ним подъехал полевод.

– Здравствуй, Мария! – широко улыбаясь, сказал он.

– Здравствуйте, Михаил Михайлович!

– Девчата все в сборе?

– Пока нет, но должны уже подойти, – монотонно ответила она.

– А ты, что так рано пришла? – он посмотрел на нее улыбающимися глазами. –

«– Устало выглядишь».

Она дернула плечами, – я не уходила с поля, караулила наши трактора!

– Да, что их караулить, кому они нужны? – усмехнулся он.

Мария улыбнулась краешком прелестных губ и промолчала.

– Ну, вот и девчонки идут!

Она сделала шаг им навстречу, но Михаил остановил ее, взял за руку.

– Мария, ты подумала над моим предложением?

– Нет, товарищ полевод, не успела! Но я подумаю!

Еще издали Мария заметила, как посвежели ее девчата, намыты, расчесаны, в чистых одеждах и с сияющим блеском в глазах. Всего несколько часов общения с родными сделали их счастливыми.

Она с облегчением вздохнула и пошла к ним навстречу.

Настя с Мархуткой раскинули руки в стороны и обхватили Марию в объятия, – как мы соскучились по тебе, Мария!

– И я скучала! – она ласково посмотрела на них, – какие вы красивые, будто только из салона красоты!

– А то! – воскликнула Настя, – мы с Мархуткой всю ночь откисали в бане!

– Не то слово откисали, чем только мы не мазались! – продолжила Мархутка и что-то шепнула ей на ушко. Сейчас же разлился громкий смех.

Шурка «мосол» стояла рядом, но не смеялась, её мысли были заняты чем-то другим. После, как смех прекратился, она взяла за руку Марии, – как ты провела ночь, не страшно было?

Мария дернула плечами, – некогда было бояться! – глаза её засветились горящим угольком, – ночь была бурная и незабываемая!

Все подумали о романе с Михаилом, улыбались и смотрели на полевода, он в недоумении смотрел на Марию.

– Нам расскажешь? – спросила Шурка, не скрывая любопытства.

– Не только расскажу, но и покажу! Хотите прямо сейчас?

Она сняла с себя мазутный пиджак и бросила в свой трактор. Блузка в ярко-цветную клеточку обтягивала ее выточенную фигуру. Стянув, с головы берет, ее волнистые светло-русые волосы беспорядочно рассыпались по узким плечам.

Михаил расширил глаза, он и подумать не мог о том, что скрывается под мазутным пиджаком Марии.

– Ну, так что, девушки, идемте, покажу, с кем я ночь провела!

– Не надо, Мария, разыгрывать, говори, что делать? – отозвалась Мархутка.

– А делать ничего не надо, хочу познакомить вас с молодым и красивым мужчиной! Он там вас дожидается, желает с каждой из вас познакомиться персонально! Я уже познакомилась, но подумала, он больше подойдет Мархутке, – она взглянула на неё и загадочно улыбнулась.

– Как всегда не мне! – пошутила Настя, – и почему всё Мархутке?

– Не спорьте, девушки, сейчас сами узнаете почему! – теперь уже всерьез сказала Мария.

До последнего девчата думали, что Мария шутит, но когда увидели мужчину с заплаканными глазами, опухшим лицом и запекшей кровью, они в раз выкрикнули: – Что с ним и кто это?

Шурка «мосол» закрыла рот рукой и отошла в сторону.

– Вот, Мархуточка, ты пожалела его, а он разобрал твой трактор!

Мархутка приоткрыла свои губы, в её голубых глазах было недоумение, а потом появились слезы. На какое-то мгновение у неё пропал дар речи, она то раскрывала рот, то закрывала. Наконец, мозг ее заработал, и она набросилась на вора.

– Ах ты, гнида жирная, я тебе сейчас покажу, – она схватила его за волосы, ударила головой о землю и потянула в сторону.

– Куда ты тащишь его, кто будет тебе собирать трактор? Он видно хороший специалист, за десять минут от трактора ничего не осталось!

Мария с презрением посмотрела на вора, – давай уж развяжу, Идол! – она сняла с него веревки, – тащите его к трактору, да держите покрепче, чтобы не удрал, пусть поставит на место все запчасти и уходит!

Девушки подхватили его под руки, доволокли до трактора.

Шурка «мосол» оставалась в стороне.

Мархутка на всякий случай взяла рукоятку, встала рядом с ним.

От перенапряжения, ноги его подкашивались, кисти рук затекли, голова раскалывалась от боли.

Полевод наблюдал за происходящим, не переставая удивляться смелости Марии.

Шурка «мосол» молчала и была грустной.

– А ты, что загрустила, Шура? Твой конь в порядке!

– Я, и не грущу! Я о тебе думаю, ты же сказала, не будешь сторожить, а сама осталась, а если бы, он убил тебя?

– Но, не убил же! Получил хороший урок, ворюга, на всю жизнь запомнит нашу встречу, так, что все хорошо, подруга! Только вот, одно меня волнует, откуда он узнал, что нас не будет на поле? – она бросила свой взор на Шурку, – я все равно вычислю эту утку! – решительно сказала она.

Шурка не выдержала ее пронизательный взгляд и запрокинула голову вверх.

Мархутка презренно следила за руками вора, как он через силу доставал из сумки запчасти, и складывал на гусеничное колесо. Как человека ей было жалко его, но вся жалость пропала, когда представила себя за тюремной решеткой.

– Шевелись, шевелись, ворюга, разобрал, поди, за пять минут!.. – Через мгновение продолжила. – Вот как тебе не стыдно, а? И почему, ты такой здоровый, молодой и не на войне? Скажи честно, почему?

**Вор скрепя зубами изредка поглядывал на нее недобрым взглядом и мягко сто-
нал.**

Мархутка посмотрела на профиль его распухшего лица и, только сейчас заметила, переносица его толстого носа проломлена, а в широких ноздрях запеклась кровь.

– Что шкуру свою спасаешь?.. Конечно, куда безопаснее воровать, чем бить фашистов. Давай, шевелись, ворюга! ... – она снова сделала небольшую паузу... – когда разобрал трактор, думал, у кого ворует? Меня бы в тюрьму посадили!

Она так на него обозлилась и даже замахнулась, ударить.

Он уклонился, – не ори, я уже собрал! – надломленным голосом сказал он. Отходя от трактора, он зло посмотрел на Марию и сразу же подошел к Михаилу и Шурке «мосол».

Судя по их возбужденным эмоциям, они были знакомы.

Михаил обвел взглядом лицо вора и что-то сказал.

Вор резко обернулся на Марию и как пёс зло оскалил зубы.

Мария вздернула кверху бровь и презренно усмехнулась.

Шура посмотрела на нее и виновато опустила глаза, бледное треугольное ее лицо приобрело багровый цвет.

– Откуда ты знаешь этого мужика? – спросила Мария, когда она подошла к ней. – И о чем вы говорили с ним?

– С чего ты взяла, что я знаю его?

– А, что говорил ему полевод?

– Ничего, посочувствовал, как ты его изуродовала!

– «– Ничего, Бог шельму метит, когда-нибудь все равно вылезет наружу», – сказала Мария, бросив на Шурку подозрительный взгляд.

Извозчик загрузил сеялки пшеницей и повернул лошадей в обратную сторону. Вор уехал с ним.

– Не знаю, как тебя отблагодарить, меня посадили бы, точно посадили! – обнимая Марию, сказала Мархутка.

– Не надо никакой благодарности, я тоже в ответе, не только за трактора, но и за вас! С меня бы, как с бригадира спросили первой!

– Страшно тебе, было?

– Не знаю, мне кажется все, что произошло не со мной! ... А вот и Нюра пришла!

– Здравствуйте, мои дорогие подруги! – радостно произнесла она.

Мария раскинула руки, обняла её, заглядывая в карие глаза.

– Ну, что, подруга моя золотая! – заговорила Нюрка, – была я у твоих родителей и всё сказала, о чем ты просила и узелок отдала! Но не могу тебя обрадовать. Отцу твоему стало еще хуже, дочка здоровенькая, но худышка, а похожа на тебя!

Мария тяжело вздохнула, с ее серо-зеленых глаз скатились слезинки.

– С чего, Нюр, ей не быть худышкой? Вместе с взрослыми голодает!

– Время такое, Мария, – с горечью сказала Нюрка.

– Да уж, это время!.. Переживем мы его или нет?

– Переживем, подруга, переживем!...

Глава 19. Мой ответ нет

Михаил ждал Марию у трактора, – ему казалось, она избегает его, но он должен переговорить с ней и спросить ответ, на своё предложение.

– Ну, вот, наконец, то! – сказал он, когда она отошла от Ньюрки. – А – я уж думал, не дождусь! – он сделал несколько шагов ей навстречу.

– Зачем я тебе понадобилась, товарищ полевод? – холодно спросила она.

– Мария, я восхищен твоей смелостью! Никому бы не поверил, что такая нежная, хрупкая девушка, справилась с верзилой!

– Это случилось совершенно случайно! – спокойно сказала она.

Он понял, не стоит продолжать разговор на эту тему, и приблизился к ней настолько близко, что она чувствовала на своем лице его теплое дыхание.

Ей стало неприятно, она резко оттолкнула его и отступила на шаг. В ее голове промелькнула мысль: «горбун» и Полька любовники, а Михаил, ласкает её тело, после такого уroda!

– Мария, я жду ответа на мое предложение! – напомнил он, – ты подумала?

– Да, товарищ полевод, подумала и мой ответ, нет! – дерзко ответила она, подняв красивый подбородок.

– Как нет?.. Мария, ты пошутила?

Она окинула его насмешливым взглядом, – не до шуток мне, Полька твоя, со свету меня сживет!

От неожиданности Михаил остолбенел, – откуда она знает про Польку? Может, Шура рассказала, но она не знает о нас! – подумал он. – Ах, вот оно, что? – он криво усмехнулся, – ты глубоко ошибаешься! Я квартировал у нее, и никакие отношения меня с ней не связывают, понимаешь?

– И понимать не хочу, ответ мой знаешь, а теперь, товарищ полевод, уходи, мне работать надо! – звучно сказала она и поднялась в кабину трактора.

– Мария! – крикнул он, но гул мотора заглушил его голос, а она, не посмотрела в его сторону.

Глава 20. Ни от кого не зависит

Посевные работы закончились, бригада Марии готовилась к уборочной страде.

Михаил переселился от Польки в квартиру, выделенную ему совхозом. Теперь он был уверен, что сможет, уговорить Марию выйти за него замуж. Без всяких причин стал заходить в механический цех, надеясь увидеть её. Он выжидал момент, чтобы подойти к ней, когда она будет одна, но ее постоянно окружали девушки, особенно Шурка «мосол» не отходила от нее ни на шаг.

Даже девушки стали возмущаться: – Шур, что ты трешься под ногами Марии, когда приезжает полевод?

– Вам то что? Где хочу, там и трусь!

– Да ты пасешь его, чтобы он к Марии не приблизился, – криво улыбаясь, сказала Настя.

– Еще чего? Нужен он мне!

Внезапно в проёме двери появилась Мария, она была в той же блузке в цветную клетку и зауженной темно-синей юбке, все это подчеркивало её статную фигуру.

Она взмахом своей точеной головы, поприветствовала механиков, и подошла к девушкам.

– Рада вас видеть, красавицы мои! О чем спор?

– Полевода не можем, поделить! – ехидно ответила Шурка и холодно посмотрела на Настю.

– О, как интересно! А почему без меня? – засмеялась Мария, повернув голову к двери.

– А вот и он собственной персоной!

Михаил подошел к девушкам и присел на свободное место рядом с Марией. – Ваш смех слышно за версту! Над чем смеемся, если не секрет?

– Тебе, товарищ полевод, не угодишь, плохо так, и плохо эдак! – съязвила Настя.

– Что вы, красавицы, такой заразительный смех приятно слышать!

– Это наша Мария так смеется! – озвучила Нюрка.

Михаил, как бы нечаянно обнял Марию за талию, и прижал к себе.

Она промолчала и не подала виду, будто ее обнял не он, а подруга.

– Я жду твоего ответа, Мария! – шепнул он ей на ухо.

– Я согласна! – незамедлительно ответила она.

– Он удивленно посмотрел на неё расширенными глазами, – я не ослышался? – почти не раскрывая губ, спросил он.

– Не ослышался, я согласна! – шепотом произнесла она.

Хотя чувств к нему, никаких не было, но согласилась, она понимала, что никогда никого не полюбит после своего Ванечки, и уже никогда не встретится с ним, и к тому же, ей надоело находиться под родительским присмотром, она давно мечтала жить без родителей и ни от кого не зависеть.

И как только она согласилась, Михаил в этот же вечер забрал её из родительского дома и привел в свою квартиру.

– Ну вот, Мария, теперь эта квартира твоя, будь в ней хозяйкой! – Он взял рукой за её плечо, повернул лицом к себе, наклонил голову и сильно надавил её губы своими, раскрыл рот, зубами и языком раздвинул её губы, она ощутила во рту его язык.

Отвратительно! – подумала она. Поцелуй Михаила показался ей мерзким, она резко оттолкнула его. – Не делай этого никогда! – и брезгливо вытерла губы рукой.

Михаил смутился, – прости, я так люблю тебя, что готов раствориться в тебе!

Она опустила ресницы, – мне не нравятся манеры твоих поцелуев!

Принято! – сказал он и улыбнулся.

Он бесконечно был счастлив, наконец, любимая женщина покорилась ему, а, что касается поцелуя, не беда! Он носил ее на руках, баловал подарками.

Жили они дружно, и как казалось Михаилу, она его обожает.

Глава 21. Наказать соперницу

Полька все это время жила в ожидании Михаила, но он, как стал жить с Марией, проходил мимо её дома. От обиды и ревности, она решила проучить Марию и немедленно отправилась к ней домой.

Мария часто вспоминала о времени, проведенном с любимым в Славгороде, вот и сейчас, она представила его лицо, нежную улыбку, его горячее прикосновение губ, и даже слышала его голос. – Где ты, Ванечка? – думала она.

И вдруг приятные воспоминания прервала внезапно распахнувшаяся в комнату дверь, а на пороге появилась крупная бесформенная фигура Польки. Широкие ноздри на носу расширились и с шумом вдыхали воздух, в прищуренных серых глазах горел злой огонек, смугло-желтое лицо приобрело мертвецкий цвет. Она была настроена по-бойцовски, и казалось, готовится к прыжку.

– Ты знала, что мы жили с Михаилом? – с визгом в голосе спросила она.

– Ну, что из того, что вы жили? Я не мужа увела от жены, а от такой же, как и я! И считаю, низко обсуждать ваши с ним отношения! Разбирайтесь с ним без меня!

– Ах ты, нищенка! Что ты из себя корчишь? – и тут же набросилась на неё с лезвием мужской бритвы. – Я изуродую твою смазливую морду!

Через мгновение, она уже пожалела об этом, когда оказалась на улице. Она сидела за порогом дома с раздвинутыми в стороны босыми ногами, а черные туфли на толстых высоких каблуках валялись подле. Напольная широкая из бордового кашемира юбка задралась далеко выше коленей, тонкие две косички, которые были уложены короной на голове, свалились и обрамляли её широкий лоб, и выглядела она, смешно и глупо.

От злобы Полька оскалила редкие зубы, чем напоминала злую собаку.

В следующий раз, Поля, приходи без бритвы или вовсе не приходи, мало ли, что может, случиться! – спокойно сказала Мария, в её голосе звучал смехок.

До Михаила дошли слухи о визите Польки к Марии, он был удивлен её спокойствию, – почему она ничего об этом не рассказала и не упрекнула? Интересно, что могла наговорить ей Полька? – думал он, но спросить об этом Марию боялся, зная ее характер, предпочел, лучше не поднимать эту тему.

Но Полька не собиралась уступать полевода, каждое утро встречала его, когда он проходил мимо её дома на работу, и приглашала позавтракать. – Миша, может, зайдешь, у меня первачок хороший!

– Спасибо, Поль, не хочу! – и, не останавливаясь, проходил мимо.

Каждый день она приносила в контору чиновникам изысканные обеды и самогон в надежде, что Михаил обратит на неё внимание, но он отказывался от угощения, уходил домой.

– Иди, иди к своей дворняжке! «Скоро ноги передвигать не будешь от голода», – с досадой говорила она ему в след, стараясь унизить в его глазах Марию.

И, что интересно, он ни разу не возразил ей, но однажды сказал: – Как бы ты не называла её, это ничего не изменит, я люблю её!.. И ходить за мной не надо, найди себе другого мужика!

– Нет, Миша, ты плохо знаешь меня! Я однолюбка и другой мне не нужен! – она приблизилась к нему, обвила руками его шею, – Миша, пойдем ко мне, неужели тебе было со мной хуже, чем с этой нищенкой?

Михаил с силой расцепил ее руки и на шаг отступил. – Поля, неужели у тебя нисколько нет самолюбия? Пойми, я не хочу тебя!

Она удивленно подняла свои тонкие брови, собрав в трубочку бледные губы, сделала краткую паузу и с упреком спросила: – Что же ты не говорил мне об этом, когда сытно ел и ложился со мной в одну постель?

Он громко гоготнул и со злостью произнес: – Не говорил потому, что ты должна была чувствовать, хотел я тебя, или просто пользовался!

Поля достала носовой платок и утерла нос, – я знала, что ты негодяй, но не до такой степени! Посмотрим, Миша, кто из нас был прав!

После этой встречи Поля прекратила свои преследования, но верила, он вернется.

Глава 22. На всё ради детей

Зимой умер муж Матрены, он лежал на досках у Святого угла и казался еще больше чем при жизни. Она подходила к нему, открывала глаза, прислушивалась, дышит или нет, держала у его носа зеркало, но то, что ей хотелось увидеть, на зеркале не было. Она и мысли не допускала, что он умер.

«– Он не может, умереть, он сильный, он справится!»! – сказала она.

Но смерти подвластны все.

С уходом мужа, Матрене стало жить тяжелее. При его жизни, он содержал всю семью. Приезжали к нему со всего района заказчики, он чинил обувь, плел лапти, шил сапоги на заказ, и платили ему продуктами. Теперь, помощи ждать не откуда, наступил бесконечный голод.

Никанор Сысоев, тоже похоронил свою жену и остался с тремя детьми, да еще и потерял работу. Все-таки «Горбун» смог, доказать начальству, что он, превысил свои полномочия. Хорошо, что еще не обложили штрафом, ни то, хоть в петлю головой.

Оставшись без работы, он потерял надежду на то, что сможет, уберечь от голода малолетних детей.

Старшая дочь Клавдия, работала на ферме дояркой, но ей не прокормить четверых человек. От постоянного недоедания, его малолетние дети, стали пухнуть.

«Горбун» тщетно следил за жизнью семьи Никанора и, как стервятник, выжидал свою добычу, не теряя надежды жениться на Клавдии.

– Послушай, дядь Никанор, – окликнул однажды его горбун.

Никанор оглянулся и зверским взглядом окинул урод. Ему не терпелось, схватить и придушить его и уже сделал к нему шаг.

Но горбун как, мяч отскочил от него, – не торопись, дядь, я тебе еще пригожусь! Я сделаю так, что тебя восстановят на работе, и ты спасешь своих детей!.. Но у меня есть условие! – Он криво улыбнулся, узкие бесцветные глаза прикрылись, с минуту он молчал. – Мое условие ты знаешь!

Никанор опустил голову, и казалось, он стал ниже ростом, затем запрокинул голову к небу и безмолвно спросил: – Господи, за что мне такое наказание? – его черные глаза наполнились слезами, крутая широкая борода и пухлые губы судорожно затряслись.

Горбун знал: – Никанору некуда отступать, он согласится, иначе, он уже набросился бы на него с кулаками.

– И где гарантия, что я снова буду работать на конюшне? – спросил Никанор после продолжительной паузы.

– Гарантия, это когда я стану твоим зятем! Ты не пожалеешь, у вас будет всё! Я помогу вам.

Никанор до боли сжал кулаки и заскрипел зубами, но другого выхода, он не видел и спросил: – И когда я смогу выйти на работу?

Горбун незамедлительно ответил: – сразу же после твоего согласия, завтра же и выйдешь! – тоном победителя ответил он.

Никанор с презрением обвел взглядом уродливого коротышку и подумал: – Такое ничтожество по ошибке зачатое, и будет мужем моей любимой дочери Клавдии! – он не торопился с ответом, язык его не поворачивался сказать уроду, что согласен пожертвовать молодостью и красотой дочери, ради спасения других детей.

– Ну, что дядь, по рукам? Будем считать, сделка состоялась! – сказал горбун, раздвинув мокрые губы большого рта.

Никанор, еле сдерживал рыдания, а горбун видел это и, ликуя, протянул свою пятерню с кривыми длинными пальцами.

Никанор, машинально подал свою огромную руку и не почувствовал, как захрустели пальцы на руке горбуна. Он заверещал и только тогда, Никанор пришел в себя, отпустил уродливую руку.

На следующее утро, Никанор с камнем в сердце рассказал дочери о своем решении: – Только так, Клавдия, мы спасем детей! Я снова буду работать на конюшне, мы опять заведем небольшое хозяйство! Сама знаешь, что у нас было, когда я там работал!.. А иначе нам всем смерть, – глотая слезы, проговорил он.

Сколько не упрашивала Клавдия отца, умоляла не отдавать ее этому чудищу, но Никанор, не хотел, менять своего решения. Мало того, он стал хвалить горбуна: – Он богатый, у него связи с начальством! Ты за ним будешь жить, как за каменной стеной!

Клавдия поняла, отца не переубедить, одно спасение от горбуна уйти из жизни, чем бросить свое тело, как кусок мяса кровожадному чудовищу. Как и положено смертницам, она помылась, надела чистую рубашку, помолилась перед образом Святой Богородицы и подошла к зеркалу. В нем она увидела кареглазую, красивую смуглянку с вздернутым носиком. Черные жгучие локоны змейкой рассыпались по ее узким плечам. Некоторое время она любовалась своим отражением. Разве могла, она подумать, что ее красота достанется горбуну? Ее очаровательные глаза наполнились слезами и на пушистых черных ресницах появились крупные росинки.

– «Вот и все, Клавдия, жизнь твоя сейчас оборвется», – сказала она своему отражению, и открыла ручку отцовской бритвы.

Внезапно дверь отворилась, она вздрогнула и коснулась рукой лезвия, в одно мгновение на полу оказалась лужа крови. В комнату зашел младший братик трех лет, увидев кровь, испуганно посмотрел на сестру. Его темно-карие глаза глубоко запали, а лицо пожелтело, как церковная свеча.

Клавдия зажала рану подолом своей рубашки и растерянно смотрела на брата.

– «– Клава, я хочу, есть», – сказал он ослабленным голосом, и со страхом смотрел на пятна крови.

Из глаз Клавдии полились слезы. Она отбросила от себя бритву, взяла его на руки, – прости меня, Коленька! Я сделаю все, чтобы вы всегда жили и были счастливы! Вы никогда больше не будете голодными! Идем, мой хороший, я накормлю вас с Раей.

Горбун, как и обещал Никанору, помог ему продвинуться по службе, он был назначен старшим конюхом, затем, заведующим продовольственным складом.

Клавдия, как только перешла в дом горбуна, надела на себя темный платок и никогда, не подходила к зеркалу.

Горбуна это мало волновало, он даже был рад, что красота Клавдии принадлежит только ему. Он стремился обзавестись детьми, его мечта была осуществлена, за пять лет совместной жизни, Клавдия родила ему двоих сыновей и дочь. И на этом, он останавливаться не думал.

Глава 23. Поплатилась здоровьем

Вот и пришла долгожданная весна. Из каждого дома выносили на просушку постели, стирали старые довоенные самотканые дорожки.

Мария тоже наводила в квартире порядок, повесила на окна занавески, набила свежей соломой в матрац и подумала: – Как было уютно спать на маминой перине! А может, мама отдаст ее мне? А, что схожу, попрошу! – не откладывая на потом, она пришла к Матрене. – Мам, ты дома? – ещё с порога спросила она, но ей никто не ответил. – Странно, и Тонечки нет! Ну, да ладно! – она подошла к кровати, потрогала перину, – как бы мне забрать тебя? – и вдруг ей пришло в голову спрятать её в избе и понаблюдать, как мать отреагирует на ее исчезновение.

Матрена сразу увидела, пустую кровать, и подумала: – Это дело рук Марии! – и сразу же пришла к ней, – Мань, ты забрала перину?

– Нет, мам, я не брала, ты же видишь, у меня матрац набит соломой! – спокойно ответила она.

Матрену трудно было обмануть, конечно, она не поверила, а подумала, что дочь дурачит её и решила обратиться за помощью к своему младшему брату Ивану, он вернулся с фронта без ранений, жил с женой, но вел непристойный образ жизни.

– Ты что, Моть, пришла, у тебя что-то случилось?

– Случилось! Нужна твоя помощь, помоги мне забрать перину у Мани! Правда, у неё её нет, видно она спрятала где-то, а нам с детишками спать не на чем! Вот ведь голова пустая, у кого берет?

Он пожал плечами, – а чем я-то могу помочь?

Матрена тут же придумала, – она придет, когда меня не будет дома, мы проследим за ней и силой заставим вернуть!

Мария не отказалась от задуманного, проследила, когда мать скрылась за соседними домами, по-воровски зашла в избу, но не успела достать перину, как послышался разговор матери с дядей. От страха сердце её оказалось в горле, она почему-то с детства боялась матери. Но бежать было некуда, дядя и мать стояли у двери.

– Что попалась! Говори где перина? Не то хуже будет! – предупредила Матрена. Изумрудные ее глаза стали черными и злыми.

Мария молчала.

– Я спрашиваю тебя, где перина?

Марии стыдно было признаться, и решила молчать, – пусть будет что будет, не убьют же.

– Молчишь? Ну, молчи! « – Давай, Вань, бей ее по голове, чтобы сбить с ног, а после я помогу тебе, иначе нам не справиться с ней!»

Мария не поверила, что ее мать может, так поступить с ней, но, это произошло. Дядя ударил её палкой по голове. Она не ожидала сильного удара и рухнула на пол. Брат с сестрой навалились на нее, связали руки и ноги, а после стали избивать.

– Признавайся, где перина, или сдохнешь! – кричала Матрена.

Мария молчала, только после каждого удара по телу, из ее груди вырывался стон. От ударов ее платье разорвалось, и через него просачивалась кровь, светлорусые волосы прилипли к ее спине, груди и лицу. Она лежала уже без движения, и не ощущала боли.

Тоня в это время была в огороде недалеко от окна избы, до нее долетели крики и громкие угрожающиеся слова матери: – Ты скажешь, тварь, где перина? Или мы закопаем тебя!

Она вспомнила рассказ матери: – «Дедушку закапали в яму потому, что он не слушался». – Ее охватило чувство страха, она подбежала к окну, оно было низким наравне с землей и без одного стекла. Она легла и просунула в него свою голову. От того, что предстало перед её глазами, вызвало у неё истерический крик: – Не бейте Маню! Не бейте! – но никто не слышал её прерывистого голоса.

– Ты скажешь, где перина? – кричала Матрена.

Мария молчала.

Тоня знала об этом, но по просьбе Марии, не рассказала матери, а когда поняла, за что её бьют, выкрикнула: – Да вон ваша перина!

Матрена повернула голову к окну, на её смотрели испуганные глаза Тони. Несколько секунд она была в оцепенении, затем осипшим голосом спросила, – где?

– За печкой лежит! – выкрикнула Тоня и виновато посмотрела на Марию, потому что выдала её тайну.

Матрена сразу же кинулась за печку, вытащила свою пропажу и бросила на кровать.

– Все, Вань, хватит, перина нашлась! – тяжело дыша, сказала она.

А он не мог остановиться, продолжал махать палкой и наносить удары.

– Всё, всё, Вань, бросай! – она встала перед ним, предотвращая очередной удар.

– Ну, слава Богу, все на месте! – обрадовавшись, она сразу же распустила перину на своей деревянной кровати. – Ты, что сама не могла сказать? – набросилась она на дочь, – безмозглая, мы могли бы убить тебя!

– У вас это получилось! – через стон прошептала Мария.

Дядя бросил к печке окровавленную палку, отошел в сторону и окинул Марию своим звериным взглядом. Он похож был на приведение, светлые его глаза налились кровью, а лицо стало мертвецки бледным с желтым оттенком, желтые зубы отступкивали мелкую дробь, а узкий подбородок дрожал.

Мария от боли криво улыбнулась. – А ты слабак, дядя, даже с женщиной не можешь, справиться!.. А долг мой, я тебе верну, как только представится возможность, не забывай об этом!

Дядя посмотрел на свои окровавленные руки. – Моть, слей мне воды.

Она поднесла ему чашку с водой, он смыл кровь и заторопился уходить. – Ну, я пошел, Моть, если, что надо будет, зови!

– Спасибо, Вань, позову, если что! – она была рада, что пропажа нашлась, ласково погладила рукой перину, и вышла из избы, оставив одну, до полусмерти избитую дочь со связанными руками.

Мария оставалась неподвижно лежать на окровавленном полу.

Тоня подбежала к ней, присела на корточки, лицо ее было бледным и перепуганным.

– Тоня, зачем ты рассказала, где перина?

Она виновато смотрела на Марию и часто моргала серо-зелеными глазками.

– Ничего, Тоня, все нормально, ты только принеси нож, мы с тобой разрежем веревки.

Она принесла нож и стала пилить веревку на руках, завязанной за спиной.

Освободив руки, Мария не сразу вернула их в нормальное положение. – Спасибо, Тонечка, ты очень помогла мне, молодец! А теперь, сбегай к дяде Мише, скажи, что я его зову.

Тоня выбежала в сенцы, ее остановила Матрена, – ты куда? – строго спросила она.

– К дяде Мише! – потупив испуганные глаза, ответила она.

– А к «Мытору»?

Не знала Тоня, кто такой мытор и промолчала.

– Ну, иди-иди! – недовольно сказала мать и вслед за ней вышла на улицу.

Михаил почти влетел в комнату, а когда увидел Марию на полу в разорванном платье и с кровавыми подтеками по телу, его охватил ужас.

Ее светло-русые волосы были буро-красного цвета и беспорядочно прилипли к спине и груди, чуть выше виска просачивалась кровь.

– Кто это сделал? – выкрикнул он.

Мария прикрыла пушистые ресницы, она с трудом сдерживала себя чтобы не расплакаться.

– Это мама и дядя Ваня! – сказала за неё Тоня. – Они связали ее веревками и били толстыми палками! – Она подбежала к печи, взяла палку, – вот, видишь, на ней кровь моей Мани! – голос её прервался, уткнувшись курчавой головой в свои худенькие колени, сквозь слезы сказала: – Я просила их не бить Маню, но они не слушали меня!

– Не плачь, Тонечка, мне нисколько не больно! – успокаивала ее Мария.

– За что, они побили твою Маню? – спросил Михаил, он тяжело дышал, грудь его вздымалась.

– За перину, потому что она потерялась, а она не потерялась, а была за печкой! – через слезы произнесла она, не поднимая головы.

– Изверги! – возмутился Михаил, – сейчас, Мария, я отвезу тебя в больницу и вызову участкового!

– Нет, Миша, никого не надо! Мать я прощаю, а дядя... она сделала паузу, – я сама разберусь, не будем торопить события.

Михаил на руках отнес Марию домой, обработал раны и уложил в постель.

У нее болело все тело. Тошнота и головные боли не проходили. Она очень страдала, и ей было не до Михаила.

Болезнь Марии не могла не отразиться на нем, он был очень подавленным и безразличным ко всему.

Глава 24. Зашел на минутку

Утром следующего дня проходя мимо Полькиного дома, услышал её голос: – Здравствуй, Михаил! Что ты, как в воду опущенный, никого не замечаешь, случилось что?

– Ничего не случилось, – не глядя в ее сторону, потухшим голосом ответил он.

– Ох, не ври мне! Все говорят, что твою нищенку чуть не убили! А ты хочешь скрыть? Меня не проведешь! Может, зайдешь ко мне на минутку по старой дружбе?

– Зайду, Польш! – неуверенно пообещал он.

Страдания Марии очень повлияли на его настроение, и ему необходимо было заглушить душевную боль, а расслабиться, он мог только у Польки. Ему не хотелось встречаться с ней, потому что знал, к чему эта встреча приведет, и, тем не менее, не удержался.

Увидев его в проеме двери, Польшка подбежала к нему и обвила руками его шею.

– Я знала, что ты придешь! – и попыталась поцеловать его.

Он неловко уклонился, – не надо, Польш.

– Ну, ладно! – согласилась она, – проходи, – взяв его за локоть, проводила в комнату, – присаживайся, – она жестом руки показала на стол, заставленный изысканными закусками.

– Ты ждешь гостей?

– Кого ждала, тот пришел! Тебя, Миша я ждала и чувствовала, что ты придешь! – она налила ему полный стакан самогону, – а теперь выпей!

Он поднял стакан и, не глядя на нее, произнес тост, – за тебя, Польш, – сделав глубокий вдох, опустошил его.

От радости, Польшка была готова, поставить ему целую бутылку.

Второй стакан, он тоже выпил сразу, и закусил малосоленым огурцом. Очень скоро почувствовал, как хмель прошел по всему телу и исчез ком в горле, а на душе стало легко.

Глядя на него, Польшка почувствовала, самое время приласкать его, переоделась в шелковый красный халат, расчесала темные жидкие волосы, две пряди забавно свисали с крутых плеч. Она присела ближе к нему, погладила его мягкие волосы, – ты очень изменился, Миша!

– Не изменился, Польш, а просто устал!

– Все будет хорошо! – она расстегнула ему ворот солдатской гимнастерки и стала осыпать поцелуями его шею, лицо и губы, с наслаждением вдыхая в себя исходящий от него хмельной запах. – Как я соскучилась по тебе, Миша, ты даже представить себе не можешь!

– Оставь эти разговоры, Польш! Я очень устал!

– Сейчас, Миша, ещё стаканчик бражки и от усталости ничего не останется! – она протянула ему наполненный стакан, – выпей и ложись, отдохни пару часиков, проснешься, как новенький!

Он отпил несколько глотков, поставил стакан, – Польш, мне надо идти и попытаться приподняться со стула, но тело его обмякло, он наклонился на стол и заснул.

Польшка удивленно собрала губы трубочкой, – из-за нескольких глотков свалился! Да, видно не сладко тебе живется с нищенкой!

Мария ждала Михаила всю ночь, она знала, что он у Польки, но чувства ревности не было, для нее большее была насмешка и предательство с его стороны, за что она никогда ему не простит. Она чувствовала себя разбитой и слабой, но ей непре-

менно хотелось выйти на улицу. При попытке встать с постели, у нее закружилась голова, появилась тошнота. – Господи, дай мне силы! – сказала она шепотом, – я должна, подняться назло всем моим врагам и стать прежней Марией! – Собрав все свои силы, терпение и желание подняться, она встала с кровати, держась за стены, вышла на улицу, села на скамью, прислонилась к стене дома, и закрыла глаза. В больной голове промелькнула вся короткая и несчастливая ее жизнь. – Ничего Мария, набирайся сил, а после разберемся! – мысленно говорила она себе.

Она не слышала, как подошел к ней Михаил.

Он приостановился и несколько минут любовался ее красотой. Она похожа была на светлое облако, волнистые волосы густыми прядями лежали на ее плечах, бледное лицо было спокойным, а черные пушистые ресницы закрывали синеву под ее глазами. Чтобы не испугнуть ее тихо спросил: – Ты, как сюда вышла, любимая?

Она открыла глаза, с безразличием посмотрела на него и через силу произнесла: – Шла, шла и вышла.

– И как давно ты вышла?

– С вечера еще, – холодно ответила она.

У Михаила сперло дыхание, – неужели, она догадалась, где я был? Моя шутница! – сказал он ласково, – любимая, идем в дом! – Он на руках занес ее в комнату, уложил в постель и попросил: – Ты, Мария, не выходи одна на улицу, можешь, упасть, удариться и еще хуже сделаешь!

– Миша, где ты ночевал? – спокойно спросила она.

Он сделал вид, что не услышал вопрос и промолчал.

– У кого ты спал, Михаил? – настойчиво переспросила она.

– В Камышенке у знакомого, ты его не знаешь!

– Ошибаешься, я знаю все!

Он поправлял ей подушку, и смотрел на неё.

Она поморщилась от боли.

– Потерпи, милая, с каждым днем тебе будет легче! – он видел, как она страдает, и не мог спокойно смотреть на ее бледное изможденное лицо, а, чтобы избавить себя от душевной боли, стал чаще заходить к Польке.

Глава 25. Жена мужу нужна здоровая

Мария лежала на кровати, отвернувшись лицом к стене. Внезапно дверь открылась, она осторожно повернулась, на пороге стояла высокая полная женщина. Черные волосы расчесаны на прямой рядок и толстая коса короной лежала вокруг ее головы. Смуглая кожа лица, румяные щеки и черные глаза придавали ей здоровье и свежесть, Мария узнала в ней жену дяди Вани.

– Как чувствуешь себя, Мария?

Она печально посмотрела на тетю и ничего не сказала, молчание было ей ответом.

– Ты, Мань, не подавай в суд на дядю, он не хотел бить тебя, это Матрена попросила его помочь! – она поджала свои тонкие розовые губы и на черных глазах появились слезы. – Это же надо так избить, на тебе места живого нет, сплошные подтеки! – с ее глаз скатились слезинки.

– Да я, как-то и не думала об этом, пусть живет на воле, спасибо пусть говорит маме, что она надоумила его, связать меня веревками! А ему можете, передать, пусть помнит мое обещание! – она обратила свой взор на лицо тети, – мне жаль вас, тетя Катя. Как такая красавица, умница, вышла замуж за зверя? Он и ногтя вашего не стоит!

Тетя снова поджала губы, затем тяжело вздохнула, – знал бы, где упасть! А теперь трое ребятишек, одна из них калека, куда уж мне, кому я нужна?.. – наступила продолжительная пауза.

– А, что ты ему обещала, Мань?

– Он знает, и пусть не забывает, – уставшим голосом произнесла она.

Михаил каждый день заходил к Поле и отношения их возобновились. Верно, говорят:

– жена нужна мужу здоровая, а еще лучше, если бы она была и богатая!

Марии ни мало пришлось побороться с болезнью, и, наконец, спустя три месяца, она окончательно выздоровела, окрепла и вышла на работу. С работы всегда возвращалась поздно, а иногда и утром.

Михаила часто не было дома, ему уже вошло в привычку расслабляться и общаться с Полькой, и даже оставаться у нее на ночь. А то, что об этом знает Мария, ему и в голову не приходило, видно забыл, как охарактеризовал ее председатель и расслабился.

Встречаясь с ним дома, Мария ни о чем его не спрашивала, для этого у нее не было ни времени, ни желания.

Глава 26. Долги нужно отдавать

Проснувшись, Мария повернула голову к окну. – Денек сегодня будет теплым, на небе ни единого облачка. Хватит уж нежиться, вставай, Мария, и собирайся на работу, – сказала она себе и опустила ноги с кровати. Вдруг увидела, мимо окна пробежал сынишка тети Кати – Ванечка и буквально влетел в избу. Глазенки у него заплаканные и испуганные. Она вскочила к нему, обняла, – ты, что, малыш?

– Папа маму, там бьет! – заикаясь, еле выговорил он.

Мария давно была готова повидаться с дядей, и ждала этого случая, и этот случай подвернулся. Она натянула на себя черные брюки и свободную сиреневую блузку, на голову надела ажурный берет шарового цвета. – Ну, малыш, идем спасать твою маму! – Их дома стояли в двадцати метрах друг от друга. Еще на улице были слышны скверные слова дяди в адрес Екатерины. Марию охватил гнев и злость, – ублюдок! – вырвалось из её рта.

Распахнув перед собой дверь, она увидела лежавшую поперек кровати Екатерину, а на ней сидел дядя, оседлав её ногами, как коня, кулаками бил по лицу. Из ее носа струйкой стекала кровь, обе губы разбиты, а пряди её волос валялись на полу.

Через секунду Мария подобно прыжку пантеры накинулась на дядю, ухватила за ворот рубашки и солдатский ремень на его брюках, стащила на пол, приподняла его как полено, раскачала и отбросила в сторону двери. Он открыл её головой, громко гоготнул от боли и жалобно застонал.

– Что больно? – спросила Мария.

Он зло посмотрел на неё, – за что ты меня?

– А ты не знаешь?

Дядя изредка открывал глаза, они были злыми, как у разъяренного зверя, желваки его ходили в сопровождении скрипа зубов. Было очевидно, как он ненавидит племянницу и готов был разорвать ее, но знал, одному с ней не справиться.

– Давай, вставай, вояка, нечего на проходе лежать, – и больно пнула в его бок. – Дай пройду! – грубо сказала она.

Дядя не шелохнулся, оставался лежать на пороге.

Мария перешагнула его и вышла в коридор, – пусть отдыхает здесь, если что, тетя Катя, зовите! – сказала она точно так же, как сказал он матери, когда до полу-смерти избил ее.

Екатерина подошла к мужу, увидела на его лице кровь, испугалась, всплеснула руками, – ты не убила его, Мань?

– Не велика потеря, тетя Катя, была бы моя воля, и глазом не моргнула, убила бы, чтобы другим жить не мешал!

– Его поднять надо, Мань! – чуть не плача сказала тетя.

– Какие дуры бабы! Тетя Катя, вы на себя посмотрите, на кого вы похожи! У вас все лицо разбито, будете теперь, с синяками ходить, вам помощь нужна, а не ему!.. И вы хотите, чтобы я его поднимала?

– Помогите, Мань, нам его не поднять!

Мария с усмешкой посмотрела на тетю удивленными глазами, – пусть его черт поднимает! – она приподняла за волосы его голову, – ну ты, воин, вставай, пока на улице не оказался! – она схватила его за грудки и прислонила к стене.

Он вдруг, как ни в чем не бывало, открыл глаза, – ты, что мне угрожаешь?

– Нет, не угрожаю, а напоминаю, о своем долге! Ты забыл? – ее переполняло возбужденное негативное чувство к этому палачу, она схватила его за шиворот, доволокла до кровати, приподняла и, как чучело бросила на кровать, – ничтожество!

– И откуда в ней столько силы? – подумала Екатерина, – мужика бросает как палено, видно сила ей передалась от отца!

– Ну, что, тетя Катя, я пойду домой, а вы, если что зовите!

– Хорошо, Мария, спасибо!

Ей было жаль мужа, она гладила по его щеке и обтирала ему лицо от запекшей крови. Он знал, она сделает все, что он захочет. В этот раз ему захотелось поиздеваться над ней. Вдруг застонал и скатился с кровати на пол. Изобразил из себя больного, дыхание у него прекратилось, глаза закатил.

Екатерина не на шутку испугалась, пыталась, поднять его с полу и положить обратно, но он будто намыленный нарочно выскальзывал из ее рук.

– Ребятишки, – позвала она детей, – помогите отца поднять и положить на кровать!

Не успела Мария прийти в себя от встречи с дядей, как снова прибежал Ванечка.

– Что там у вас опять случилось? – ласково спросила она.

– Папа заболел, с кровати падает, мы его поднимем, а он снова падает! Мы не можем его поднять! – он закрыл лицо руками и громко заплакал.

– Ну и, что? Пусть спит на полу, проспится, сам встанет!

– Мама послала за тобой, чтобы ты пришла и помогла, поднять его. И еще, она сказала, ему нельзя лежать на холодном полу, у папы легкие больные!

Марию передернуло, – легкие у него больные! На голову, он больной! – лицо ее вспыхнуло от прилива эмоций, она готова была его придушить, – ну, идем, малыш, посмотрим, что опять ваш папа придумал!

– Мама сказала, у него голова болит и кружится, поэтому он падает, а мы не можем, его поднять!

– Ага, кружится у него голова! Как бы я хотела, чтобы она кружилась у него, как у меня! – подумала она. У нее все внутри перевернулось, когда увидела детей, они, надрываясь, поднимали на кровать пьяного отца, а на его желтом лице изредка появлялась слабая улыбка.

Екатерина обрадовалась приходу Марии, но попросила: – Мань, ты не бей его.

– Не бойся, тетя Катя, – усмехнулась она, – до смерти не убью! – Она встала у его изголовья, поставила обутую ногу ему на плечо и надавила.

Он открыл глаза, увидев племянницу, отвернулся.

– Что же ты, паразит, издеваешься над своими детьми? – звучным голосом спросила она, – может, помочь тебе встать, или сам встанешь?

– Я не нуждаюсь в помощи! – со злостью проговорил он, легко встал и лег на кровать.

Екатерина была в отрицательном шоке, – отец, да ты ни как претворялся? Да, как не стыдно тебе? Пусть я, в чем-то провинилась перед тобой, но дети причем?

– Хватит хрюкать! Мало получила, сейчас встану, добавлю! – угрожающе сказал он.

– Ну, давай, давай! – сдерживая эмоции, сказала Мария, – попробуй, встань, а мы все посмотрим, как ты головой будешь, открывать дверь!

– Что ты прицепилась ко мне?.. – выругался он, – думаешь, я боюсь тебя?

– Конечно, боишься, ты же трус! Ты можешь, бить только беззащитных женщин со связанными руками и ногами!

Перед глазами Марии предстал эпизод, как он безжалостно колотил ее палкой, ком горечи подкатил к ее горлу, в очаровательных глазах вспыхнул гнев. Она до боли сжала кулаки, ей очень хотелось приподнять его с кровати, бросить на пол и раздавить, как ядовитого паука.

Дядя успел посмотреть в ее глаза и понял: – Лучше вовремя залезть с головой под одеяло! – что незамедлительно было сделано.

Глава 27. Решила попутать

Первый раз за все время, Мария вернулась с работы домой намного раньше обычного.

– Ну, вот, – подумала она, – сегодня можно поговорить с Михаилом, если он дома. – Проходя мимо окон дома Шурки «мосол», до нее донеслись знакомые голоса и смех. В окне, сквозь задернутую занавеску, она увидела, как мелькнули силуэты Польки и Михаила. Она остановилась и, не раздумывая, поднялась на крыльцо. Дверь в дом была запертой на щеколду, такой затвор открыть труда не составит. В кармане ее пиджака, всегда лежала металлическая складная линейка, она достала ее, просунула в щель, приподняла щеколду и тихо опустила. Дверь со скрипом открылась, но из-за громкого веселья в доме, никто не услышал. Мария нервничала, сердце ее так и подмывало ворваться в комнату и устроить фейерверк. – Ничего, Мария, – успокаивала она себя, – не спеши, не было еще такого, чтобы кто-то ушел от возмездия! – Она зашла в сенцы, прислонилась к стене, затаившись, некоторое время стояла, затем сползла до пола. Села на корточки и случайно задела рукой по лезвию, – что это? – она ощупала предмет, – топор? Ну, надо же! – усмехнулась она, – как раз, кстати, но Бог видит, я не хотела этого! – В ее горячей голове промелькнула ужасная мысль, – убью кобеля! – У нее не было чувства ревности, потому что не было любви, её грызло унижение и подлое предательство, а этого, она никогда, никому не прощала.

Неожиданно из комнаты в сенцы открылась дверь, в ней тускло горела керосиновая лампа. И тот, кто вышел, загородил собой свет и сразу же закрыл. В темных сенцах невозможно было, разглядеть лица, а по высокой фигуре она приняла её за Михаила. Он поравнялся с ней, она замахнулась и ударила по голове, сразу же вскрикнул женский голос и человек упал.

Мария узнала голос Шурки, не выпуская топор из руки, наклонилась над ней, – Шур, ты что ли?

Шурка молчала.

На крик и возню в сенцах вышла Полька с фонариком в руке. Увидев сестру, лежавшую на полу, она подошла к ней, – Шур, тебе плохо? – и наклонилась к ней, – Шур, что случ... – Не договорив, увидела рядом Марию с топором в руке, от страха у Польки перехватило горло, она не смогла закричать, пытаясь, вернуться в комнату запнулась о Шуркины ноги, упала на пол и пыталась переползти через порог. Она была так напугана, что не чувствовала своего тела и не могла, сдвинуться с места. Наконец, у нее прорезался голос, она истерично закричала: – Миша, помоги, Миша-а-а!

Он выскочил на крик, – что случилось, Поль? Вот говорил не надо мешать самогон с бражкой! Так тебе надо было «Северное сияние»! А теперь на ногах не стоишь!

– Там, там нищенка твоя с топором! Шуру она уже зарубила! – испуганно выговорила она, – ты помоги мне подняться, Миша!

Михаил, не меньше испугался, когда услышал о Марии, он не стал, искушать судьбу, оставил женщин наедине с убийцей, в одно мгновение, разбил раму окна, и вместе с нею сиганул на улицу.

– Мишааа, помощиии! – кричала Поля. Но Миши будто и не было. Она поняла, что осталась одна с убийцей и убитой сестрой, и самой ей не подняться на ноги, с трудом перелезла через порог и по-пластунски поползла к окну, оставляя за собой мокрый и зловонный запах. Наконец, взобравшись на подоконник, вывалилась на улицу,

при этом ударилась очень больно о старую корягу, лежавшую под окном, которую сама же притащила для посиделок.

Мария едва сдерживала смех оттого, что видела и сожалела, что обозналась и злилась на себя и ругала Шурку. – Шура, ну, что ты все время топчешься у меня под ногами? И черт тебя вынес! Хорошо, что ударила не острием!

– Мария, ты с ума сошла? – наконец, заговорила она, – убить хотела человека, – пьяным языком, еле выговорила она.

– Какого человека, этого кобеля что ли? Нашла человека!

– Так ты не меня хотела, убить, а Михаила?

– Нужна ты мне? Конечно же, этого кобеля! Давай лучше, я помогу тебе встать, горе ты моё!

– Не надо мне помогать, я – и сама могу, а то подумаешь, что я того, пьяная!

– А как голова твоя не болит?

– А что ей болеть? Она у меня болит только с похмелья! Сейчас самогонщику добавлю, и голова будет как новенькая!

– Ну, тогда вставай!

– Шурка дотронулась до своей головы, – ой, а, здесь почему-то больно!

– Больно? А ну, дай, я пощупаю!

– Шурка нагнула голову, – вот около уха больно!

– Мария ощутила под своей рукой внушительного размера шишку, – надо же, – подумала она, – чуть не попала в висок! Прости, Шур, я не думала, что это будешь ты!

– Ничё, Мария, со мной все в порядке, до свадьбы заживет, не буду же я до старости холостая!

– Конечно, нет, твой принц уже в пути!

– Шурка хихикнула, – и я так думаю!

Мария довела ее до кровати, – ложись Шур, а я одеялом закрою тебе окно.

– Да пусть все останется так! Сейчас ночи теплые, – прожевала слова Шурка и широко раскрыв рот, зевнула.

– Ну, что же, Шура, тогда я пойду, а ты отдыхай и прости меня! – виноватым голосом сказала она.

– Куда ты пойдешь?

– Не волнуйся, к Польке не пойду, да мне, она и не нужна была. Я за кобелем приходила, и убивать его тоже не собиралась, твой топор случайно оказался рядом, и тогда я решила, попугать его! – она усмехнулась, – отрезать у него кое-что!

– Да ты, что, Мария, сдурела?

– Пошутила я, Шур, сто лет, он мне не нужен, а ведь, он в рубашке родился! Ничтожество, на фронте был ранен, выжил! А может, он и вовсе не был там, кто его проверял? Ангел хранитель у него хороший!.. – она сделала короткую паузу, после спокойно сказала: – Ты, Шур, передай ему: – пусть обходит меня десятой дорогой! Теперь, я буду его ангелом хранителем!

– Шурка рассмеялась, – ангел с косой! Откуда у тебя столько храбрости? – Все так же, пьяным ломаным языком, спросила она.

– Не знаю, Шур, учителя были хорошие!

Глава 28. Родилась во второй раз

Полька сидела на коряге, орала от боли и звала Михаила на помощь.

– Что ты, Поль, орешь на всю деревню? «Мария еще не ушла», – выходя из-за угла дома, шепотом проговорил он.

– Ногу я подвернула, сил нет терпеть! – задыхаясь от боли, выдавила она из себя, – помоги подняться!

Михаил приподнял ее, она полностью повисла на нем. Он рад бы, оставить ее на той коряге, да идти ему некуда. К Марии теперь путь заказан, кто знает, что у нее на уме, а к Польке, она точно не придет. Скрипя зубами, он дотащил ее домой. – Фу-у, наконец, то мы дома!.. – какая же ты тяжелая, Поль! – снимая насквозь мокрую гимнастерку, проговорил он.

– Спасибо тебе, Миша, без тебя бы я и шагу не сделала! Миша, закрой двери на два засова и палку занеси в дом, если эта сумасшедшая сунется, будет, чем защищаться!

– К тебе не сунется!.. Она не дура.

– Конечно, она умная дура, по-другому и не скажешь! Не каждый вот так просто пойдет убивать человека!.. Мы сегодня же, Миш, напишем заявление участковому о покушении на нашу жизнь!

– Не на нашу жизнь, а на жизнь твоей сестры! Пусть, она и пишет, – спокойно сказал он.

– А если, она уже мертва? Бедная моя сестра, погибла от руки нищенки! – запричитала Полька.

– Прекрати, причитать! – со злостью выкрикнул он. Его раздражал ее голос, и она сама, его смуглое лицо побагровело и приняло мрачный вид.

– Тебе ее жалко, да, Миш? – она пристально посмотрела на него прищуренными глазами, – жалко, я же вижу, слезы еле сдерживаешь!

– Поля, не доставай меня! – выходя из себя, выкрикнул он. В его черных глазах вспыхнул гнев.

– Тише ты, Миш! Кто-то стучит. Это она!

Они замерли и, затаив дыхание, глядели друг на друга.

– Миш, возьми палку, как войдет, бей сразу по голове!

За дверью на крыльце послышалась возня. Михаил не сводил глаз с окна, если это, Мария, ему нужно будет снова выбивать раму.

– Поль, открой, это я! – послышался голос Шурки.

– Миша, это сестра, открой ей дверь! Шура, слава Богу, она жива!

– До вас не достучишься, закрылись как в бронепоезде! – пробормотала она и, пошатываясь слегка, прошла к столу.

– Да эту ненормальную, боимся! – призналась Полька, – что у нее на уме? Только, одна она знает!

– Ну, как ты, сестра? Мы уж с Мишей думали, что ты мертва!

– Шурка громко расхохоталась, – здорово же нас Мария разогнала!.. А как хорошо сидели!

Полька впилась в нее прищуренными серыми глазами и со свистом шмыгнула толстым носом, – ничего смешного не вижу!

– Да всё, сестра, нормально! – она убрала с лица волосы за шею.

Михаилу бросилась в глаза ее треугольной формы голова и большие черные глаза. В чертах ее лица была заметна схожесть с мордой коня, он приоткрыл свои глаза, будто хотел лучше разглядеть.

– А мы с Мишей думали, что ты убита! – дрожащим голосом сказала Полька.

– Всё могло быть, сестра, но Мария не хотела убивать, она хотела поугаать Михаила!

– Я же говорил, что удар предназначался мне!.. Она сама тебе об этом сказала? – Не скрывая волнения, спросил он.

– Сама! Но вопрос как, хотела? – Шурка разлилась в звонком смехе. Успокоившись, спросила: – Поль, у вас еще осталась бражка? Хочу, выпить за свое воскресение!

– А может, тебе самогона, как дорогой гостье?

– Спрашиваешь, налей, конечно! Сегодня, можно сказать, мой день рождения! И вы, по гроб жизни, должны мне наливать! Я спасла вас и вашу неземную любовь!.. Почитай я сегодня родилась во второй раз! – она пьяно рассмеялась.

– Ой, Шура, а как я перепугалась, когда увидела ее с топором в руке, а тебя на полу! Что со мной было? Ты представить себе не можешь!

Шура громко рассмеялась, – не только представляю, но и слышу, запах ажно на улице слышно!

– А – я думал, откуда дерьмом несет? – брезгливо усмехнулся Михаил.

Полька смутилась и хотела пойти в сенцы, снять с себя вонючую одежду, но от боли в ноге выкрикнула: – Ой, черт, как больно!

– Ты что, сестра?

– Да ногу я ушибла, Шур, когда прыгала из окна, смотри, как посинела! – она опустила чулок, раскрыв ногу, – видишь, как разнесло!

– Да, сестра, не повезло тебе! – и ногу поломала и всю дорогу провоняла!.. отлились тебе слезки Марии! – со смехом проговорила она.

– Тебе смех, а мне не до смеха! На ногу не могу встать, наверное, перелом, а может, растяжение!.. сестра, ты напишешь заявление участковому, чтобы посадили в тюрьму эту убийцу?

Шурка сдвинула брови и сощурила черные глаза, – нет, не напишу, она подруга моя! Я и так виновата перед ней за трактор! Нет, не могу я писать на подругу, нет, нет и нет!

– Ну, что с того подруга? Не мать родная, а если бы она убила тебя, тогда что?

– Ну, не убила же, и тебе ничего не сделала! Все живы и здоровы!

Полька изумленно посмотрела на сестру, – видать Мария тебе память отшибла! Ты забыла, как она чуть было не убила нашего брата? Её тогда ещё надо было посадить!

– Поль, тогда бы посадили не Марию, а брата за воровство, ей спасибо, что не стала доносить начальству!

– Вот уж конечно, не ей спасибо! Это Михаилу, надо говорить спасибо, он уладил все дела!

Шурка удивленно посмотрела на Михаила и подумала:

– Неужели, он знал, что это я сказала брату, что трактора в бригаде Марии не будут охраняться? Если знал, тогда почему не рассказал ей? Ведь он любил ее!

Глава 29. Как защитить тебя

В эту ночь Мария не смогла заснуть, произошедшее с ней мелькало под её веками. – И зачем я туда зашла? – думала она, – завтра все будут знать, что я натворила!

Она хорошо понимала, что Польшка приложит максимум усилий, чтобы отомстить ей. – Ничего, Мария, бывает и хуже, и это, не конец! А этому паразиту не спрячется от меня и не скрыться, не в моих правилах прощать и не возвращать долги, вот только бы Шурка не написала заявление участковому.

А тем временем, пострадавшие сидели за столом, пили, ели и снова пили.

Шурка опустошила стакан с самогоном и, крикнув, поставила его на стол, – хороший самогон у тебя, сестра! – вытирая синюшные губы тыльной стороной руки.

– Мой самогон все хвалят! Может, еще налить?

– Нет, пока обожду, а хлеб у тебя есть?

– А как же? – Польшка достала из шкафа зарумяненную булку, отломив кусок и подала сестре. – Смотри, Шур, у меня до сих пор ещё руки трясутся!

Она краем глаз глянула на руки Польки, – ничего страшного, сестра, ты просто переволновалась!

– Ага, переволновалась, если бы ты знала, как я перепугалась! Как увидела, эту чокнутую с топором, а тебя, как мне показалось уже убитой, не помню, как выпрыгивала из окна. А тут еще ногу подвернула, хорошо Миша помог.

Шурка, глубоко икнула и отпила из стакана несколько глотков самогона, сделав глубокий выдох, прикрыла рот рукой. – Вот видишь, сестра, помог, а ты все жалуешься, что Миша не любит тебя!.. – После непродолжительной паузы, она придвинула свой стул к Михаилу и положила свои руки на его плечи, бессмысленно глядя в его черные глаза, рассмеялась, – Миш, ты всю жизнь будешь должен мне, за то, что я тебе кое-чего спасла!

– Кое-чего, это что? – спросил он, прищурив глаза, сдвинул тонкие брови.

– А это то, Миша, за что тебя моя сестра так любит! Так что, если бы не яяя... Мария сделала бы тебе обрезание! – она бросила ему мокрый поцелуй в щеку и заразительно рассмеялась, – и пришлось бы тебе, Миша, менять православную веру на мусульманскую!

Михаил убрал ее руки со своих плеч и брезгливо вытер со щеки след от её поцелуя, смуглое его лицо вдруг побледнело, а расширенные ноздри стали беспокойными, они выражали раздражительность.

Польшка заметила, как у него поменялось настроение, – Миша, не слушай ты её, она по пьяни не такое скажет!

– Я правду говорю! Был бы ты, Миша, евнухом, а ты, сестра? – она положила свою голову на руки и плечи ее часто затряслись, – бедная моя сестра, и за что тебе такое?

– Шур, хватит уже нести чушь! Помоги лучше нам с Мишей, напиши заявление участковому на эту убийцу! Если ее посадят, мы с ним поженимся! Неужели ты не желаешь, счастья своей сестре? – по ее щекам скатились слезинки.

– Хорошо, сестра, напишу, только завтра! – неохотно ответила Шурка, – только не плач, не могу видеть твои слезы!

– Миша, ты слышал? Сестра согласилась, написать заявление участковому!

Михаил был сосредоточенным и угрюмым, он нервно встал из-за стола, заходил по комнате и с изумлением посмотрел на нее, – почему ты решила, что мы с тобой поженимся? Я что тебе об этом говорил? – сдерживая спокойствие, спросил он.

От слов Михаила Польша растерялась, она приоткрыла рот, чтобы сказать ему о своих намерениях и планах, но не успела.

Он громко открыл ногой дверь и вышел на улицу.

Польша расширила глаза, глотнула подступивший ком в горле, – Шур, ты слышала, что он сказал? Он не говорил мне того, не говорил этого! К чему здесь слова? Когда мы с ним вместе с тех пор, как он приехал сюда!.. Да он мне, больше чем муж!

– Сестра, не переживай, никуда, он от тебя не денется! К Марии он и сам не пойдёт, ему надо теперь, обходить ее десятой дорогой!

Михаил вышел во двор, закурил папиросу, руки его судорожно тряслись, он несколько раз обошел дом и остановился под его окнами, размышлял над тем, что же произошло, как он дошел до предательства Марии, ведь, он любит ее всем сердцем, ему плохо без нее. Оказывается, Мария гораздо дороже ему, чем он думал. Теперь, когда у него не было больше надежды видеть ее, понял, как много значила, она для него. Образ Марии предстал перед его взором, красавица с серо-зелеными глазами, лукаво смотрела на него и сводила с ума, он терял самообладание при прикосновении к ее шелковому телу. Вспомнил, как впервые увидел её и добивался любви, прикрыв глаза, ощутил жаркий поцелуй ее прелестных губ, из его груди прозвучал стон, – Мария, как я виноват перед тобой! Господи, что же я наделал? – Мысленно оторвавшись от размышлений, стал обдумывать, какие практически шаги, он может, предпринять, чтобы защитить ее. Неожиданно за углом дома послышался хруст сухого валежника, первое, что пришло в его голову: – Это Мария, она не успокоится, пока не отомстит мне! – Затаив дыхание, прислушался, всюду тишина, – видно показалось, – подумал он. Глубоко затянувшись дымом терпкого табака, плюнул на уголек недокуренной папиросы, бросил ее в сторону дороги, вернулся в дом. – Завтра мне надо быть в районе, взволнованно проговорил он.

Польша всплеснула руками, – а как же заявление?

Он бросил на нее свой взор, в его черных глазах было зло и страдание одновременно, – это не обсуждается! – грубо ответил он.

Утром следующего дня, как и сказал Михаил, уехал в район, а сестры пошли к участковому и написали заявление на Марию о покушении на их жизни, а Михаила записали в свидетели.

Глава 30. Отомстить за унижение

Остаток ночи Мария не сомкнула глаз. Она переживала за то, что натворила и жалела, что Михаил остался, не наказан. Ей хотелось пойти снова к нему и свести с ним счеты, отомстить за унижение, но что-то в глубине души останавливало ее. Она знала, что утром заберут ее в участок, и подумала: – Надо одеться по-праздничному, – соскочив с кровати, раскрыла платяной шкаф и остановила взгляд на наряд, в котором познакомилась со своим Ванечкой, – вот это, что надо! – она надела сиреневую блузку из шелкового атласа с узким отложным воротничком и элегантный темно-синий костюм, это был, самый лучший наряд из ее гардероба. Она несколько минут крутилась у зеркала, не переставая удивляться, – надо же, шесть лет прошло, когда я надевала его последний раз, а он остался таким же свежим и красивым!

Искусно уложив светло-русые волосы на точеной голове, она внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале, провела пальцами по крылообразным бровям, «– Ну, что, Мария», – сказала она своему отражению: – Я готова понести наказание, сейчас придет участковый и наденет на меня наручники. – Так и случилось, буквально через минуту дверь в комнату отворилась, она оглянулась.

На пороге стоял участковый, он был высокого роста, бледный и немного обрюзгший, было видно, как годы изменили его. На его большой голове надета форменная фуражка, из-за чего по телу Марии пробежали холодные мурашки.

– Ну, здравствуй, Мария! – сказал он, как строгий учитель виноватому ученику.

– Здравствуйте, Николай Семенович, – спокойно ответила она.

– Мария, ты догадываешься, зачем я пришел к тебе?

– Догадываюсь, – так же спокойно ответила она.

– Ну, вот и хорошо, не придется долго объяснять! На тебя, Мария, написали жалобу, и предъявляют очень серьезное обвинение. Покушение на убийство, серьезная статья, лет пять тюрьмы!

– Пять лет? – изумленно выкрикнула она, – за то, что хотела попугать?

– Да, Мария, факт есть факт! Замахнулась или ударила, дядьке прокурору все равно, напугать ты хотела, или убить! Общим, собирайся, пойдем в участок на допрос. Возьми с собой необходимые теплые вещи, думаю, домой тебя уже не отпустят, а в участке прохладно!

– Я готова, Николай Семенович, а вещи мне не пригодятся.

Участковый посмотрел на нее черными влажными глазами, – ты очень красива, Мария! Думаю, прокурор смягчит твою вину, только не говори лишнего.

– Николай Семенович, а я и не виновата! Все произошло случайно!

Участковый знал ее еще с пеленок, и посмотрел на нее, как на свою дочь заботливо и грустно. Затем тихо спросил: – Дочь твоя с бабушкой останется, если ты домой не вернешься?

– Почему не вернусь? Обязательно вернусь! – с уверенностью сказала она.

– Может, быть, Мария, а за дочь я спросил потому, что во время суда может, решаться вопрос об ее определении в детский приют!

– Неужели меня судить будут?

– Кто знает! – он, приподнял плечи, и тяжело вздохнул.

Серо-зеленые глаза Марии налились слезами и по ее бархатисто-белым щекам скатились слезы, – если не вернусь... дочка будет у мамы, – грустно ответила она.

Глава 31. Ожидание свидания

У Матрены не просыхали глаза от слез. Она часами стояла у иконы Пресвятой Богородицы и молилась за Марию.

Тоня подражала ей, так же становилась рядом на колени и повторяла слова, а за тем крестилась. Каждый день после молитвы, она бежала к двухэтажному деревянному зданию, где закрыли под замок ее Маню. Она садилась у штакетника прижавшись спиной, и задрав голову смотрела на окна, вдруг она увидит её, но никакого вдруг не было. Она запрокидывала голову к голубому безоблачному небу и беззвучно просила: – Боженька, помоги моей Мане, чтобы отпустили ее домой! – ее обращение к Богу повторялось каждый день, но чуда не происходило. От обиды на ее глазах накатывались слезы, она сразу же смахивала их с бледных худых щек, и снова смотрела в небеса, беззвучно произнося одну и ту же фразу, а к вечеру уставшая и голодная, возвращалась домой.

Матрена обнимала ее, гладила закрученные кольцами кипельно-белые волосы, – опять зря сходила? – сдерживая слезы, спрашивала она.

– Да, мам, как всегда зря! Не вышла Маня, – дрожащим голосом отвечала она.

– Ничего, Танина, Господь милостив, Он услышит наши молитвы, и наша Маня, придет домой!

Дядя Ваня ходил будто индюк, распушив хвост, ликовал перед Екатериной, – ну, что, Кать, кто теперь защищать тебя будет? Заступница твоя, похоже, надолго сядет!

– Да ты, никак рад? Мария тебе родная племянница!

– Черт рогатый ей дядя! – со злостью сказал он.

– Да ты, как брат, должен поддержать Мотю! – пыталась Екатерина переубедить мужа.

– Сестру мне жалко, а вот эту дьяволицу, нисколько! По ней давно тюрьма плачет! Возомнила из себя!.. – С минуту он молчал, затем с обидой договорил: – Даже на родного дядю руку подняла!

– А ты, Ваня? – возмутилась Екатерина, – поднял на нее не руку, а палку! Спасибо скажи, что она не пошла, жаловаться, сейчас бы ты был на ее месте!

– Всё хватит! – прикрикнул он.

– Что, правда, колит глаза? Ведь ты, чуть было не убил ее, это похуже, чем она сделала! Она хотя из ревности мужика, а у тебя, что за причина была, когда ты сознательно шел убивать?

– Закрой рот, наконец! Не то я сам тебе закрою! – он замахнулся на нее.

Екатерина успела уклониться от удара, изумленно посмотрела на мужа, глубоко вздохнула, – совсем озверел! – подумала она и пошла из комнаты.

– Говорят, будет суд на этой неделе, ты сходи к Моте и скажи об этом, – сказал он ей в след.

– Екатерина повернулась к нему, – спасибо, Ваня, я обязательно схожу!

Глава 32. Вердикт

За все время нахождения Марии в участке, Михаил несколько раз собирался к ней на свидание, но он даже представить себе не мог, как посмотрит ей в глаза и, что скажет в свое оправдание? Совесть жестоко мучила его, он понимал, что теперь, ни в его власти что-либо исправить. Он кругом виноват и в том, что унизил Марию и в том, что позволил Польке встать между ними, и что теперь, она арестована, во всем виноват он!

Мария вошла в зал суда в сопровождении участкового, она не была похожа на обвиняемую, а скорее на обвинителя. Высоко подняв подбородок, она посмотрела на присутствующих и улыбнулась.

На первом ряду сидела пострадавшая Шурка, рядом с ней потерпевшая ее сестра Полька и свидетель Михаил.

Её смелые серо-зеленые глаза многозначительно заглянули в его расширенные черные глаза полные изумления и ужаса. На втором ряду, за его спиной возвышалась большая голова мужчины, Мария сразу узнала его, это был вор, который разбирал трактор в ее бригаде. – Теперь понятно мне, кто мог предупредить вора, что трактора не охраняются, это была Шурка, она и Полька с ним близкие родственники! Как я была слепа, пригрела змею на своей груди! – она посмотрела на них в упор.

Полька злорадно усмехнулась, Михаил опустил голову и смотрел в пол, а Шурка заерзала по скамье.

– Что, морда лошадиная, прочитала мои мысли? А ты, предатель, голову опустил, неужели стыдно? В свидетели пошел. Ничего, ты думаешь, что все закончилось? Нет, дорогой, все только начинается! Она не считала себя виноватой и была уверена, что ее оправдают и тогда Михаил ответит за все! Она слабо улыбнулась и посмотрела прямо в его глаза, их взгляды встретились.

Михаила будто пронзило, он хорошо знал такую улыбку, – это не к добру, что у нее может, быть на меня? – он напряг свои мысли.

Мария поняла, он волнуется, и снова улыбнулась, ее мысли оборвал приговор судьи: – За покушение на жизнь приговаривается к шести годам лишения свободы общего режима!

– Уууу, – прозвучало по залу. – Это неправильно!

Мария не ожидала, что дело обернется против нее, и подумала:

– Нельзя допустить, чтобы Михаил остался не отомщенным!

– Осужденная, вам понятен приговор? – спросил судья.

– Да, приговор мне понятен, но я хочу, сделать заявление!

«– Ну, что же излагайте, суд вас выслушает»!

– Я хочу сделать заявление о воровстве, – неожиданно для всех озвучила она.

– О каком воровстве? – удивленно спросил судья.

– Михаил Михайлович, он проходит свидетелем, украл два мешка пшеницы, а за его спиной сидит брат потерпевшей и пострадавшей, он разобрал трактор в моей бригаде с целью украсть.

Михаил и брат Польки забеспокоились, зашептались. Полька с Шуркой в один голос закричали: – Не правда, это, она оговаривает нас!

– Прошу соблюдать тишину! – сказал судья, – вы можете это доказать, осужденная?

– Да, могу! Я оставалась одна в поле и сторожила трактора, в тот день не подвезли пшеницу, и я отпустила трактористок домой. А пострадавшая, – Мария взглядом показала в Шуркину сторону, – работала тогда в моей бригаде, предупредила своего родственника, что трактора не будут охраняться! Но я, как чувствовала, осталась сторожить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.